человек загадка

Сергей
ДМИТРИЕВ

ТАЙНЫ
СМЕРТИ
ВАЗИР-МУХТАРА

ГРИБОЕДОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Такой судьбы не придумал бы ни один, даже самый искусный писатель! Жизнь Александра Грибоедова вместила в себя и военную службу в эпоху Наполеоновских войн, и творческую деятельность по созданию драматургических произведений, в том числе мирового шедевра «Горе от ума», и успешную работу на дипломатическом поприще в Персии, и участие в Русско-персидской войне 1826–1828 гг., и, наконец, трагическую гибель в Тегеране во время разгрома российского посольства.

И сколько тайн скрывает до сих пор биография поэта и дипломата, который заменял России, по словам Н.Н. Муравьева-Карского, «единым своим лицом двадцатитысячную армию»! Пушкин не случайно писал о Грибоедове: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни».

Знак информационной продукции 12+

- «НАЙДИ СВОЕГО ГЕРОЯ…»
- Часть 1
- Часть 2
  - ГРИБОЕДОВ И ПУШКИН
  - ГРИБОЕДОВ И ЛЕРМОНТОВ
  - ПОД ВЛИЯНИЕМ ГРИБОЕДОВА: ОТ ДЕРЖАВИНА ДО ЕСЕНИНА
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«НАЙДИ СВОЕГО ГЕРОЯ…» Вместо вступления

Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновении и прекрасна.

А.С. Пушкин

…Он в Москве и Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских и равнинах Ирана, где, посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым.

В.К. Кюхельбекер

Грибоедов при жизни трудился для славы и вполне достиг ее. Но что в моих глазах ставит Грибоедова даже выше всех его литературных заслуг, как велики они ни были, это та настойчивость и неустрашимость, с которою он умел поддерживать достоинство русского имени на Востоке…

К.К. Боде

Удивительны бывают повороты судьбы. Я и представить себе не мог, отправляясь в марте 2009 г. в первый раз в Иран, да еще не в какую-либо научную командировку, а на охоту, что вернусь оттуда одухотворенным новым замыслом, который определит мои исторические поиски на несколько лет вперед. А дело заключалось в том, что, посетив Тегеран, я не мог не заинтересоваться тем, когда, при каких обстоятельствах бывал в этом городе великий русский поэт А.С. Грибоедов и как случилась

в 1829 г. самая знаменитая трагедия из всех, которые когда-либо происходили в истории с посольствами в зарубежных странах. Вернувшись в Москву, я начал свои изыскания и уже через полгода вновь поехал в Иран с творческой группой издательства «Вече», посетив такие места, как Тегеран, Кум, Кашан, Пасаргады, Пер-сеполь, Накш-и-Рустам, Абьене, Исфахан и Шираз. В дни этих поездок я, как обычно во время своих путешествий, не только писал стихи и фотографировал, запечатлевая все увиденное и продуманное, но и как историк старался разглядеть под пылью времен историю Персии, в том числе ту ее часть, которая связана с Россией и судьбой Грибоедова.

Далее последовали мои дальнейшие исследования выбранной темы, которые привели к осознанию того, какое огромное воздействие оказала Персия, ее история и культура на русскую поэзию и ее выдающихся представителей. Причем это не зависело от того, удавалось ли самим поэтам воочию увидеть персидский мир. Вспомним, какие яркие стихи оставили о Востоке и Персии так и непобывавшие в ней В. Жуковский, А. Фет, Ф. Тютчев, И. Бунин, В. Брюсов, К. Бальмонт, М. Волошин, И. Гумилёв и, особенно, С. Есенин! Лишь нескольким поэтам удалось когда-то прикоснуться к персидской земле, и, конечно, первым среди них навсегда останется «персидский странник» Грибоедов, которому суждено было не только более трех лет своей короткой жизни провести в Персии, но и погибнуть в ее столице. Грибоедов стал тем незабываемым примером, который как магнит притягивал к Персии многих шедших по его «восточным стопам» поэтов — и Пушкина, и Лермонтова, и Есенина…

Именно работа над книгой о персидских вехах в жизни «найденного мной» героя — Александра Грибоедова увлекла меня настолько, что я предпринял в ноябре 2011 г. третью поездку в Иран по местам, где жил и путешествовал Грибоедов, а именно в Тегеран, Тавриз и к озеру Урмия, а также в священный для шиитов город Мешхед (в мае 2014 г. я в четвертый раз побывал и Иране, но только в Тегеране, где еще раз исследовал место убийства поэта). Кроме того, в июле 2012 г. и в апреле 2013 г. с той же целью посещения грибоедовских мест я дважды побывал в Тбилиси, а также посетил Ереван и Баку (в этот же период я съездил в Хмелиту, Петербург и исследовал московские адреса в биографии Грибоедова). Причем мне удалось проехать теми же самыми путями между этими городами, которыми не единожды странствовал сам поэт. И совершенно очевидно, что, следуя путями Грибоедова на Кавказе, я не мог не посещать места, которые нашли отражение в творчестве других великих поэтов — Пушкина, Лермонтова, Есенина и не восхищаться в своих стихах

их путешествиями:

Поэтов странствия по свету
Пора настала воспевать,
Чтоб путеводную комету
Стихами снова озарять,

Чтоб люди нынешние знали,
Что и в былые времена
Поэты русские взлетали
В скитаний дальних стремена.

Жуковский, Пушкин, Грибоедов
И Бунин, Бальмонт, Гумилёв
Не просто были непоседы,
А странники былых веков.

Канва путешествий вообще проходит красной нитью через историю русской литературы, особенно первой половины XIX в., и не важно, что часто, как это было и в судьбе Грибоедова, путешествия представляли собой скорее вынужденные, вызванные различными обстоятельствами поездки по делам службы, которые, тем не менее, все равно выполняли весьма важную миссию вдохновения поэтов и открытия перед ними новых горизонтов. Одни и те же вопросы мучили различные поколения русских мастеров стиха, нередко «замысливавших», как это делал Пушкин, свой «побег» в далекие края. Об этом мне удалось написать следующие строки:

Куда бежать? В какие страны,
В какие веси, дали и места,
Где заживут души унылой раны,
Где Веды, Библии, Кораны
Как с чистого откроются листа?..

Зачем бежал в персидские пределы
Неугомонный автор «Горя от ума»?
Зачем в Арзрум с порывом смелым,
Хотя солдатом вовсе неумелым,
Умчался гений стихотворного письма?

Зачем Кавказ избрал ночлегом
Тот, кто в дуэльной схватке пал?
Как Гумилев в конфликте с веком

Опасным в Абиссинию побегом
Взошел на странствий пьедестал?

Зачем в Цейлон стремился Бунин,
В Киото — Бальмонт, а в Равенну — Блок?
Какие никому невидимые струны
Поэты эти в поисках фортуны
Заставили звучать на долгий срок?

Они увидели в тумане дальнем,
Как в зеркале иных миров,
Отечества портрет первоначальный,
Спасительный, хоть и печальный,
В убранстве стихотворных слов.

Глубокое погружение в тему «Русские поэты и Персия» принесло для меня много открытий. Оказалось, что в этой стране побывали не только Грибоедов (1819–1829 гг.) и Велимир Хлебников (1921 г.), что довольно широко известно, но и такие поэты и писатели, как:

Василий Каменский (1906 г.),
Юрий Терапиано (1913 г.),
Сергей Городецкий (1916–1917, 1921 гг.),
Виктор Шкловский (1917–1918 гг.),
М.С. Альтман (1920 г.),
А.О. Моргулис (1921 г.),
Вячеслав Иванов (1921 г.).

В советское время в Иране побывали, в частности, поэты А. Сурков и Расул Гамзатов.

Обобщив все собранное и написанное в историко-литературной и фотопоэтической книге-альбоме «Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века» (М.: Вече, 2014), включившую в себя 10 очерков о «персидских связях» русских поэтов, я продолжил свое исследование неизвестных страниц жизни Грибоедова, которое и представляет читателям настоящая книга. В ней автор попытался на основе привлечения обширного документального материала и использования собственных наблюдений очистить портрет великого русского поэта и дипломата от устоявшихся мифов, заблуждений и искажений, разобраться с многочисленными тайнами и запутанными обстоятельствами его насыщенной жизни, обратив особое внимание на персидские страницы биографии поэта — самые затемненные и загадочные из летописи грибоедовского

бытия.

А путеводной нитью к выполнению автором поставленной задачи стали слова А.С. Пушкина, который прекрасно знал Грибоедова и откровенно сожалел, что его биография так и не написана. По сути, в своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин в нескольких абзацах сумел гениально и просто «набросать» символический портрет поэта, осветить основные вехи его жизни и сформулировать главные задачи исследования его биографии. Приведем эти слова Пушкина полностью, чтобы потом, по мере раскрытия в книге тех или иных тем, возвращаться к ним более обстоятельно: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском телеграфе“. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия „Горе от ума“ произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил… Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны…»

Для нашего исследования очень важны слова Пушкина о том, что «жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств». Пушкин, прекрасно знавший жизненный путь Грибоедова, намекает на некоторые загадочные стороны его биографии, которые нам как раз и придется рассмотреть в настоящем исследовании. А «пылких страстей» и «могучих обстоятельств» в жизни Грибоедова было действительно «через край»… В одном только ошибся Пушкин: он не знал и не мог знать, что, несмотря на огромные потери и пробелы, сохранившееся творческое и эпистолярное наследие Грибоедова, его друзей и современников включает в себя и многочисленные дневники, и яркие воспоминания, и сотни разносторонних писем, составляя в целом пеструю панораму жизни поэта, которая вполне может помочь «написать его биографию».

Попытаемся решить эту задачу, хотя бы в том кратком варианте, который позволяет объем настоящей книги. Сразу подчеркнем, что данное исследование не следует рассматривать как полноценную и подробную биографию поэта, автору пришлось сконцентрировать свое внимание лишь на отдельных моментах жизни Грибоедова, особенно на персидских страницах его биографии. Поэтому тем, кто интересуется более обстоятельным рассказом о жизни поэта, автор советует обратиться к самым насыщенным на сегодняшний день биографиям поэта: Фомичев. А. Александр Грибоедов (СПб.: Вита-Нова, 2012); Цимбаева Е.Н. Грибоедов (М.: Молодая гвардия, серия «ЖЗЛ», 2003).

Часть 1
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ «ПЕРСИДСКОГО СТРАННИКА»

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПОРТРЕТ ГЕРОЯ

Такой судьбы не придумал бы ни один, даже самый искусный писатель! Вот только три вехи из этой судьбы. 2 января 1826 г. генералу А.П. Ермолову приказывалось военным министром: «По воле государя императора покорнейше прошу… немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами… и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к его императорскому величеству». Пройдет всего лишь два с небольшим года, и Указом Николая I об учреждении Российской императорской миссии в Персии от 24 апреля 1828 г. полномочным министром в эту страну будет назначен статский советник Грибоедов. Минует ещё девять месяцев, и 30 января 1829 г. во время разгрома русской миссии в Тегеране Грибоедов погибнет смертью храбрых вместе со своими товарищами.

Всего лишь три года — от падения в бездну ареста до подвига на дипломатическом поприще и трагической гибели — отпустила судьба молодому поэту и дипломату, и совсем не случайно нескрываемая зависть звучит в словах Пушкина, дружившего с Грибоедовым: «…Совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил… Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни… Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей…»

Более 175 лет минуло с той поры, когда были написаны эти строки, но по-прежнему истинная биография Грибоедова так и не создана, следы его жизни теряются в дымке забвения, а «ленивость и нелюбопытность» привели к тому, что вокруг фигуры поэта накопилось множество искажающих правду мифов, проповедниками которых выступали весьма известные фигуры. Наиболее ярым из них оказался поэт и партизан Денис Давыдов, который «одарил» Грибоедова столькими надуманными грехами, что одно только их перечисление повергает в уныние: «недостаток способностей для служебной деятельности»,

«слишком малое усердие и нелюбовь к служебным делам», Грибоедов был «бесполезный для службы», терзался «бесом честолюбия», он «пренебрег, к сожалению, уроками своих предместников», «действия этого пылкого и неосмотрительного посланника возбудили негодование шаха и персиян», «он провел довольно долгое время в Персии, где убедился лишь в том, что слабость и уступчивость с нашей стороны могли внушить персиянам много смелости и дерзости», «он погиб жертвою своей неосторожности». Такие обвинения, по сути, низводят Грибоедова до уровня недалёкого чиновника и карьериста, полностью виновного в тегеранской трагедии.

Образцов уничижительного отношения к Грибоедову, в том числе при его жизни, можно привести много, понимая при этом, что зависть человеческая часто не знает границ. Вот, к примеру, то, что поведал в своей эпиграмме «На А.С. Грибоедова» в 1824 г. М.А. Дмитриев:

> Как он на демона похож!
> Глаза, черты лица — в точь Фаустов учитель!
> Одно лишь обнаружит ложь:
> В стихах-то он не соблазнитель.

Портрет А.С. Грибоедова. Художник Е.Е. Моисеенко. 1956 г.

До крайнего предела шельмования Грибоедова дошел в 1915 г. философ и писатель Василий Розанов, написавший такие отвратительные строки в своей книге «Мимолетное»: «„Горе от ума“ есть страшная комедия. Это именно комедия, шутовство, фарс… Она есть гнусность и вышла из гнусной души — из души мелкого самодовольного чиновника министерства иностранных дел». Нечто похожее, хотя и более умеренное, писал об облике поэта Александр Блок: «Неласковый человек, с лицом холодным и тонким ядовитого насмешника и скептика»; «„Горе от ума“… я думаю, — гениальнейшая русская драма; но как поразительно случайна она! И родилась она в какой-то сказочной обстановке: среди грибоедовских пьесок, совсем незначительных; в мозгу петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе и с лицом неподвижным, в котором „жизни нет“». Здесь Блок цитирует стихотворение Е.А. Баратынского «Надпись», которое считалось посвященным Грибоедову, но которое, на самом деле, не имеет к нему никакого отношения. В эту же ловушку попал и Ю.Тынянов, автор популярного романа «Смерть

Вазир-Мухтара», недавно экранизированного на канале «Россия», который открывается тем же эпиграфом Баратынского:

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!

Роман Тынянова был закончен в 1927 г" в эпоху рождения "соцреализма", и его главный герой оказался хотя и художественно ярким, но исторически весьма недостоверным (хотя следует признать, что этот роман сыграл важную роль в повышении интереса к фигуре "Вазир-Мухтара", как именовали русского посланника в Персии). Вот и получается, согласно трактовке Блока и Тынянова, что Грибоедова отличали "желчь и злость в душе", "холодный и безжизненный лик", да ещё и совершенная случайность создания "Горя от ума" автором "незначительных пьесок".

Таким ли был реальный лик "Грибоедова Персидского", как его называл П.А. Вяземский и многие другие современники? Послушаем свидетельства близких к поэту людей и убедимся в том, как далёк он был от "холодности" и "злости".

Тот же Вяземский писал: "В Грибоедове есть что-то дикое… в самолюбии: оно, при малейшем раздражении, становится на дыбы, но он умен, пламенен, с ним всегда весело. Пушкин тоже полудикий в самолюбии своем, и в разговоре, в спорах были у него сшибки задорные…" "Грибоедов был хорошего роста, довольно интересной наружности, брюнет с живым румянцем и выразительной физиономией, с твердой речью", — такой портрет запечатлел В.А. Андреев. "Кровь сердца всегда играла на его лице", — это важное дополнение сделал А.А. Бестужев.

Д.А. Смирнов так писал об открытости поэта: "Грибоедов имел удивительную способность влюблять в себя все его окружающее. Можно сказать смело, что все, что только было около него, любило его. И немудрено: это был такой высокий, чистый, человечественный характер". Ф.В. Булгарин отмечал: "Признаюсь, что… я никогда не любил никого в мире больше Грибоедова… Душа его была рай, ум — солнце!" А.А. Жандр не менее четко заявлял: "Грибоедов имел удивительную, необыкновенную, почти невероятную способность привлекать к себе людей, заставлять их любить себя, именно "очаровывать"".

А вот откровенное признание К.А. Полевого: "Я видел в нем человека необыкновенного во всех отношениях, и это было тем драгоценней, что он никогда не думал блистать… Главными

отличительными его свойствами были… большая сила воли и независимость в суждениях и образе жизни… Искренность, простота и благородство его характера привязывали к нему неразрывною цепью уважения, и я уверен, что всякий, кто был к нему близок, любил его искренно". Полевому вторил П.А. Бестужев: "Единственный человек сей кажется выше всякой критики, и жало клеветы притупляется на нем. Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями… душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому… Одним словом, Грибоедов — один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели б из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, не увенчанный короною, для начертания необходимых преобразований…"

Особый акцент почти все современники Грибоедова делали на его уникальных умственных способностях. Например, И.И. Козлов утверждал: "Грибоедов, человек умнейший, каких мало", а Н.Н. Муравьев-Карский не мог скрывать своего восхищения: "Образование и ум его необыкновенны". Пушкин же прямо говорил: "Это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его". Он отмечал такие качества Грибоедова, как "талант поэта", "способности государственного человека", "холодную и блестящую храбрость", и называл его "человеком необыкновенным": "Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно".

Примечательные слова о Грибоедове привёл в своих воспоминаниях П.А. Каратыгин: "Кроме его остроумной беседы, любил я слушать его великолепную игру на фортепьяно… сядет он, бывало, к нему и начнет фантазировать… сколько было тут вкуса, силы, дивной мелодии! Он был отличный пианист и большой знаток музыки: Моцарт, Бетховен, Гайдн и Вебер были его любимые композиторы. Однажды я сказал ему: "Ах, Александр Сергеевич, сколько Бог дал вам талантов: вы поэт, музыкант, были лихой кавалерист, и, наконец, отличный лингвист!" (он, кроме пяти европейских языков, основательно знал персидский и арабский языки). Он улыбнулся, взглянул на меня умными своими глазами из-под очков и отвечал мне: "Поверь мне, Петруша, у кого много талантов, у того нет ни одного настоящего"".

Талантами Господь действительно не обделил Грибоедова, но их истоки и проявления следует искать еще в детстве и юности писателя, приносящими нам первые загадки в биографии

писателя.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПОЭТА

Первой тайной в биографии Грибоедова, покрытой "некоторыми облаками", является тайна его рождения, вернее, точная дата этого события и семейные обстоятельства появления на свет будущего поэта. Судьбе было угодно, чтобы родителями поэта стали представители двух ветвей рода Грибоедовых — смоленской и владимирской, которые, но некоторым утверждениям, являлись даже друг другу дальними родственниками. Вообще широко распространенная позднее фамилия Грибоедовых встречается в документальных источниках по русской истории еще в 1503 г. в Великом Новгороде, откуда после разгрома города Иваном Грозным немногие уцелевшие жители были разосланы жить по другим городам. По свидетельству исследователя С.А. Фомичева, в XVIII в. в различных губерниях России насчитывалось не менее 50 имений, принадлежавших различным Грибоедовым, причем не обязательно родственникам.

Известно, что одним из предков поэта по материнской линии был Федор Иоакимович Грибоедов, разрядный дьяк, участвовавший в составлении Соборного уложения 1649 г. и написавший позднее по приказу Алексея Михайловича "Историю о царях и великих князьях земли русской". Получается, что писательская стезя в грибоедовском роде началась еще в XVII в. Другой Грибоедов — Михаил Ефимович — за воинские достижения в период Смуты получил в 1614 г. от первого царя династии Романовых Михаила Федоровича вотчину с угодьями в Вяземском уезде, и с той поры Грибоедовы обосновались на Смоленщине в селе Хмелита, где ныне действует единственный в России музей-заповедник, носящий имя А.С. Грибоедова.

Александр Грибоедов в отроческие годы. Рисунок неизвестного художника

Что касается отцовской линии предков поэта, то она, в отличие от материнской, была совсем не именита и имела дворянство не столбовое, а выслуженное. Дед поэта Иван Никифорович Грибоедов (1721–1800), будучи сыном отставного капрала, с 16 лет служил солдатом в Преображенском полку, дослужился до офицерского звания и вышел в отставку в 1746 г. в чине коллежского советника, поселившись в небольшом имении на Владимирщине. По стопам деда поэта пошел и его отец Сергей Иванович (1758-ок. 1814), который некоторое время служил в армии, правда, не проявил себя там ничем примечательным и в 1785 г. вышел в отставку в чине секунд-майора.

Он прославился после этого своим разгульным поведением и страстью к карточным играм, однако в 1791 г. ему повезло: он женился на своей однофамилице Настасье Федоровне, дочери статского советника Федора Алексеевича Грибоедова, составив для себя удачную партию.

Но семейная жизнь молодоженов как-то сразу не заладилась, что во многом объяснялось характером и пристрастиями мужа. Прочного гнезда свить им не удалось, хотя уже в 1792 г. у них появилась дочь Мария, а вскоре и сын Александр. Причем до сих пор не утихают споры — в каком же году родился будущий поэт-дипломат, а то, что он появился на свет именно 4 января, никто не сомневается. Исследователи называют самые разные годы рождения — 1790,1792,1793,1794 и 1795 гг. И связано это с разночтениями в различных документах, формулярах, рапортах, послужных, исповедных книгах и т. д. Биограф Грибоедова С.А. Фомичев, ссылаясь на исследования консисторских книг А.И. Ревякиным, склоняется к 1794 г., при этом он также указывает на подтверждающие эту дату рапорты по службе корнета Грибоедова и паспорт, выданный ему в 1816 г. Но все-таки наиболее устоявшимся годом рождения поэта считается именно 1795 г., на что указывают исповедные книги московской церкви Девяти мучеников за 1805,1807 и 1810 гг., формулярный список Грибоедова за 1813 г., а главное — год рождения, указанный на надгробном памятнике поэта. Дело в том, что его вдова при создании этого памятника переписывалась по этому вопросу с матерью и сестрой поэта, которые лучше всех знали истинную дату. К тому же этот год рождения отстаивал и ближайший друг писателя С.Н. Бегичев, специально подчеркивавший точность именно 1795 г. Выскажемся за эту дату и мы, учитывая при этом, что в 2015 г. исполняется 220 лет со дня рождения Грибоедова.

Сначала Грибоедовы жили в Москве на Пречистенке, в доме Федора Вельяминова, потом перебрались на Остоженку, 34, в дом Парасковьи Шушириной, но вскоре на некоторое время поселились в сельце Тимиреве неподалеку от города Судогды на Владимирщине, где мать поэта купила небольшое имение.

В октябре 1801 г. Настасья Федоровна купила дом на Новинском бульваре, 17, неподалеку от церкви Девяти мучеников, после чего семья уже постоянно жила в Москве. Однако заботы о детях легли полностью на плечи матери, властной и упорной женщины, требовавшей безоговорочного подчинения, но при этом не скупившейся на воспитание детей, обучая их музыке и наукам. (Впоследствии сын всегда с почтительностью отзывался о матери, но предпочитал жить от нее подальше, не перенося ее деспотичности и назойливого желания добиться карьеры для своего сына.)

Отец же семейства жил отдельно от родных. Как вспоминал близко знавший Грибоедовых В.И. Лыкошин, "его мы почти никогда не видели, он жил в деревне далеко от семьи, или когда приезжал в Москву, то проводил дни и ночи за азартною игрой

вне дома, и расстроил сильно имение".

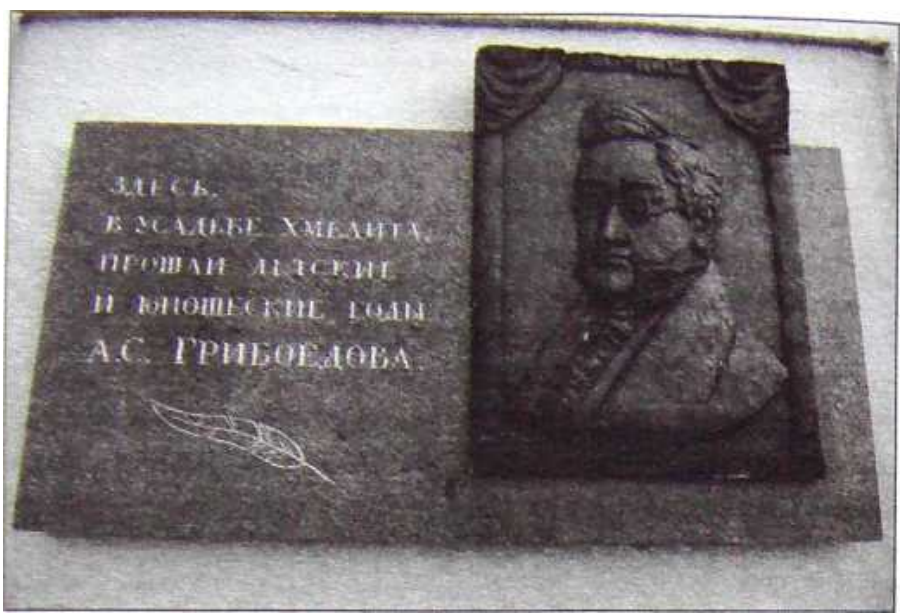
Все исключительные качества, которые Грибоедову выпало проявить в жизни, "не свалились на него с неба", а вырабатывались им в трудах с раннего детства. Первоначальное образование он получил в родном семействе, сначала под руководством матери, кстати, женщины очень просвещенной, а потом под наблюдением иностранцев-гувернеров, в том числе гувернера-немца И.-Б. Петрозилиуса. Грибоедов уже в декабре 1803 г. поступил в Благородный пансион Московского университета, где проучился три года, и в возрасте 11 лет, что не было тогда исключением, был принят на словесное отделение философского факультета того же университета.

Дом матери поэта Н.Ф. Грибоедовой (ныне — Новинский бульвар, 17)

В 1808 г. Грибоедов закончил университетский курс, получив свой первый гражданский чин 12-го класса — губернского секретаря. А в конце июня этого же года, видимо по особому настоянию матери, успешно выдержал экзамен, получив звание кандидата словесности. А в 1810–1812 гг. он, как "сторонний слушатель", посещал лекции в университете, готовясь к получению степени доктора прав. Сохранились воспоминания университетского товарища Грибоедова В.В. Шнейдера: "Уже в это время Грибоедов говорил по-французски, немецки, английски и итальянски и оказывал наклонность к серьезному чтению. Это чтение, вместе с университетскими лекциями, стало

впоследствии главным основанием его образования… Благодаря знанию древних языков, Грибоедов почти один из русских был в состоянии следить за лекциями немецких профессоров, читавших по-латыни. Литературные занятия будущего автора "Горя от ума" начались еще в университете. Нередко читал он своим товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы".

Показательны слова, сказанные Грибоедовым К.А. Полевому о Шекспире: "Грибоедов спросил у меня: на каком языке я читаю его? Я читал его тогда во французских и немецких переводах и сказал это. "А для чего же не в подлиннике? Выучиться языку, особенно европейскому, почти нет труда: надобно только несколько времени прилежания. Совестно читать Шекспира в переводе, если кто хочет вполне понимать его, потому что, как все великие поэты, он непереводим, и непереводим оттого, что национален. Вы непременно должны выучиться по-английски". А вот что вспоминал об "учености" поэта Булгарин: "Часто он бывал недоволен собою, говоря, что чувствует, как мало сделал для словесности. "Время летит, любезный друг, — говорил он, — в душе моей горит пламя, в голове рождаются мысли, а между тем я не могу приняться за дело, ибо науки идут вперед, а я не успеваю даже учиться, не только работать. Но я должен что-нибудь сделать… сделаю!.."".



Памятная доска на главном здании усадьбы Хмелита

На формирование характера и способностей молодого поэта огромное влияние оказала дворянская среда, в которой

приходилось вращаться молодому представителю двух ветвей одного рода — смоленской и владимирской. Именно по смоленской линии род Грибоедовых был наиболее древним и связанным с аристократической Москвой. Весьма известной фигурой того времени был родной дядя поэта Алексей Федорович Грибоедов, один из основных прототипов Фамусова, в смоленской усадьбе которого Хмелита, находящейся в 260 километрах от Москвы на пути к Смоленску, Грибоедов провел многие незабываемые дни своего детства и юности во время летнего отдыха. Как приятно, что эта усадьба возрождается сегодня в рамках Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова "Хмелита", позволяя наяву почувствовать атмосферу давно ушедшей эпохи. Свой статус музей получил в 1990 г., и сейчас он остается популярным местом для любителей русской истории и культуры. Посетить это место, значит, хоть немного приобщиться к биографии великого поэта и дипломата.

Получив очень обширное и глубокое образование, Грибоедов с юности начал, по свидетельству его товарищей, сочинять стихи, по большей части эпиграммы и сатирические произведения. Они, к сожалению, не дошли до нас, потерявшись на своенравных "ветрах времени". Нам известно лишь, по словам С.Н. Бегичева, что поэт написал в 1809 г. пьесу "Дмитрий Дрянской", которая была пародией на трагедию "Дмитрий Донской". Судить о недошедшей до нас пьесе мы не можем, но то, что автор еще в юности брался за подобные темы, да еще в виде драматургического произведения, говорит о многом. Напомним, что и прославился то он через 15 лет именно поэтической комедией "Горе от ума".

Грибоедов, по его словам, "поэзию почитал истинным услаждением моей жизни, а не ремеслом", но при этом он в отличие от многих писателей той эпохи готовился к этому поприщу весьма серьёзно и с упорством, говоря своему другу С.Н. Бегичеву: "Не бойся! время мое не пропадет". Бегичев уже в 1813 г. поражался обширности познаний Грибоедова в сфере литературы: "Он первый познакомил меня с "Фаустом" Гёте и тогда уже знал наизусть Шиллера, Гёте и Шекспира".

Казалось, что после усиленных занятий в университете и стихотворных опытов молодого человека ждет карьера ученого и литератора, но тут судьба и "гроза 12-го года" вывели его на первую в жизни развилку, которая привела его в стан воинов российских…

Хотелось бы попутно затронуть в этой главе, касающейся московского периода в жизни нашего героя, очень важный вопрос

об увековечивании памяти Грибоедова, которому в этом отношении совсем "не повезло". Достаточно сказать, что, не считая музея в Хмелите Смоленской области, где поэт бывал только в детские годы, его музея нет ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Для сравнения: в память А.С. Пушкина в России открыто не менее 12, а М.Ю. Лермонтова — не менее 5 музеев. В Москве нет также ни улицы (она была ранее, но в 1994 г. оказалась переименованной почему-то в Малый Харитоньевский переулок), ни площади или даже станции метро имени Грибоедова, хотя в Петербурге есть набережная канала Грибоедова и планируется открыть станцию метро его имени (любопытно, что в подмосковных городах и поселках есть уже 7 улиц Грибоедова). Правда, в Москве есть Дворец бракосочетания "Грибоедовский" и памятник поэту на Чистых прудах (скульптор А.А. Мануйлов, архитектор А.А. Заварзин, 1959 г.), но этого слишком мало для человека, прославившего Москву не только своим рождением и творениями, но и гениальным отражением целой эпохи в ее истории, которая по праву была названа "Грибоедовской Москвой" (заметим, что понятий "Пушкинская" или "Лермонтовская Москва" просто не существует).

Усадьба Хмелита, где поэт бывал неоднократно в детские годы

Любопытно, что в Москве открыты и действуют не менее 20

музеев, посвященных тем или иным конкретным мастерам слова, и очень странно, что в этом списке нет Грибоедова. Конечно, наличие музеев Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, Чехова, Горького, Алексея Толстого, Есенина, Маяковского, Булгакова, составляющих первый ряд русской литературы, не может не радовать, но отсутствие в этом перечне Грибоедова особенно разительно, если учесть, что в Москве действуют также музеи В.Л. Пушкина, Герцена, Брюсова, Андрея Белого, К.Г. Паустовского, Марины Цветаевой, Николая Островского и Владимира Высоцкого. Эти имена, конечно, достойны музейной памяти, но вряд ли более, чем Грибоедов, оставивший такой яркий след в истории Москвы. (Кстати, из 8 поэтов, которые имеют в Москве музеи, шестеро родились в столице — Пушкин, Лермонтов, Брюсов, Белый, Цветаева, Высоцкий.)

"Отечество, сродство и дом мой в Москве", — так писал Грибоедов о своем родном городе, в котором ему суждено было прожить почти безвыездно, кроме летнего детского отдыха, 17,5 лет до вступления корнетом в Московский гусарский полк в разгар Отечественной войны. В Москве поэт учился в университете, проявил свой первый интерес к литературе и драматургии, отсюда он у шел в армию летом 1812 г. Позже он был в Москве проездом — от 2 до 25 дней или надолго (5–8 месяцев) — всего 8 раз в самые важные периоды своей жизни: в 1813 г., отправляясь на дальнейшую военную службу на Запад, в 1818 г., направляясь в свое первое "персидское хождение", в 1826 г. дважды — по пути следования в Санкт-Петербург под охраной после его ареста по делу декабристов и на обратном пути на кавказскую службу после освобождения его из заточения, в 1828 г. тоже дважды — следуя с текстом Туркманчайского договора к императору Николаю I и отправляясь через три месяца обратно, теперь уже в качестве полномочного министра-посланника в Персии. Но самое главное, что с марта 1823 г. по май 1824 г., не считая отъезда в имение своего друга С.Н. Бегичева на 1 месяц и 20 дней, Грибоедов провел в Москве более 13 месяцев, накапливая необходимые поэтические наблюдения и завершая комедию "Горе от ума", в которой он и воспел ту самую Москву, ставшую вскоре " Грибоедовской".

Получается, что из короткой 34-летней жизни Грибоедов провел в Москве около 19 лет, которые вобрали в себя многие яркие моменты жизни великого поэта, в том числе его труды над бессмертной комедией. И как обидно, что в Москве не увековечена достойным образом память о ее выдающемся сыне. Первоочередными мерами на этом пути представляется

перспективное решение вопроса о присвоении имени Грибоедова одной из улиц, площадей или станций метро. Последнее особенно просто осуществить с учетом продолжающегося переименования станций, названных в честь революционеров, а также широкого строительства новых станций метро (к примеру, в списке новых станций уже фигурирует станция Фонвизинская). Но самым насущным и нетерпящим отлагательств является создание в Москве музея поэта.

К счастью, в отличие от несохранившихся московских зданий, где поэт родился и провел самые юные годы, сохранилось то самое здание по Новинскому бульвару, 17, которое мать поэта Н.Ф. Грибоедова приобрела еще в 1801 г., а потом, после пожара Москвы при французах, выстроила заново. И хотя это здание за прошедшее время не раз перестраивалось и меняло облик усилиями новых хозяев (есть даже непроверенные данные, что однажды оно полностью сносилось после его продажи матерью поэта в 1834 г.), его можно считать "родным" домом поэта, в котором тот прожил несколько лет до Отечественной войны 1812 г. и который посещал каждый раз, попадая в Москву. Немаловажно также, что в этом доме неоднократно бывали многие выдающиеся деятели, знавшие Грибоедова или имевшие к нему отношение, к примеру вдова поэта Нина Чавчавадзе или принц Хосров-Мирза, приезжавший с искупительной миссией в Россию после убийства Грибоедова. На этом доме уже давно размещена памятная доска с портретом Грибоедова, но без какого-либо сопроводительного текста.

В последнее время в исследовании жизни и творчества Грибоедова были сделаны заметные открытия, накоплено много новых документальных, в том числе изобразительных и фотоматериалов, позволяющих надеяться, что музей поэта можно сделать интересным и богато насыщенным, особенно учитывая готовность помочь в этом других литературных музеев, в том числе музея А. С. Пушкина. И конечно, музей Грибоедова с учетом технологических возможностей последнего времени следует сделать современным, мультимедийным, с развертыванием активной и постоянной работы с его посетителями. Для успеха этого начинания желательно было бы сделать его не только музеем Грибоедова, как личности, но и музеем Грибоедовской Москвы, как всеми признанного явления и целой эпохи в истории столицы.

Остается надеяться, что звание столицы русской и мировой поэзии, которой Москва удостоена благодаря рождению в ней трех великих поэтов, составивших гордость отечественной литературы, — Грибоедова, Пушкина и Лермонтова, будет

подкреплено открытием недостающего столице музея А.С. Грибоедова. А судьба этого поэта, дипломата, государственного деятеля и воина еще и еще раз поможет нам осознать, что преданное служение Отечеству и на ниве литературы, и на ниве дипломатии, и на ниве военного дела не должно подвергаться забвению и умалению.

НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Грянувшая Отечественная война 1812 г. круто изменила жизненные планы Грибоедова. Почти сложившийся ученый и начинающий поэт стал в конце июля 1812 г. корнетом Московского гусарского полка, который формировался по инициативе графа Салтыкова и на его средства. "Я был готов к испытанию для поступления в чин доктора, — писал о себе позднее Грибоедов, — как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего… Я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу". Полк для укомплектования и подготовки был отправлен через Муром в Казань, но 8 сентября Грибоедов сильно заболел и остался во Владимире. Достоверных сведений о том, чем болел корнет и почему он так долго не возвращался в полк, очень мало, но в любом случае еще летом 1813 г. он жил во Владимире с матерью и сестрой, которые покинули Москву во время приближения к ней французской армии.

Тем временем Московский гусарский полк был соединен с Иркутским гусарским полком, получив имя последнего, и направлен в Могилев. Грибоедов же числился больным вплоть до октября 1813 г., потом он служил в кавалерийских резервах под командованием генерала А.С. Кологривова, которому была поручена весьма важная миссия: возглавить разностороннюю работу по формированию новых кавалерийских соединений. О сути этой работы Грибоедов рассказал в своей статье "О кавалерийских резервах", которая была, наряду со статьей "Письмо из Бреста Литовского к издателю", напечатана в 1814 г. в "Вестнике Европы". Это фактически был литературный дебют будущего автора "Горя от ума", в котором писатель подробно описал кропотливую деятельность, заставившую многих "подивиться многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2000 верст) по краям опустошенным неприятелем, подивиться войску, ополченному в случайностях войны…"

А в "Письме из Бреста Литовского к издателю", посвященном празднику в честь награждения Кологривова орденом Святого Равноапостольного князя Владимира 1-й степени, автор, перемежая стихи и прозу, воспел дружескую атмосферу в родном корпусе, "братский круг" и идеалы гусар. Больше всего времени Грибоедов проводил в Брест-Литовске, небольшом городке, который располагался примерно там, где сейчас стоит Брестская крепость. В предписании Кологривова значилось, что корнет Грибоедов "назначается ко мне для производства письменных дел", и ему, конечно, приходилось неоднократно сопровождать командира в его частых разъездах по территории нынешней Белоруссии, а также в Варшаву, где размещалась часть кавалерийских резервов и госпиталь. Это, по сути дела, были первые путешествия поэта, которые не могли не отразиться на его будущей страсти к "перемене мест" и на его творчестве, о чем могут свидетельствовать хотя бы "польские страницы" в опереводевиле "Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом", написанной позднее Грибоедовым в соавторстве с П.А. Вяземским.

Военная служба очень сильно повлияла на Грибоедова, она дала ему выправку, опыт, навыки стрелка и умелого кавалериста, и хотя он из-за своей болезни фактически не участвовал в боевых действиях, его гусарские годы, проведенные в Брест-Литовске, оказали решающее влияние на формирование его характера, где перемешались и твердость, и настойчивость, и храбрость, и умение дружить с товарищами по службе, и даже задиристость вместе со свойственным гусарам стремлением к вольной и разгульной жизни. Известны свидетельства о нескольких "гусарских проделках" Грибоедова, в том числе о том, как он верхом въехал на второй этаж здания, где шел бал, или о том, как он однажды в костеле заиграл на органе камаринскую…

На службе Грибоедов подружился со Степаном Никитичем Бегичевым (1785–1859), который станет его лучшим другом на всю жизнь: с ним он будет часто встречаться, вести с ним постоянную переписку и даже писать для него свои путевые заметки во время будущих странствий. И именно в одном из писем Бегичеву Грибоедов вспомнит позднее свою военную эпопею: "А Брест! Литовский! Вероятно, нет хуже местечка на взгляд, но и там пожилось".

В конце 1814 г. по заключению военного медика Грибоедов "от падения с лошади разбитием в груди чувствует в оной стеснение и боль", и, по-видимому, именно для лечебных целей поэт и отправился впервые в Санкт-Петербург летом 1815 г. А в Брест-Литовск ему уже не суждено было вернуться. В своем

прошении об увольнении с военной службы Грибоедов просил о получении им после отставки звания коллежского асессора (8-й класс), его поддержал Кологривов, но поэт был уволен со службы по болезни "для определения к статским делам прежним статским чином" с тем же 10-м классом — коллежского секретаря.

Командующий кавалерийскими резервами генерал Кологривов дал Грибоедову перед отставкой следующий аттестат: "Находясь при мне в должности адъютанта, исполнял как сию должность, так и прочие делаемые ему поручения с особенным усердием, ревностью и деятельностью, за что и предоставлен от меня… к Всемилостивейшему награждению". Отставка поэта без каких-либо наград была принята лишь 24 марта 1816 г., когда поэт уже более 8 месяцев жил в Санкт-Петербурге…

Этот великий город, наряду с родной Москвой, о которой писалось выше, сыграл колоссальную роль в судьбе поэта. Он провел в нем суммарно не менее 4 лет и 9 месяцев, что представляется очень весомым сроком, учитывая, что жить поэту было предначертано после первого приезда его в Северную столицу летом 1815 г. всего лишь 13,5 лет. В Петербурге Грибоедов жил в 1815–1818 гг. (чуть более трех лет), 1824–1825 гг. (почти год), 1826 (более 5 месяцев) и 1828 гг. (примерно 2 месяца и 20 дней). Здесь он впервые появился как корнет, затем жил после отставки с военной службы, начинал свои литературные опыты, поступил на службу в Коллегию иностранных дел, отсюда отправился впервые в Персию. Позже он заканчивал здесь "Горе от ума", пережил наводнение, находился под арестом по подозрению в участии в движении декабристов и был прощен императором. Именно сюда поэт торжественно привез Туркманчайский договор, здесь он сдружился с Пушкиным, отсюда же он в качестве полномочного министра отправился в свое последнее "персидское хождение".

Петербург просто пестрит местами, связанными с биографией поэта. Перечислим их вскользь, чтобы тем, кто интересуется жизнью и творчеством Грибоедова, можно было, приехав в Санкт-Петербург, приобщиться к эпизодам его жизненного пути.

В Зимнем дворце Грибоедов бывал не однажды, в том числе встречаясь с императором Николаем I.

В Главном штабе Грибоедов содержался несколько месяцев как арестант по делу декабристов и сюда же он приходил по служебным делам в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел.

Канал Грибоедова (ранее — Екатерининский) стал носить имя поэта только с 1923 г., но весьма любопытно, что в доме по нынешнему адресу: набережная канала Грибоедова, 104, поэт жил

в еще в 1816–1818 гг. в доме Валька.

В дом на Английской набережной, 32, где располагалась Коллегия иностранных дел, Грибоедов почти ежедневно ходил на работу в 1817–1818 гг. до своего отъезда в Персию. Причем в это же самое время там работали Пушкин и Кюхельбекер.

В Казанском соборе Грибоедов любил часто бывать, а в Исаакиевском соборе 11 июня 1817 г. он был приведен к присяге в качестве сотрудника Коллегии иностранных дел.

Как известный театрал и драматург Грибоедов неоднократно посещал почти все театры города, которые действовали во время его пребываний в Петербурге.

В доме Эгермана на набережной реки Мойки, 82 поэт жил в 1826 г. (Любопытно, что А.С. Пушкин окончил свои дни на Мойке, 12.)

В здании по адресу Большая Конюшенная, 27 находился трактир Демута, где Грибоедов в 1828 г. жил одновременно с Пушкиным, приехав в марте этого года в столицу с Туркманчайским миром.

В здании, где сейчас располагается "Taleon Imperial Hotel", в доме Косиковского по адресу Большая Морская, 14, Грибоедов жил в мае — июне 1828 г. перед своим отъездом в Персию. Об этом напоминает размещенная на этом доме памятная доска.

В 1959 г. перед ленинградским ТЮЗом был установлен памятник Грибоедову (скульптор В.В. Лишев, архитектор В.И. Яковлев)…

Три года, прожитые Грибоедовым в Санкт-Петербурге после ухода с военной службы, по сути, подготовили его к двум служениям, определявшим в будущем его возвышенную судьбу: служениям поэзии и Отечеству. Что касается первой страсти нашего героя, то она постепенно только усиливалась, причем с явной театрально-драматургической составляющей. Дело в том, что в Петербурге поэт попал в среду ярых театралов, среди которых можно назвать П.А. Катенина, А.А. Жандра, А.И. Чепегова и заведовавшего театральным репертуаром столицы князя А.А. Шаховского. И именно Шаховской посоветовал Грибоедову перевести пьесу французского драматурга Крезе де Лессера "Le secret du m’nage", которую поэт превратил в легкую по форме стиха и занимательную по содержанию комедию "Молодые супруги". Это ироничное произведение нельзя назвать шедевром, но его благосклонно встретили зрители Малого театра, когда 29 сентября 1815 г. было впервые представлено публике усилиями довольно яркого актерского состава. На афише представление значилось как "комедия в одном действии в стихах и с пением сочинения А.С. Грибоедова", что не могло не льстить автору,

которому было тогда, напомним, всего лишь 20 лет и 8 месяцев. Было от чего "закружиться голове" и загореться пылом стихотворчества, ведь до этого на столичной сцене вообще не было салонных комедий, написанных "русскими стихами".

Далее последовали комедия "Студент", написанная в 1817 г. в соавторстве с П.А. Катениным, комедия "Притворная неверность", переделанная из пьесы французского писателя Никола-Тома Барта вместе с А.А. Жандром, а также комедия "Своя семья, или Замужняя невеста", премьера которой состоялась 24 января 1818 г. на сцене того же петербургского Малого театра. Эта пьеса Грибоедова имела наибольший успех и долго не сходила со сцены. Своими остроумными стихами и яркими зарисовками помещичьего быта русской провинции она во многом предвосхищала будущее "Горе от ума", хотя не была еще овеяна признаками гениальности.

Однако образ жизни молодой) литератора, не обремененного серьезными занятиями, не чуравшегося развлечении, постоянных дружеских встреч и ухаживаний за барышнями столичною света, не мог не наскучить вскоре Грибоедову. Ему хотелось найти для себя серьезное дело, гем более что достаточных средств к существованию поэзия, несмотря на театральные постановки, дать просто не могла.

НА ПУТИ К ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ ПОПРИЩУ

Выйдя в отставку, чтобы отдаться поэзии, поэт, однако, должен был считаться с прозой жизни, ведь обеспечить его благополучие при постоянном безденежье могла только служба. "Я рожден для другого поприща", — говорил он не раз, однако до самого конца жизни поэту так и не удастся сбросить с себя мундир и отдаться творчеству. Не сможет он и равнодушно исполнять свои обязанности, щедро отдавая себя не просто службе, а именно служению Отечеству.

На крутой поворот в судьбе поэта, приведший его в стаи российской дипломатии, несомненно, повлияла его страсть и тяга к путешествиям, проявившиеся еще в 1813–1815 гг. Бурная эпоха Наполеоновских войн, которая расширила горизонты странствий, когда во время боевых действий и сражений многочисленные армии перемещались по европейскому континенту, вообще изменила видение мира. Грибоедову не суждено было попасть в число тех, кто дошел до Парижа, но его военная служба открыла ему новые горизонты — от Владимира до Брест-Литовска, а рассказы боевых участников европейских сражений об увиденном

не могли не впечатлять поэта.

Очень важно, что многие друзья и соратники Грибоедова посещали различные страны и помимо военных испытаний, рассказывая ему о своих открытиях. Так, П.Я.Чаадаев, товарищ поэта, послуживший, по некоторым данным, одним из главных прототипов Чацкого, успел с 1823 г. около трех лет пропутешествовать по Европе, посетив "мировые столицы" Лондон, Париж, Рим, а также Милан, Флоренцию, Венецию, Берн, Женеву, Дрезден и Карлсбад. И он мог вслед за Гете сказать: "Кто хорошо видел Италию, и особенно Рим, тот никогда больше не будет совсем несчастным". Чаадаев в ходе путешествий смог расширить свои представления о "Божьем мире" и устройстве жизни разных народов, и его рассказы не могли не оказывать воздействие на Грибоедова. Добавим к этому участие в первом кругосветном путешествии русских кораблей (1803–1806) знакомого поэта Ф.И. Толстого, прозванного Американцем, высаженного за неповиновение на Алеутских островах и добиравшегося через Сибирь в Россию два года, а также кругосветное плавание (1822–1824) Д.И. Завалишина, в том числе к берегам Русской Америки под флагом Российско-американской компании…

А страстную тягу к путешествиям не только у Грибоедова, но и у многих других его современников разжег, как факел, не кто иной, как поэт, прозаик и историк Н.М. Карамзин, который в возрасте 23 лет, в 1789–1790 гг., совершил путешествие по Европе, посетив Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию и издав позднее "Письма русского путешественника", ставшие своеобразной энциклопедией, открывавшей россиянам Запад. Бесконечно богат круг интересов героя писем — Путешественника, который участвует в народных гуляниях, проводит дни в Дрезденской галерее, заглядывает в кабачки, знакомится с местными жителями, подробно рассказывает о самых известных дворцах, соборах и музеях, заставляя читателей сопоставлять увиденное с образом жизни на родине и думать о русских делах и судьбе своего Отечества. В письмах запечатлелось личное, эмоциональное отношение Путешественника ко всему увиденному, читатель узнавал, что его радовало, огорчало или печалило, что вызывало у него симпатии или размышления, что отталкивало или привлекало в чужих странах.

По-видимому, Н.М. Карамзин на долгие времена задал своей книгой некую сверхзадачу для всех путешественников, которые хотели бы не только увидеть дальние страны, но и запечатлеть в слове или образах искусства свои впечатления и думы. Его герой

— это русский человек, живущий в большом мире и вбирающий в свое сердце все тревоги и интересы этого мира. И как же хочется Путешественнику вернуться в конце долгих странствий на родину. Не случайно в своем последнем письме из Кронштадта он восклицает: "Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей… Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет будет для меня ещё приятно… Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал… Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих *эскизах*…" Пройдёт совсем немного лет, чуть более десяти, и совершенно естественным окажется переход Карамзина от "Писем русского путешественника" к "Истории государства Российского", от познания европейского мира к постижению мира русской истории…

Стремление Грибоедова на дипломатическое поприще было совсем не удивительным, ведь в дворянской среде именно дипломатическая служба, также не лишенная опасностей, по почету и важности стояла на втором месте после военной службы. Вот почему на работу в Коллегию иностранных дел попадали многие дворяне, в том числе А.С. Пушкин и В.К. Кюхельбекер, поступившие туда почти день в день с Грибоедовым.

Для прояснения этой ситуации упомянем еще два славных имени в истории русской поэзии — Константина Батюшкова и Федора Тютчева. Первый из них, участник Отечественной войны 1812 г., друг Пушкина, дошел с русской армией до Парижа и сумел посетить Польшу, Пруссию, Силезию, Чехию, Францию, Англию, Швецию и Финляндию ("Все видел, все узнал — и что ж? из-за морей // Ни лучше, ни умней // Под кров домашний воротился…" — писал он о своих странствиях). Пережив "три войны, все на коне и в мире на большой дороге", измученный болезнями К.Н. Батюшков перевелся на дипломатическую службу и в 1819 г. прибыл в Неаполь, где был причислен к неаполитанской миссии в качестве сверхштатного секретаря при русском после́ннике графе Г.О. Штакольберге. Вскоре он переселился на остров Искию близ Неаполя, а впоследствии долго лечился в Германии.

Ф.И. Тютчев, закончив Московский университет, с 1822 г. начал служить в Министерстве иностранных дел. Родственные связи дали ему возможность занять место при русской дипломатической миссии в Мюнхене. Место было скромным, сверх штата, лишь в 1828 г. поэта повысили до младшего

секретаря, но по роду своей службы он часто посещал Францию, Италию, Австрию, а впоследствии долго служил в Турине. В целом в Мюнхене и Турине он пребывал с 1822 по 1839 г., лишь изредка приезжая домой в отпуск, и, конечно, богатый опыт путешественника не мог не отразиться на творчестве великого поэта, в том числе и на осмыслении им "с далекого расстояния" России.

Упомянем, что по дипломатической части служил в те годы Ф.С. Хомяков, брат А.С. Хомякова, заменивший позднее Грибоедова на месте секретаря по иностранной части при генерале Ф.И. Паскевиче в Тифлисе, а также родной брат будущей жены Пушкина Дмитрий Гончаров (1808–1860), посетивший после смерти Грибоедова Персию в составе русской миссии. Знакомый Грибоедова Ф.Ф. Вигель еще в 1805 г. в составе посольства Головкина отправился в Китай, хотя и не был допущен в Пекин, а лицейский товарищ Пушкина Ф.Ф. Матюшкин, с которым мог встречаться Грибоедов, участвовал в полярной экспедиции в поисках северного пути в Китай, и именно ему Пушкин посвятил восторженные строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?

Началось же все в июне 1817 г., когда Грибоедов был принят на службу в Коллегию иностранных дел на должность губернского секретаря, куда, но капризу судьбы, черед четыре дня поступили также А.С. Пушкин и В.К. Кюхельбекер, В декабре 1817 г. поэт был произведен в переводчики, а 11 июля 1818 г. по повелению Александра 1 назначен секретарем, то есть фактическим заместителем, при русском поверенном в Персии С.И. Мазаровиче. Каким же образом произошла эта вторая, роковая по своим последствиям развилка в судьбе поэта, связавшая его с Персией?

Сохранилось свидетельство А.С. Стурдзы, чиновника Коллегии иностранных дел, относящееся к весне 1818 г.: "Я знал Грибоедова при самом начале деятельности его на поприще словесности и службы. Подобно Батюшкову, он домогался должности дипломатической и с этой целью искал моего знакомства. Светлый ум, крутой прав и сметливая физиономия Грибоедова полюбились мне. Пользуясь тогдашним положением моим при министерстве иностранных дел, я вступился, сколько мог, за благородного искателя и предложил ему на выбор

должности канцелярского чиновника в Филадельфии и Тегеране. Грибоедов колебался; я указывал ему беспристрастно на относительную важность этих посольств, измеряемую связью каждого из них с прямыми выгодами России. Мне хотелось, чтобы и он предпочел Америку Персии, потому только, что более надеялся на правила и образ мыслей нового начальника этой отдаленной миссии, барона Тейля… Однако ж я познакомил Грибоедова лично не только с ним, но и с статским советником Мазаровичем; оба они находились в столице и собирались в путь, каждый сообразно своему назначению. Грибоедов сам решил участь свою и отправился в Персию… Никогда в жизни не случалось со мною быть столь близким очевидцем при выборе самим страдальцем собственного таинственного жребия".

Действительно, ещё не знавшему восточных языков поэту проще было направиться в Филадельфию, ведь он прекрасно владел английским, но он выбрал "персидское хождение", причем, как признавался сам Грибоедов в письме к Бегичеву 15 апреля 1818 г., это было сделано им не совсем добровольно: "Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — в Персию и чтоб жил там. Как я не отнекиваюсь, ничто не помогает…" Грибоедов попросил повышения чина и, по его словам, сказал министру о том, как "жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов… Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели: их нет в Персии…".

Вообще-то тяга поэта к Востоку, по сути, соответствовала резко возросшему тогда всеобщему интересу к восточному миру. Этот интерес наметился в России с начала XIX века и в связи с географическим соседством с восточными странами, и в связи с частными войнами с народами мусульманского мира. В 1804 г. в российских университетах было введено преподавание восточных языков — арабского и персидского, в 1818 г. в Петербурге был организован Азиатский музей, где хранились восточные рукописи. В России в тот период стали появляться многочисленные переводы произведений восточной тематики, с которыми был прекрасно знаком Грибоедов: сказки "Тысячи и одной ночи", стихотворения Саади, Хафиза, Фирдуоси, "Персидские письма" Монтескье, "Волшебные сказки" А. Гамильтона, "Персия, или Картина управления, религии и литературы этой страны" А. Журдена. Грибоедов, который страстно любил театр и мечтал быть драматургом, неоднократно бывал в петербургских и московских театрах, где тогда были очень популярны оперы и балеты на восточные темы.

Грибоедов был наслышан от очевидцев о легендарном въезде в Царское Село персидского посольства во главе с Мирзой-Абуль Хассан-ханом в 1814 г., и так же, как его младший современник князь А.Д. Салтыков, он мог бы восхититься великолепной процессией персов в ярких одеждах с двумя слонами и множеством лошадей и захотеть увидеть, хотя бы когда-нибудь, удивительный восточный мир. "Это странное видение произвело на меня сильное впечатление и породило желание видеть Восток, и особенно Персию", — писал тогда Салтыков. Грибоедов не мог также не читать модных в то время журналов, где то и дело появлялись статьи о Персии. К примеру, в "Вестнике Европы" в марте 1815 г. были опубликованы статьи "О народах, обитающих в Персии" и "О нынешнем шахе персидском". Во второй из них с отрывками из стихотворений шаха рассказывалось о том самом Фетх-Али-шахе, который через 15 лет сыграет роковую роль в тегеранской трагедии, приведшей к гибели Грибоедова.

В итоге своего "персидского выбора" Грибоедов получил чин титулярного советника и, выехав из Петербурга в конце августа 1818 г. через Москву в Грузию и Персию, вернулся в Москву только в начале марта 1823 г., а в Петербурге появился лишь в июне 1824 г. В этот, первый раз, он пробыл на Востоке почти четыре с половиной года, в том числе непосредственно в Персии около двух лет и восьми месяцев (с февраля по декабрь 1819 г. и с января 1820 г. по ноябрь 1821 г.). Тогда ещё поэт не знал, что его ждёт второе (с сентября 1825 г. по конец января 1826 г.), третье (с августа 1826 г. по февраль 1828 г.) и четвертое (с конца июня 1828 г. по 30 января 1829 г.) пребывание на Востоке. При этом на территории Персии того времени с учетом ее границ, существовавших до Туркманчайского договора (1828), поэт пробыл с июня 1827 г. по февраль 1828 г. и с конца октября 1828 г. по конец января 1829 г.

Получается, что из прожитых поэтом 34 лет он проват на Востоке без малого 7 лет, в том числе в Персии около 3 лет и 8 месяцев. А если учесть, что у поэта вообще не было ни в Москве, ни в Петербурге своего дома, что все эти командировки сопровождались долгими переездами по России (к примеру, выехав из Петербурга на Кавказ через Киев и Крым 21 мая 1825 г., Грибоедов прибыл туда только во второй половине сентября того же года), то понятным становится, почему поэта многие называли "странник", да еще с приставкой "персидский".

Расстояние от Петербурга до Тифлиса и обратно поэт проехал семь раз, а это 2670 верст и 107 почтовых станций в один конец, что в итоге составляет почти двадцать тысяч верст. Существует подсчет, что в дороге лишь на своих восточных путях Грибоедов

провел больше двух лет, преодолевая за день в среднем 40–50 верст. И поэтому его слова из письма другу С.Н. Бегичеву можно смело поставить в качестве эпиграфа ко всей скитальческой жизни поэта: "Прощай, мой друг, сейчас опять в дорогу…"

ПЕРВОЕ "ПЕРСИДСКОЕ ХОЖДЕНИЕ"

Для того чтобы подробно описать "персидские хождения" Грибоедова, потребовалась бы целая книга. Поэтому наметим здесь лишь основные моменты странствий поэта, показав, какую роль сыграла в его судьбе и творчестве Персия. Отправившись в сентябре 1818 г. из Москвы в дальние края, поэт сразу же испытал на себе все тяжести и одновременно прелести странствий того времени, которые он кратко описал в своих обращенных к другу Бегичеву "Путевых заметках" — конспективных набросках, которые позже поэт намеревался развернуть в подробные рассказы. Как жаль, что этого ему сделать так и не удалось, ведь даже эти краткие наброски дышат такой поэзией и наблюдательностью, что из них могли бы получиться действительно эпические полотна. К тому же Грибоедов, пожалуй, первым в русской литературе обратился к теме Кавказа и Востока: до произведений А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова было еще совсем не близко.

Послушаем, как зазвучал голос поэта в том далеком октябре 1818 г. по пути из Моздока в Тифлис: "Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго… Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты… Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод… Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобращаются в дубраву. Смешение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней… Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешен в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах… Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают… часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы… Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз… Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз, руин замков, церквей и монастырей… Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду — грушевые

деревья, мелоны, яблони".

Так выглядел Тифлис в первой трети XIX века

Грибоедов впервые приехал в Тифлис, где ему суждено будет с 1818 по 1828 г. за время нескольких длительных пребываний прожить не менее двух лет и десяти месяцев. Поэт считал этот город почти родным. "Спешите в Тифлис, — писал он после краткого нахождения в городе, — не поверите, что за роскошь!" В этом городе поэт нашел позднее и применение своему таланту дипломата и государственного деятеля, и вдохновение для творчества, в том числе для создания "Горя от ума", и свою истинную любовь. Гуляя сегодня по городу, то и дело ловишь себя на мысли, что Грибоедов где-то совсем рядом, и это не может не рождать стихов:

Ушли в былое вехи единенья,
И дружбы пыл давно остыл,
Но всё равно какое-то волненье
Мне город этот подарил.

Живут в нём невидимкой тени
Тех, кто Тифлис в стихах воспел
И руку дружбы без сомнений
Для Грузии подать успел.

Не зря здесь Пушкин, Грибоедов
И Лермонтов свой проявили нрав,
Представив русскую победу
Как будущего единенья сплав.

И даже ныне Теплый город,
Как исстари его тут нарекли,
Дух русскости показывает скоро
На рубежах своей земли…

Перечислим вкратце те места нынешнего Тбилиси, которые напоминают о жизни здесь Грибоедова.

Сионский кафедральный собор Успения Богородицы, где произошли самое счастливое — венчание и самое печальное отпевание события в жизни Грибоедова.

Неподалеку от Сионского собора находилась Экзашерская площадь (ныне площадь Ираклия II), где ранее стоял дом, в котором Грибоедов жил в 1821–1823 гг.

Улица Грибоедова в Тбилиси по-прежнему напоминает о поэте. Примечательно, что на ней находится Тбилисская филармония, как напоминание о музыкальных пристрастиях Грибоедова. Памятная доска на несохранившемся доме на улице А. Чавчавадзе, соседней с улицей Грибоедова, где жил отец Нины Чавчавадзе с семьей, напоминает о дружбе русского поэта с грузинской элитой.

От улицы Грибоедова дорога ведет к той самой горе Мтацминда, где нашли вечное пристанище великий поэт и его жена.

"Персидская" крепость Нарикала в Тифлисе, которая была спасена от полного разрушения после вмешательства Грибоедова.

Бывший дворец главноуправляющего на Кавказе (ныне — проспект Руставели, 6, где располагается Дворец молодежи), в помещения которого Грибоедов являлся на службу в 1822–1824 гг., когда служил секретарем по дипломатической части при Ермолове, здесь он жил в свои последние приезды в город в 1826–1828 гг., сюда он приехал с женой после венчания, тут состоялся свадебный ужин и торжественный прием по поводу бракосочетания.

В настоящее время идет реставрация исторического здания на Садовой улице Тифлиса, где находился дом П.Н. Ахвердовой, рядом с которым во флигеле жила семья Чавчавадзе. Сюда Грибоедов приходил неоднократно, здесь он сделал предложение Нине.

Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова на проспекте Руставели получил имя поэта еще в 1934 г. Сегодня театр живет насыщенной творческой жизнью.

Памятник А.С. Грибоедову по проекту скульптора М. Мирабишвили был воздвигнут в Тбилиси в 1961 г., заставляя каждого прохожего остановиться и вспомнить о поэте…

Проведя около четырех месяцев в Тифлисе, тогда еще не оправившемся от следов варварского разорения Ага-Магомет-ханом в 1795 г. и насчитывавшем лишь около 40 тысяч жителей, 28 января 1819 г., ровно за 10 лет до своей гибели, Грибоедов отправился вместе с миссией дальше в Персию, в Тегеран, куда он прибыл после опасного зимнего пути по горам и перевалам лишь около 10 марта. Поэт, называя себя "ничтожным странствователем", продолжал свои "Путевые заметки" в виде письма к Бегичеву, и так распорядилась судьба, что они стали самым значительным произведением о Персии, которое осталось от Грибоедова. Уже в первый день пути поэт сделал переход верхом в 40 верст и, по его словам, "к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстав от всех, несколько раз сходил с лошади и падал в снег, едя его; к счастью, у конвойного казака нашлась граната, я ею освежился". "Однако, свечка догорает, — писал он тогда другу — а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако, возле огонька, который более дымит, чем греет…"

Дальнейшее странствие было ничуть не легче: "Хочешь ли знать, как и с кем я странствую то по каменистым кручам, то по пушистому снегу? Не жалей меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей со вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром подымаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни… доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал… А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в "кавалерийском", — здесь скачу сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музы, я молчал, а здесь, когда некому

ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук…"

Вот оно благотворное воздействие странствий: "…Музам я уже не ленивый служитель. Нишу, мой друг, пишу, нишу. Жаль только, что некому прочесть". В пути Грибоедов размышляет о счастье творчества: "Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу ото на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным, и все в глазах моих украшает надежда, что, Бог даст, свидимся, прочтем ото вместе, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы".

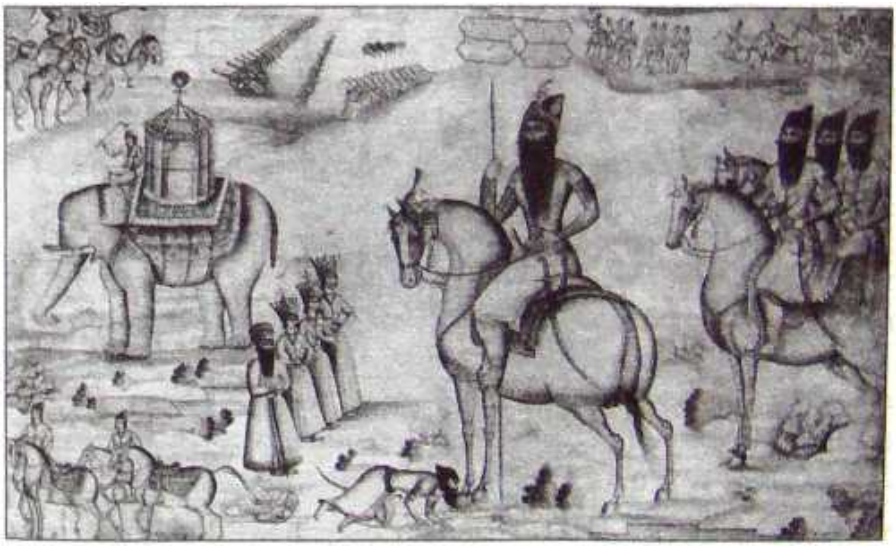
Поэта просто восхищает то, что открывается вокруг него, и он забывает о дневных переходах в 60 верст, о суровых "закоптелых ночлегах" в случайных жилищах по пути: "Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда как кипящее огненное море… потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор". Единственное, что пугает Грибоедова и что впоследствии даст ему сильнейший стимул для самосовершенствования, эго незнание им Востока: "Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на Восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены". Выбор судьбы был уже сделан, оставалось только найти в себе силы для ответа на этот вызов. Как покажут дальнейшие события, свой экзамен поэт выдержит с честью.

Пробыв несколько дней в Эривани (Ереване), столице подвассального Персии Эриванского ханства, которое отойдет к России по Турманчайскому договору, 7 февраля миссия двинулась далее и скоро была уже в Нахичевани. "Не усталость меня губит, — писал Грибоедов из этого города, — свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом как надоели все и всё!.." Нужны были колоссальная выдержка и безграничное терпение: "День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило… Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам… не замерзшие проезжали вброд".

Да, такое путешествие, как бы ты ни любил странствовать, может любого вывести из себя. Нам, жителям XXI века, привыкшим к транспортным благам цивилизации, трудно даже представить себе, какой неимоверный труд требовался в те далекие годы для простого перемещения из одной точки в другую. Мне пришлось пережить нечто подобное грибоедовскому испытанию в ноябре 2009 г., когда на охоте в Киргизии, в горах Тянь-Шаня, на высоте около четырех километров, в мороз более 20 градусов, при нехватке кислорода и почти полном бессилии, нам приходилось на лошадях преодолевать в поисках трофеев многие километры. Знай я заранее, что нам стоит пережить, я вряд ли отправился бы в путь. И совсем не случайны следующие слова Грибоедова, как он сам себя называл, "секретаря бродящей миссии", измученного "тошным странствием": "Нет! Я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее; но по доброй воле, из одного любопытства никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девала… бросился к камельку, не раздеваясь, не пил, не ел и спал как убитый!" А впереди путников ждал "Таврис с его базаром и караван-сараями", десятидневный переход к Казвину, когда в горах "на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать", "блуждание по полям, где нет дороги и снег преглубокий", Казвин — "древняя метрополия поэтов и ученых… остатки древнего великолепия — мечети, мейданы", и, наконец, последний переход: "Открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом… Стены с башнями, вороты выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие)…"

Грибоедов въехал в Тегеран накануне мусульманского праздника "бейрама" и смог воочию наблюдать празднование во дворце шаха: "Доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях… перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся… Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Муллы, стихи… слон, деньги, представления… Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам". (Как любопытно, что я в первый раз посетил Тегеран в дни этого же праздника, 9—10 марта 2009 г., ровно через 190 лет после

описываемых событий.)



Парадная церемония. Фетх-Али-шах и его наследники. Персия, начало XIX века

Постепенно Грибоедов избавляется от "скудости знаний" о местном крае, он погружается в атмосферу народных обычаев и нравов, отмечает такие распространенные черты, как "персидская учтивость и велеричивость", "неугомонное любопытство и неотвязчивость", любовь "к сластям и лакомствам", соблюдение "кодекса великого пророка, которого уставы неизменны". Он удивляется причудам местной архитектуры и восточного искусства, обращает внимание на уже сложившееся "особенное предпочтение нам, русским; между тем как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как Бог велит, и разутые, — мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе".

Тегеран — город у подножия Эльбурса, сыгравший роковую роль в судьбе поэта, стал столицей Персии при Каджарах в 1786 г. Его название расшифровывается, как "подножие горного склона", и он действительно расположен на склоне хребта Точал на высоте около 1210 м. Именно сюда приехал в первый раз в начале марта 1819 г. в качестве секретаря при русском поверенном в Персии Грибоедов. Он оставался в Тегеране до середины августа. Во второй раз, через девять с половиной лет, Грибоедов провел в Тегеране всего лишь месяц, начиная с приезда туда 30 декабря 1828 г. и до дня страшной трагедии 30 января 1829 г. Этот город

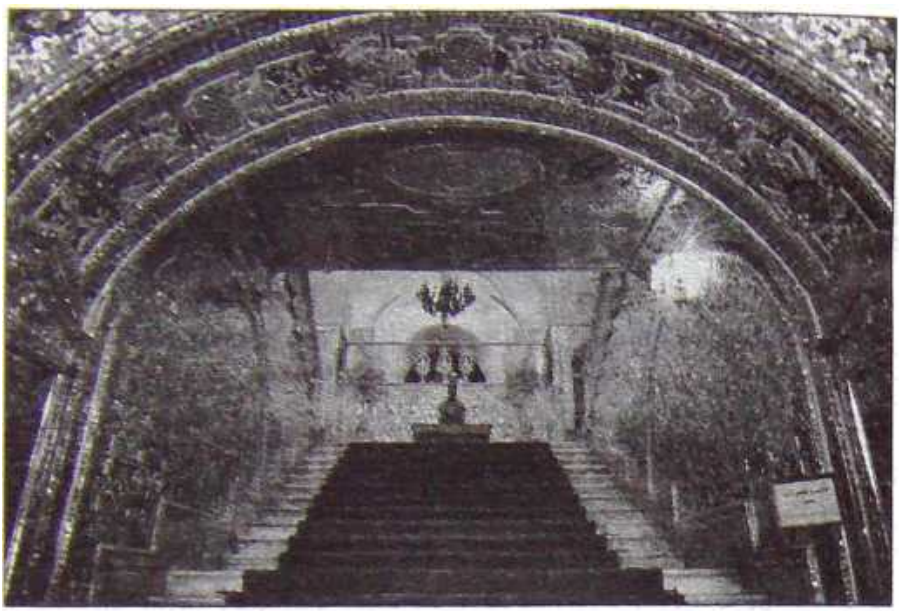
поэту, как свидетельствуют его записи и письма, в итоге так и не понравился, в отличие от более удобного Тавриза.

Портрет Фетх-Али-шаха. Придворный художник Ахмад. 1813 г.

Живя в Тегеране около четырех месяцев, поэт трижды побывал во дворце Фетх- Али-шаха, осматривал развалины Рагов Мидийских, посетил Негиристан и другие окрестности города, а потом почти на месяц отправился вместе с шахом из столицы в летнюю резиденцию в Султанейской долине. И опять "Путевые заметки" полны чувств и поэзии: "Отправляемся в самый полдневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом… Тьма разнообразных дерев, черешен, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, объедаемся фруктами… Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края… Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину… Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри

стихи, между прочим: "да погубит Бог того, кто выдумал сарбазов…""

Познавая Персию, Грибоедов не забывал и о своей дипломатической миссии. Показательно, например, что во время его пребывания со свитой шаха поэт провел 28 июля 1819 г. весьма удачные переговоры с Аббас-Мирзой, повлияв на его решение выставить 10-тысячную армию и направить её в Багдад против Турции. И хотя поэту было совсем нелегко привыкать к новой стране ("Смертная лень и скука, — писал он П.А. Катенину из Тегерана, — ни за что приняться не хочется"), молодой дипломат со свойственной ему энергией принялся за исполнение своих обязанностей именно в Тавризе, столице Южного Азербайджана, при дворе Аббас-Мирзы, любимого сына Фетх-Али-шаха и наследника престола, куда поэт переехал из Тегерана в конце августа 1819 г. и где находилась русская миссия.



Парадная лестница шахского дворца Голестан в Тегеране, где не раз бывал Грибоедов

В ТУМАННОМ ТАВРИЗЕ

Город Тавриз (Табриз, Тебриз — так принято называть его сейчас) — столица Иранской провинции Восточный (или Южный) Азербайджан в 600 км от Тегерана, ставшая местом, где Грибоедов провел в целом почти два с половиной года, приезжая

туда на долгие сроки четыре раза, так как именно в этом городе при сыне и наследнике шаха Аббас-Мирзе постоянно находилось посольство России в Персии. История города насчитывает более 2500 лет, он множество раз переходил из рук в руки во время бесчисленных, в том числе турецко-персидских и русско-персидских, войн. В XVI в. Тавриз был столицей государства Сефевидов, трижды разрушался (в 858, 1041 и 1721 гг.) из-за мощных землетрясений. Как отмечал писатель Мамед Саид Ордубади в романе "Тавриз туманный", описывая, правда, более поздний период в истории города, "Тавриз имеет двести караван-сараев, девятнадцать больших мечетей, двадцать одну баню и до пятнадцати тысяч лавок из красного кирпича. Это самый крупный торговый город Ирана, центр провинции, в которой несколько тысяч деревень с трехмиллионным населением".

Тавриз Грибоедов изучил вдоль и поперек, включая сюда и окрестности города, в том числе в районе озера Урмия. Как жаль, что главное место, связанное с именем Грибоедова в Тав-ризе, а именно нынешнее Консульство Российской Федерации, остается совершенно заброшенным и никак не напоминает о славных страницах пребывания здесь поэта, который именно в Тавризе задумал и начал писать свою бессмертную комедию "Горе от ума".

Мне посчастливилось побывать в Тавризе, пройдя но следам Грибоедова и ощутив "веяния его времени":

И в Тебризе русское дыханье
Ты случайно можешь ощутить
Как истории напоминанье,
Как веков нетронутую нить.

Грибоедов здесь три года пробыл,
"Горе от ума" стараясь сочинять,
Побеждая проявленья злобы
И храня России твердую печать.
Пережил он здесь мгновенья счастья
С молодой красавицей женой
Накануне заговора власти —
Яростной, коварной и чужой.

Жаль, но даже дом посольский
Брошен ныне, как ненужный хлам…
Долго же Тебриз по бровке скользкой
Шёл навстречу бурям и ветрам.

А сегодня он совсем спокоен

В окруженьи величавых гор,
Принаряженных зимы рукою
В снежный ненавязчивый убор…

Главной своей обязанностью во время пребывания в Тавризе Грибоедов считал заботу о находившихся в плену соотечественниках, которые в соответствии с Гюлистанским договором 1813 г. между Россией и Персией подлежали возвращению на родину. Особенно его волновала судьба солдат "русского батальона" под командованием бежавшего в Персию вахмистра Самсона Мякинцева, находившихся на шахской службе, но выразивших свое желание вернуться в Россию после энергичной агитации Грибоедова. И не следует удивляться, что эта бурная деятельность вызвала самое резкое противодействие с персидской стороны, и уже в 1819 г. поэт почувствовал на себе ту же опасность, которая обернулась трагедией через 10 лет. Остались записи в дневнике писателя, которые говорят сами за себя: "Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль… Подметные письма. *Голову мою положу за несчастных соотечественников.* Мое положение. Два пути, куда Бог поведет… Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне. Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь поодиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится".

Показателен диалог по поводу возвращения солдат Грибоедова и Аббас-Мирзы, которого поэт называет Наиб-султаном (наследником престола), "великим мне недоброжелателем": *"Наиб-султан.* Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему невелик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России. *Я.* Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать? *Наиб-султан.* Я не мешаю русским возвратиться в отечество. *Я. Я* это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают. *Наиб-султан.* Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам. *Я.* Может быть, ваше высочество так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма… *Наиб-султан.* Это не тайна; это было сделано по моему приказанию… Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен. *Я.* Англичане нам не пример, и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем

императором". И вот итог борьбы: "Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил… сам не знает, как его отсунули от своих…"

Поэт решает, несмотря на опасности, сопровождать 158 русских солдат в их пути до Тифлиса, и потом шутливо напишет: "Разнообразные группы моего племени, я Авраам". Вывод отряда совершился вопреки желанию персидского правительства, лишавшегося солдат, из которых оно, не имея своих обученных частей, составляло войска так называемых сарбазов. Грибоедовым при этом двигал порыв патриотизма и забота не только о солдатах, но и о престиже России.

А путь к Родине оказался под стать библейским временам, в Тифлис отряд добрался лишь через месяц, испытав лишения, издевательства, попытки спаивания и подкупа солдат, нехватку продуктов и даже нападения ("…В Маранде… камнями в нас швыряют, трех человек зашибли"; "В нас бросали камнями, и я с сознательным молчанием скрывал перед моими собственными людьми ярость, меня душившую, и они вели себя спокойно"). Дело дошло до того, что, опасаясь худшего, Грибоедов, чтобы избежать опасностей, вооружив отряд 50 копьями, тайно вывел его из Нахичевани, где поэта "косвенным путем предупредили, что <…> вполне могут взять под арест, впредь до нового приказа из Тавриза".

Усердие и смелость Грибоедова, выведшего, как пророк, "свой народ" в родные места, были высоко оценены Кавказским наместником А.П. Ермоловым, увидевшим то, каким потенциалом обладает молодой дипломат. В письме к Мазаровичу он писал: "При сем случае приятно мне заметить попечение Грибоедова о возвратившихся солдатах и не могу отказать ему в справедливой похвале за исполнение возложенного вами на него поручения, где благородным поведением своим вызвал он неблаговоление Аббас-Мирзы и даже грубости, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника".

Позднее Грибоедов продолжал работу по возвращению в Россию русских солдат, что привело к его резкому конфликту с поверенным в делах Великобритании в Персии Генри Уилл оком, брат которого капитан артиллерии Эдуард вместе со своими слугами склонял русских солдат к измене Родине и даже доставил двоих обманутых обратно в Тавриз. В своей ноте поверенному Грибоедов весьма справедливо замечал: "Не почувствуют ли персияне, что им позволительно продолжать свое

заслуживающее порицания поведение в отношении русских солдат-перебежчиков, находя поощрение в снисходительности и добрых услугах, оказываемых им в этих случаях подданными одной европейской… державы". Вынужденный информировать о конфликте лондонское начальство, Уиллок охарактеризовал Грибоедова как "малоопытного и неблагоразумного молодого человека" со "вспыльчивым и необузданным характером", хотя и понимал всю недостойность своего поведения. Именно Уиллок через восемь с половиной лет станет одним из закулисных дирижеров тегеранской трагедии, истоки которой лежали прежде всего в конфликте интересов великих держав в Персии.

Такие истории в жизни поэта, как "авраамово спасение соотечественников", не могли не повлиять на его мироощущения. Весьма показательны, например, слова о Грибоедове его друга Бегичева: "Он был в полном смысле христианином и однажды сказал мне, что ему давно входит в голову мысль явиться в Персию пророком и сделать там совершенное преобразование; я улыбнулся и отвечал: "Бред поэта, любезный друг!" — "Ты смеешься, — сказал он, — но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном воображении азиатцев! Магомет успел, отчего же я не успею?" И тут заговорил он таким вдохновенным языком, что я начинал верить возможности осуществить эту мысль".

Грибоедов, пробыв на Кавказе и в Грузии 3 месяца, 10 января 1820 г. отравляется назад, в Тавриз, где и пробудет до осени 1821 г. Долгая и уединенная жизнь в этом городе принесет ему огромную пользу. Он ещё больше узнает нравы и обычаи Персии, обогатит свой дипломатический опыт, почти в совершенстве выучит персидский язык, прочтет всех персидских поэтов и сам научится писать стихи на этом языке. Он начнет даже изучать арабский и санскритский языки, но это обучение не закончит.

Развалины бывшего здания российского посольства и консульства в Тавризе, где жил Грибоедов

Главное же, что именно в Тавризе, благодаря вещему сну, поэт сделал свой первый шаг к бессмертию — созданию комедии "Горе от ума". Речь идет о следующем эпизоде, рассказанном Булгариным: "Будучи в Персии, в 1820 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре… Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план "Горя от ума" и сочиняет несколько сцен первого акта. Комедия сия заняла все его досуги, и он кончил ее в Тифлисе в 1822 году… Приехав в Москву, Грибоедов… почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать".

Письмо Грибоедова, написанное в Тавризе 17 ноября 1820 г. неизвестной женщине, к которой поэт, по-видимому, питал теплые чувства, подтверждает сведения, приводимые Булгариным. В этом письме поэт описал свой сон, в котором он попал на праздничный вечер в незнакомый дом и среди многих гостей увидел свою знакомую: "Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма… — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что

напишите. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте… И я дал её с трепетом". После этого писатель пробудился: "Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звёзды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы… ему вторили со всех мечетей, наконец, ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла моё беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню моё обещание; во сне дано, наяву исполнится".

Какой возвышенный слог, какая поэтика звучат в этих словах "персидского странника", несмотря на скуку именно в Персии делающего свой главный творческий шаг в жизни. Какая уверенность в своей судьбе, невзирая ни па какие препоны обстоятельств и сложностей. Долгое пребывание на Востоке обернулось для писателя не только глубоким погружением в новый мир, но и поэтическим прорывом. Именно в Персии им были написаны первые сцены "Горе от ума", но не только они. Неужели поэт не воспел увиденного на Востоке в своих поэтических творениях? Послушаем свидетельство Кюхельбекера, которому Грибоедов в декабре 1821 г. читал первые явления "Горя от ума" в Тифлисе, с кем он делился своими творческими планами. В письме к матери Кюхельбекер утверждал: "Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинно персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение". Вспоминая в стихотворении "К Грибоедову"

Певца, воспевшего Иран
И — ах! — сраженного Ираном,

Кюхельбекер, заметил, что это "относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с "Чайльд-Гарольдом": в ней превосходно изображена Персия. Этой поэмы, нигде не напечатанной, не надо смешивать с другой, о которой упоминает Булгарин (то есть с трагедией "Грузинская ночь")". Речь здесь идет о поэме с очень важным для нашего исследования названием "Странник" или "Путник", из которой до нас дошли только отрывки "Кальянчи" и, возможно, "Восток" и "Освобожденный". Первый из них посвящен реальному случаю освобождения странником из неволи мальчика-кальянщика, грузина по национальности, и отправки его на родину. А в отрывке "Освобожденный" странник упоен красотами Востока и встречает там любовь:

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга…
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга…
Странник, знаешь ли любовь —
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Там самумы с юга пышат,
Раскаляют степь…
Чтоб судьба, разлука, смерть!..

Коварная политика, которой Персия продолжала держаться по отношению к России, происки английской дипломатии вместе с нескончаемыми заботами по разным вопросам, остававшимся нерешенными со времени заключения Гюлистанского трактата, ставили русскую миссию в Тавризе в незавидное положение. В мемуарах современников Грибоедова сохранилось немало рассказов о вероломстве и хитрости персиян, о трудности в силу этого иметь с ними какие-либо отношения. "Надо сделать состав из свойств лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер… Персияне много думают, вдесятеро больше говорят и почти ничего не делают", — писал о них Ф.Ф. Корф. Такой же отзыв о персиянах оставил и Ермолов, посетивший Персию в 1817 г.: "День выезда из Тавриза был один из приятнейших в моей жизни: я желал его с нетерпением, ибо смертельно наскучило мне беспрерывное притворство, одни и те же уверения в дружбе людей, очевидно, желающих нам зла и которые скрыть не могут своей к нам ненависти; безконечные повторения самых мучительных приветствий… утомили меняло крайности. Вырвался я, наконец, из ненавистного места, которое не иначе соглашусь я увидеть, разве с оружием в руках".

По словам К. А. Полевого, Грибоедов так хорошо "знал персиян во всех отношениях… так живо и ловко описывал некоторые их обычаи, что Н.И. Греч очень кстати сказал при том, указывая на него: "Monsieur est trop percant (persan)" — "Господин

слишком проницателен" (слишком персиянин) (фр.)". В Тавризе почти все время Грибоедова было поглощено заботами, к тому же вследствие частого отсутствия там Мазаровича дела миссии постепенно сосредоточивались в его руках. Авторитет поэта-дипломата уже тогда был весьма высок, а престиж Мазаровича, венецианца по происхождению, принявшего русское подданство только в 1836 г., все более падал. Современники неспроста называли Мазаровича то "авантюристом" (В.А. Андреев), то "взяточником" (Я.К. Ваценко), считали, что он "роняет честь своего звания" (Н.Н. Муравьев). Тем не менее в течение двух лет ненависть персидского правительства к русской миссии стала затихать, и Грибоедову удалось даже приобрести расположение к себе Аббас-Мирзы, который упросил своего отца пожаловать ему персидский орден Льва и Солнца 2-й степени.

Нет ничего удивительного, что под конец пребывания в Тавризе Грибоедов сильно устал. "Персияне пугали вас вооружением, — писал он Н. А. Каховскому, — всё не так страшно, как моя судьба жить с ними, и, может статься, многие дни!" И недаром в письме к П.А. Катенину он, говоря о частых землетрясениях, острил: "Хоть то хорошо, коли о здешнем городе сказать: провались он совсем, — так точно иной раз провалится". Далее в том же письме поэт разъяснял: "Не воображай меня, однако, слишком жалким. К моей скуке я умею примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с Лугатом Персидским… то в разговорах с товарищами. Веселость утрачена, не пишу стихов, может, и творились бы, да читать некому, сотрудники не русские". При этом, по воспоминаниям А.А. Жандра, "в Персии на кровле дома стоял рояль, и Грибоедов фантазировал, собирая толпы народа".

Своё тяжкое состояние "в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы" поэт отразил в письме А.И. Рыхлевскому в июне 1820 г.: "Что за жизнь! В первый раз отроду вздумал… отведать светской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и взываю с Иовом: да погибнет день, в который я облекся мундиром иностранной коллегии, и утро, в которое рекли: се титулярный советник".

На обороте черновика письма неизвестному адресату от 20 ноября того же года сохранилась просьба Грибоедова к начальству об увольнении, которая свидетельствует о том, как тягостна была для поэта жизнь в Тавризе, имевшая характер почетной ссылки: "Познания мои заключаются в знании языков: славянского, русского, французского, английского, немецкого. В бытность мою в Персии я занялся персидским и арабским. Для того, кто хочет быть полезен обществу, еще мало иметь несколько

выражений для одной и той же мысли… Но именно для того, чтобы приобрести познания, прошу об увольнении меня от службы или об отозвании из грустной страны, в которой вместо того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочел сказать вам истину вместо того, чтобы выставлять причиной нездоровье или расстройство домашних дел — обыкновенные уловки, которым никто не верит".

Позднее, по словам Полевого, Грибоедов признавался о своем пребывании в Персии: "Я там состарился, не только загорел, почернел, почти лишился волосов на голове, но и в душе не чувствую прежней молодости!" Позднее профессор В.М. Воробиевский констатировал, что Грибоедов сильно страдал "ревматической болью в груди с кровохарканьем". Поэт выехал из Тавриза в конце 1821 г. в самый разгар иранотурецкой войны для точного информирования Ермолова о положении дел в Персии. По пути в Тифлис он сломал себе в двух местах руку, потом ее пришлось для правильного срастания "переломить в другой раз". Длительное лечение послужило для Грибоедова одним из предлогов, чтобы перевестись при поддержке Ермолова на Кавказ. Последний писал министру иностранных дел К.В. Нессельроде: "С сожалением должен я удалить его ог занимаемого им места, но зная отличные способности молодого сего человека и желая воспользоваться приобретенными им в знании персидского языка успехами, я покорнейше честь имею просить определить его при мне секретарем по "иностранной части"". Эту просьбу удовлетворили, и Грибоедов с 19 февраля 1822 г. был назначен секретарем при Ермолове по дипломатической части.

ОТ КАВКАЗА ДО ЗАТОЧЕНИЯ

Служба при командующем Кавказским корпусом и фактическом управителе Грузии Ермолове стала для Грибоедова временем длительного "досуга", так как Алексей Петрович не особенно обременял его служебными делами. Однако странствовать по служебным делам поэту приходилось по-прежнему слишком много, он писал "о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени моего пребывания в этом краю". В начале 1823 г. он вынужден был признаться в письме Кюхельбекеру: "И сколько раз потом я еще куда-то ездил. Целые месяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись в мучительной долготе… Объявляю тебе отъезд мой за тридевять земель, словно на мне отягчело пророчество: И будет ти всякое место в предвижение".

В этом же письме поэт, пожалуй, впервые, сообщая о напавшей на него "необъяснимой мрачности", заговорил об идущей по пятам за ним и его товарищами смерти: "Однако куда девалось то, что мне душу наполняло какою-то спокойной ясностью, когда напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Берд, Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе? Это было во время Рамазана и после… Пожалей обо мне, добрый мой друг! Помяни Амлиха, верного моего спутника в течение 15-ти лет. Его уже нет на свете. Потом Щербаков приехал из Персии и страдал на руках у меня; вышел я на несколько часов, вернулся, его уже в гроб клали. Кого еще скосит смерть из приятелей и знакомых? А весною, конечно, привлечется сюда cholera… Трезвые умы обвиняют меня в малодушии, как будто сам я боюсь в землю лечь; других жаль сторично пуще себя". И далее поэт откровенно говорил о "сокровенности своей души", которая многое объясняет в его трагической судьбе: "…Для нее (души) нет ничего чужого, страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии…"

Как будто в этом 1823 г. уже начинало сбываться пророчество, которое Грибоедов сам себе нагадал еще в Новгороде по пути в Персию, в письме Бегичеву 30 августа 1818 г., вспоминая судьбу Александра Невского, скончавшегося в 1263 г. в Городце Волжском, возвращаясь из Золотой Орды: "Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; может, и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!"

Что это? Прозрение будущего или простая интуиция поэтической натуры? И не нагадан ли здесь поэтом для себя и для многих других крест тяжких русских странствий, которые несли тогда угрозу за угрозой? "Прощай, мой друг; сейчас опять в дорогу, и от этого одного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти!" — заканчивал свое письмо другу Грибоедов, как будто прощаясь навсегда, хотя до исполнения его предвидения оставалось ещё более 10 лет. Любопытно, что и свою известную комедию Грибоедов называл "горе мое", в ней он поместил следующие строки:

Ни беспокойства, ни сомненья,
А горе ждёт из-за угла!

Тем временем, после отъезда в феврале 1823 г. из Тифлиса в

Москву, в жизни поэта началась более светлая полоса, хотя он и не верил, что настроения одиночества, "тягости себе самому" и скуки, которые преследовали его на Востоке, не повторятся в других местах. Призывая друзей "примириться с судьбой и смотреть на наши несчастья как на горнило нравственное", поэт все же надеялся, что "судьба отсрочит конец наших дней". Он окунулся в столицах в круговерть светской жизни, завершил свою гениальную комедию, став благодаря разлетевшимся по России ее спискам (только в музеях России хранится ныне более 160 списков комедии) знаменитым, и в результате оказался в центре бесконечных людских пересудов.

В суете столичной жизни поэт вновь и вновь терзался явным противоречием между своим поэтическим предназначением, высокими творческими порывами и приземленной реальностью, тисками обязательств. "Буду ли я когда-нибудь независим от людей? — писал он Бегичеву в 1825 г. — Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и может статься, наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю её без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить?.. Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?.. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием…" Поэт утверждал, что "я как живу, так и пишу — свободно и свободно", что "для меня моя совесть важнее чужих пересудов": он хотел сказать людям, что "грошовые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить", что мир вокруг него не сообразен "с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным".

Грибоедов, пожалуй, первым в русской поэзии так явственно сформулировал для себя, что страсть "к перемене мест и занятий", к дальним странствиям и "новым познаниям" нужна поэту как воздух. И вот, пресытившись столицами, он пишет Катенину 17 октября 1824 г. из Петербурга: "Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь. Боже мой! Когда вырвусь из этого мертвого города! — Знай, однако, что я здесь на перепутье в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою: отсюдова в Париж, потом в Южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Воспором в Черное море и к берегам Колхиды".

Дело в том, что ещё в мае 1824 г. по "высочайшему

соизволению" Грибоедов получил разрешение ехать за границу для лечения, но за неимением средств (отпуск был предоставлен без содержания) не смог им воспользоваться. Из-за безденежья поэт даже заложил в ломбард орден Льва и Сердца. Он рвался в чужие края ("Скоро отправлюсь, и надолго…"), но у него ничего не вышло. И в итоге, после распоряжения о возвращении поэта на службу в Грузию в мае 1825 г., он направился туда через Киев и Крым, получив возможность первого в своей жизни путешествия, не отягощенного служебными обстоятельствами. "Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее, — писал поэт В.Ф. Одоевскому. — Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением… Природа великолепная… прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского Собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на свет…"

Здесь перед нами предстает новая ипостась, которую обычно обходят стороной, характеризуя творческий облик Грибоедова, православного писателя и мыслителя, который просто не успел проявить себя в полной мере на этом поприще. "Обязанности мои как сын церкви исполняю ревностно. Если бывали годы, что я не исповедовался и не приобщался святых тайн, то оно случалось непроизвольно", — показывал поэт на следствии по делу декабристов. В.Ф. Одоевский отмечал: "Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов… прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольною книгою. Этим постоянным чтением Грибоедов приобрел необыкновенную в то время чистоту языка и те смелые русские… идиомы, которыми отличается слог его". О том же свидетельствовал Булгарин: "Грибоедов любил Россию. Он и полном значении обожал ее. Каждый благородный подвиг, каждое высокое чувство, каждая мысль в русском приводила его в восторг… Грибоедов чрезвычайно любил простой русский народ и находил особенное удовольствие в обществе образованных молодых людей, не испорченных еще искательством и светскими приличиями".

Поэт искал темы для воплощения своего интереса к русской истории и, посетив в Крыму Корсунь (Херсонес), задумал написать трагедию о святом князе Владимире, принявшем там крещение. В Крыму же, как свидетельствовал АЛІ. Муравьев, Грибоедов рассказал ему план трагедии о князе Федоре Рязанском, посланном в 1237 г. на переговоры с Батыем и злодейски убитым. В 1826 г. поэт признавался одному из знакомых: "Душа моя темница, и я написал трагедию из вашей Рязанской истории". Сохранилась сцена "Серчак и Итляр",

которая, вероятнее всего, и должна была войти в эту трагедию. В 1828 г. Грибоедов приступил к созданию драмы "1812 год", план которой и одна из сцен также сохранились.

Гадать — неблагородное дело, но останься поэт жить, можно представить, куда он мог в дальнейшем направить свои творческие порывы. Об этом могут косвенно свидетельствовать также чудом сохранившиеся конспекты Грибоедова при чтении таких весомых трудов по русской истории, как "Деяния Петра Великого" И.И. Голикова и "Древняя Российская вивлиофика". А его собственные "Заметки по исторической географии России" (№ 1—57) демонстрируют превосходное знание поэтом отечественной истории.

В Крыму поэт путешествовал верхом и пешком почти три месяца, проехав его вдоль и поперек, поднявшись на все основные вершины. Его "Путевые заметки" вновь дышат восторженными чувствами: "Поднимаемся на самую вершину… отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синеется вдали; корабль в Алуште будто на воздухе; море слито с небом… холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах… Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?… Кочуем в тумане и в облаках целое утро… Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночую там… Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив".

Поэт представляет себя свободным странником, упивающимся красотами природы и воспевающим увиденное. "Верь мне, — пишет он из Симферополя Бегичеву, — чудесно всю жизнь свою протаскаться на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за пределы пошлых опытов; воображение свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет… Но остановки, отдыхи… для меня пагубны… Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности".

В этих словах Грибоедова кроется разгадка той тайны, которая влекла и влечет до сих пор русских поэтов в круговерть бегущих в неизведанное дорог. Под его словами могли бы без сомнений подписаться такие певцы Музы дальних странствий и странники русской поэзии, как Иван Бунин, Константин Бальмонт, Николай Гумилев, Велимир Хлебников и многие другие, кому посчастливилось в жизни сочетать поэтическое творчество с путешествиями. В Крыму, как ни в каком другом месте, поэт задумался о бренности времен, когда с Чатыр-Дага

видел "ветхие стены италийцев, греков или готфов", "груды камней", свидетельствовавшие "о прежней величавой жизни". Как писал поэт, он "вообразил себя на одной из ростральных колонн петербургской биржи. Оттуда я накануне моего отъезда любовался разноцветностью кровель, позолотою глав церковных, красотою Невы, множеством кораблей и мачт их. И туда взойдет некогда странник (когда один столб, может быть, переживет разрушение дворцов и соборов) и посетует о прежнем блеске нашей северной столицы, наших купцов, наших царей и их прислужников". Образ *странника* появлялся в творениях поэта вновь и вновь, и все чаще Грибоедов — один из первых "странников русской литературы" — олицетворял себя самого с этим бесстрашным и неугомонным человеком-скитальцем, спешащим в неведомую даль. В сентябре 1825 г. в письме Бегичеву поэт так сформулировал свою планиду странствий; "… Игра судьбы нестерпимая: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде". И особую тягу у поэта вызывали именно восточные просторы, что он объяснял Булгарину следующими словами: "Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имеем с древних времен сношения с жителями оного".

Процитируем лишь некоторые отрывки из поэтических творений Грибоедова, в которых тема странствий с восточным привкусом звучала в полный голос, заметив при этом, что "персидский странник" был по сути своего творческого почерка скорее не поэтом-лириком, а именно поэтом-драматургом, преобразовывавшим поэтическое видение мира в яркие драматические картины:

Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет,
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.

("Отрывок из Гете", 1824)

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?

("Телешовой", 1824)

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом нар,
А мы на них — то вихрями в пустыне.
То вплавь по быстринам сердитых рек…
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне

("Серчак и Итляр", 1825)

…Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями

("Освобожденный", 1826)

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущелье пропаду,
Где бурный Ксан крутит седые воды

("Грузинская ночь", 1828)

А в самой комедии "Горе от ума" есть такие бессмертные строки;

Когда ж пространствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен…

Любопытно, что в первоначальной редакции "Горя от ума" Чацкий в монологе из 4-го действия прямо говорил о своих кавказских странствиях, как бы следуя теми же дорогами, что и сам автор:

…Я был в краях,
Где о гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба этот снег в паденьи всё охватит.
С собой влечёт, дробит, стирает камни в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.

Тема странствий в знаменитом творении Грибоедова вообще звучит во весь голос. Начнем с того, что главный герой комедии Чацкий гоже *странник*, причем добровольный, испытывающий потребность "ездить далеко" и "искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок". Как говорила о Чацком Софья,

Вот об себе задумал он высоко…
Охота странствовать напала на него…
Ах! Если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

Чацкий появляется в комедии в промежутке между странствиями — только "с корабля" и уже через "день всего" требует себе карету. Автор "Обломова" И.А. Гончаров превосходно оценил особенности "страннического" облика Чацкого как деятельного человека, воина, "передового курьера неизвестного будущего", "русского Гамлета": "…Ум его играл страдательную роль, и это дало Пушкину повод отказать ему в уме. Между тем Чацкий как личность несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века". Гончаров совершенно справедливо соединял Чацкого с самим Грибоедовым, утверждая, что "они недаром бились — хотя и бескорыстно, не для себя, и не за себя, а для будущего и за всех…"

М.О. Гершензон в своем знаменитом труде "Грибоедовская Москва" (1914) совершенно справедливо писал, что "в известном смысле "Горе от ума" — эпизод из жизни самого Грибоедова, и сам автор — прототип Чацкого. Таков был, несомненно, и сознательный замысел Грибоедова. Чацкий взят в той самой позиции, в какой дважды был сам Грибоедов, — вернувшимся в Москву после долгого отсутствия. Выдуманная Грибоедовым любовь Чацкого к Софье… служит для обострения этой позиции: она делает московские впечатления Чацкого более яркими и болезненными… Особенно любопытны в этом отношении обмолвки комедии, еще более приближающие Чацкого к

Грибоедову. Чацкий имеет какое-то странное отношение к литературе: он, как сам Грибоедов, — "пишет, переводит". И где он был эти три года?". Ответ на этот вопрос исследователя очевиден: Грибоедов (и косвенно Чацкий) был в Персии.

Современный исследователь А.А. Лебедев, называвший Грибоедова "отчетливо выраженным *странником",* в своем труде "Три лика нравственной истины. Чаадаев, Грибоедов, Якушкин" очень точно высказался о странничестве Чацкого: ""Горе от ума" — это наше знакомство и одновременно прощание с Чацким. Мы застаем его посреди пути. Он исчезает, едва появившись. Ему предстоит долгий путь вечного странника русской литературы и русской общественной мысли… Чацкий не сходит, а выходит со сцены. В бесконечность. Его роль не завершена, а начата… Чацкий уходит искать по свету земли обетованной, "где оскорбленному есть чувству уголок", где "не темнеют неба своды, не проходит тишина". И он уже знает, успел узнать, что эта земля, эта страна — всегда за линией горизонта, "где нас нет"".

Хочется спросить, в какой же стране странствует и поныне Чацкий? Исходя из пристрастий его творца, можно ответить, что это происходит где-нибудь на Востоке, на пути к Исфахану или Ширазу, Джайпуру или Багдаду…

Между тем, приехав снова на Кавказ, Грибоедов сначала участвовал в экспедиции генерала А.А. Вельяминова против кабардинцев и черкесов, а потом сам напросился у Ермолова поехать в Чечню, полыхавшую войной с горцами. Начались, по словам поэта, "новые приключения": "Еще несколько дней и… пущусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан…" И именно во время чеченского похода в крепость Грозную прибыл 21 января 1826 г. фельдъегерь с высочайшим приказом арестовать Грибоедова и отобрать его бумаги. Благодаря содействию Ермолова поэт успел уничтожить почти все свои бумаги, кроме списка "Горя от ума", чтобы следствию не достались компрометирующие его материалы. Злой рок в первый раз нанес удар по наследию поэта, ведь в тог день погибли не только письма и дневники, но и некоторые стихотворные творения Грибоедова. Во второй раз этот же рок привел к полному уничтожению бумаг поэта в Тегеране во время трагедии, в третий раз во время пожара в доме его вдовы Н.А. Чавчавадзе сгорели письма и часть архива писателя, а в четвертый раз в огне пожара в доме его дальнего родственника и биографа Д.Л. Смирнова в 1877 г. погибли так тщательно собиравшиеся последним материалы к биографии Грибоедова. Вот почему нам до сих пор приходится удивляться, почему таким скудным и разрозненным оказалось наследие человека, которого

Пушкин ставил в первый ряд поэтов российских.

Арест Грибоедова был вызван показаниями декабристов С.П. Трубецкого, Е.П. Оболенского, Н.Н. Оржицкого и А.Ф. Брнггена. После прибытия в Петербург поэт был помещен 12 февраля 1826 г. в Главный штаб наряду с другими заговорщиками, а выпущен на волю только 2 июня того же года. Император Николай I по представлению Следственной комиссии собственноручно постановил: "Выпустить с очистительным аттестатом", кроме того, им было "поведено произвесть" Грибоедова "в следующий чин и выдать не в зачет годовое жалованье". Каким бы образом ни трактовать это решение: как результат заступничества влиятельных лиц, обдуманной тактики подсудимого или правильных показаний самих заговорщиков, в любом случае мы вправе не доверять основательности "очистительного аттестата". Один из ближайших друзей Грибоедова А.А. Жандр знал, что говорил, когда на вопрос о "действительной степени участия Грибоедова в заговоре 14 декабря" отвечал уверенно и определенно: "Да какая степень? Полная… Если он и говорил о 100 человеках прапорщиков (которые задумали перестроить Россию. — С.Д.), то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне…"

Действительное участие Грибоедова в делах декабристов остается до сих пор еще одной тайной жизни "персидского странника". Но одно очевидно, что из заточения поэт вернулся почти другим человеком. Он заговорил впервые в жизни о своей "счастливой звезде" и стал утверждать, что "когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится — поверьте, так говорит вам человек, который знает это по собственному опыту".

Сравним эти слова с настроением поэта накануне событий на Сенатской площади в сентябре 1825 г., высказанном в письме Бегичеву: "А мне между тем так скучно! так грустно!.. Прощай, мой милый. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. — Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная!.. Сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди". Россия оказалась 14 декабря на трагической развилке, и то, что Грибоедов с его скептицизмом "глубоко реалиста" оказался, как Пушкин и Чаадаев, не в рядах декабристских бунтовщиков, говорит о многом. Он, видя и понимая все изъяны России того времени, тем не менее не верил в возможность силами революционеров-дворян перестроить такую громадину, как Россия.

И Грибоедов, конечно, никого не предавал, когда продолжал после освобождения из заточения служить государю и Отечеству. Он не раз повторял, что единственным судьей своего поведения считает лишь самого себя, а высшим мерилом своих и чужих поступков считает ум, понимая под ним целесообразность и рационализм. В эпоху установившегося после разгрома декабристов общественного отчаяния именно в продолжении своей службы он нашел в итоге лекарство от тоски, подавленности и безделия, столь свойственных многим его современникам, "пустым и праздным людям" (вспомним образ Евгения Онегина).

Он хотел показать всем пример службы "делу, а не лицам", не чиновникам, а родной стране.

Будучи государственником по своим убеждениям, Грибоедов, несмотря на приносимую им в жертву поэзию, опять бросился в омут службы, хотя и делал это не совсем охотно: он так и не переставал мечтать об отставке. На поэта подействовали также усиленные просьбы его матери продолжать службу, в особенности искусно разыгранная ею сцена в часовне Иверской Божией Матери, где перед образом Настасья Федоровна взяла с сына клятву исполнить то, чего она просит. Уже в начале сентября 1826 г. Грибоедов снова прибыл в Тифлис, вступив в последнюю фазу своей судьбы, которой так завидовал Пушкин. Поэт продолжил свой "страннический путь", и пусть этот путь вел его "не совсем туда", в тиски неведомого, к опасностям и испытаниям, он уже не мог остановиться. Как человек дела, Грибоедов сам нашел альтернативу еще ищущему свое место в жизни Чацкому и последним периодом своей жизни как бы дописал "Горе от ума" строками героизма и подвига.

ТРИУМФ ДИПЛОМАТА И ВОИНА

А события на Кавказе принимали в то время стремительный оборот. 16 июля 1826 г. без объявления войны персидские войска вторглись в русские пределы. Не встречая серьезного сопротивления, они захватили вскоре большую часть Закавказья, прямая опасность угрожала Тифлису. Николай I, не доверявший Ермолову, послал на Кавказ для его смены генерала И.Ф. Паскевича, под командованием которого русские войска разбили Аббас-Мирзу под Елизаветполем. В результате занятая персами территория Закавказья была освобождена, а русские войска зазимовали в Карабахе, готовясь к новому походу. "На войну не попал, — писал в это время Грибоедов, — потому что и А.П.

(Ермолов) туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, а с подчиненных перья летят".

С Ермолова обязанности были сняты 29 марта 1827 г., а 4 апреля Паскевич уже предписывал Грибоедову "принять в ваше заведывание все наши заграничные сношения с Турцией и Персией, для чего вы имеете требовать из канцелярии и архива всю предшествовавшую по сим делам переписку и употреблять переводчиков, какие вам по делам нужны будут". Именно при Паскевиче, который являлся родственником поэта (он был женат на его двоюродной сестре Елизавете Алексеевне Грибоедовой), поэт получил возможность во всю силу проявить свои способности, чего он был лишен при Ермолове. Грибоедов стал фактически правой рукой генерала, участвуя не только в дипломатических, военных, но и в гражданских делах главноуправляющего Грузией.

По свидетельству Дениса Давыдова, Грибоедов выступал доверенным лицом Паскевича: "…Что он скажет, то и свято…" Роль дипломата, прекрасно знавшего Кавказ, в управлении краем в тот период была очень заметной. Об этом могут свидетельствовать, к примеру, две сохранившиеся записки поэта "О Гилани" и "О лучших способах вновь построить город Тифлис", а также более позднее "Положение об управлении Азербайджаном", которое было затем утверждено Паскевичем. И неудивительно, что времени на творчество у поэта не хватало. "Не ожидай от меня стихов, горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают всё моё внимание, — писал поэт из Тифлиса Булгарину. — Ненадолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь… Я рождён для другого поприща".

Пришлось Грибоедову заниматься и совсем необычным делом, связанным с его "учеными пристрастиями". По просьбе профессора-востоковеда О.И. Сенковского Николай I дал указание начальнику Главного штаба И.И. Дибичу предпринять все меры к поиску, приобретению и передаче в Россию из Персии старинных арабских и персидских рукописей, "редких восточных манускриптов". И как показательно, что как "для отыскания оных, так и для открытия других любопытных сочинений" император повелел привлечь именно Грибоедова, который даже в академических кругах Петербурга рассматривался после его первого "персидского хождения" авторитетным специалистом по Востоку. Еще в 1823 г. он познакомился с академиком Х.Д. Френом, директором Азиатского музея Академии наук, который составил список около 500 наиболее важных восточных сочинений для поиска их в Персии. Впоследствии дипломату

удалось во время пребывания в персидских землях активно содействовать этой работе. В октябре 1828 г. он сообщил Паскевичу, что его тесть А.Г. Чавчавадзе "завоевал в Баязете несколько восточных манускриптов" для передачи их в Академию наук. Известно, что во время русско-персидской войны трофеем стала так называемая "Ардебильская священная библиотека", а зимой 1829 г. от Паскевича в Императорскую публичную библиотеку поступили 44 рукописи, взятые во время русско-турецкой войны.

Однако главный свой триумф Грибоедов, называвший себя "скитальцем в восточных краях", пережил на стыке войны и дипломатии, окунувшись более чем на 9 месяцев в самое пекло русско-персидской войны с "жаждой побед". 12 мая 1827 г. поэт вместе с Паскевичем и войсками выступил в поход из Тифлиса в направлении на Эривань. Сохранившиеся путевые заметки прекрасно демонстрируют, через что пришлось пройти Грибоедову. Вот краткие выдержки из этих заметок: "76 *мая.* Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется… Ночую с генералом; он все болен. Тут и доктор, и блохи. *2 июня.* Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и тутовой. Теряю лошадь. *8 июня.* Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном… Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-хан перешел к нам с 3000 семействами. *12 июня.* Под вечер едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе… Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером. *13 июня.* С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. *19 июня.* Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского. *26 июня.* Вступление в Нахичеван. Ханский терем… Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. *29 июня.* В 4 $^1/_2$ часа кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста саженях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудия обступают крепость. Канонируют… Из крепости стреляют на переправу".

А вот выдержки из писем поэта П.Н. Ахвердовой, которые дополняют картину. *Из Нахичевани:* "Удушающая жара, скверная пища… ни книг, ни фортепьяно. Тошно до смерти". *Из Аббас-Абада*: "Пишу вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер, пыль страшнейшая, и что хуже всего,

уже смеркается… Этим утром наше общество чуть было не лишилось Влангали, из-за семи злосчастных ядер, которые прогрохотали над его палаткой… Все это вносит развлечение в мою жизнь, я начинаю до некоторой степени находить в этом вкус; это лучше, чем плесневеть в городах". *Из Карабаба:* "… Взятие Аббас-Абада были нашими последними счастливыми днями. С тех пор только болезни, солнце, пыль, скорее страдание, чем жизнь, и я первый изнемогаю от этого, я, который считал себя приспособившимся к этому климату в продолжение бесконечной миссии Мазаровича".

Поэт, понимая, что война несет освобождение кавказским народам от угроз и диктата персидских властителей, прекрасно видел, тем не менее, все негативные ее стороны, утверждая, что "вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная". В письме Ахвердовой 28 июня 1827 г. он писал, имея в виду прежде всего князя Г.И. Эристова: "Боже, какие у нас здесь генералы! Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более утвердить меня в отвращении, которое я питаю к чинам и отличиям". Между тем, присутствуя лично при всех схватках и сражениях, поэт неоднократно проявлял свое бесстрашие, приучив нервы к свисту пуль и ядер. Паскевич в своем письме в Москву жаловался, что "слепой (Грибоедов был очень близорук. — *С.Д.),* не внимая никаким убеждениям, разъезжает себе и первых рядах под пулями". А К.А. Полевой описал следующую историю, подтвержденную другими свидетельствами: "Между прочим, речь зашла о власти человека над самим собою. Грибоедов утверждал, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всем другом человек может повелевать собою совершенно и даже сделать из себя всё. "Разумеется, говорил он, — если бы я захотел, чтобы у меня был нос короче или длиннее… ото было бы глупо, потому что невозможно. Но в нравственном отношении, которое бывает иногда обманчиво-физическим для чувств, можно сделать из себя всё". Говорю так по тому, что многое испытал над самим собою. Например, в последнюю персидскую кампанию, во время одного сражения, мне случилось быть вместе с князем Суворовым (внуком великого полководца. — *С.Д.).* Ядро с неприятельской батареи ударилось подле князя, осыпало его землей, и в первый миг я подумал, что он убит. Это разлило во мне такое содрогание, что я задрожал. Князя только оконтузило, но я чувствовал невольный трепет и не мог прогнать гадкого чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть, я трус в душе? Мысль нестерпимая для порядочного человека, и я решился, чего бы то ни стоило, вылечить себя от робости, которую, пожалуй,

припишете физическому составу, организму, врожденному чувству. Но я хотел не дрожать перед ядрами, в виду смерти, и при случае стал в таком месте, куда доставали выстрелы с неприятельской батареи. Там сосчитал я назначенное мною самим число (124 залпа. — *С.Д.)* выстрелов и потом тихо поворотил лошадь и спокойно отъехал прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? После я не робел ни от какой военной опасности. Но поддайся чувству страха — оно усилится и утвердится"".

В этих словах кроется разгадка того героического поведения, которое поэт проявил в последний день своей жизни. Но не только храбрость отличала молодого дипломата. Его профессионализм в полной мере проявился во время тайных переговоров с Эхсан-ханом, комендантом крепости Аббас-Абад, который после этих переговоров изъявил желание перейти в русское подданство, мстя тем самым шаху за то, что по его приказу был ослеплен его отец, Келб-Али-хан Нахичеванский. Крепость была фактически сдана комендантом русским войскам 7 июля 1827 г., а сам Эхсан-хан был назначен вскоре губернатором Аббас-Абада.

А какое хладнокровие, выдержку и умение, в том числе умелого разведчика, проявил Грибоедов, когда, разбитый под Нахичеванью и Аббас-Абадом, Аббас-Мирза просил о прекращении военных действий, а поэт был послан Паскевичем 20 июля 1827 г. в лагерь персидских войск, дислоцировавшихся в Чорской долине. О том, насколько сложной оказалась миссия поэта, свидетельствует хотя бы тот факт, что он, больной лихорадкой, в мучительную жару за 40 градусов вел тяжелые переговоры целых 5 суток, по 6—10 часов в день (позднее именно за эти переговоры он был произведен в коллежские советники). Сохранилось уникальное по своим подробностям и объему более 14 книжных страниц донесение Грибоедова об этих переговорах Паскевичу от 30 июля 1827 г., свидетельствующее, во-первых, об очевидном прозаическом таланте автора, умудрившегося официальный документ превратить в яркий рассказ, а во-вторых, о самом превосходном знании поэтом реалий персидской жизни и психологии.

Из донесения мы узнаем, что персы "внимание, приветливость и лесть расточали перед" поэтом с избытком, пытаясь добиться перемирия на 10 месяцев без заключения какого-либо договора. Грибоедов же, в свою очередь, выдерживая "диалектику XIII столетия", настаивал на признании самого факта вероломного нападения Персии на Россию, передаче ей Эриванского и Нахичеванского ханств, а также выплате

значительной контрибуции. Он подметил весьма показательные особенности поведения персидских начальников, которые ещё и ещё раз опровергают несостоятельные обвинения поэта в том, что он якобы не знал особенностей местной политики: в Персии "единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей", что невозможно в России; особый способ трактовать свойствен исключительно персиянам, "которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю"; когда войска Персии напали на наши границы, "несколько сорванных голов наших фуражиров возбудили надежды их до крайней дерзости, — характер народа известен". Поэт сравнивал "характеры двух народов": "персиян — смелых при счастии, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах", и наших, "которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают". Он писал о том, что персы больше "любят прятаться, чем сражаться… подлецы, а миру нет", что "правление здешнее удивительно как мало приспособлено к местным соображениям… один человек… при нём несколько писцов и рассыльных чиновников гораздо бы лучше соответствовали цели".

В донесении Грибоедов, как заправский разведчик, подробно описал весь персидский лагерь "с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, она ему тягостна и страшна", он рассказал о своих попытках увлечь на свою сторону некоторых персидских военачальников и курдов, которые были в конвое поэта и просили, "чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам". В итоге поэт, проанализировав сложившуюся ситуацию, сделал весьма важный вывод, во многом определивший дальнейший ход событий: "Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Адзербидзама (Тавризе — столице Южного Азербайджана, находившегося под управлением Аббас-Мирзы. — *С.М.),* можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы нынче им предлагаем".

Советы Грибоедова возымели действие: 1 октября русские войска взяли Эривань, а 4 октября отряд князя Г. И. Эрнстова, в котором был и Грибоедов, переправился через Аракс и направился к Тавризу, который пал 13 октября. Позже прекрасно осведомлённый Д.А. Смирнов совершенно справедливо писал о Грибоедове: "Он беспрестанно старался приводить в действие главную пружину дела — "не уважать неприятеля, который того не стоит". Движения к Аббас-Абаду, даже к самой Эривани, были следствием личных самых убедительных настояний Грибоедова.

Во время этой войны явились во всем блеске его огромные дарования, вполне обработанные многосторонней правильной образованностью, его дипломатический такт и ловкость, его способность к труду, огромному, сложному и требующему больших соображений". Смирнов пришел к выводу, который доказывает, какого триумфа добился молодой дипломат на своем сложном поприще: "Жаль, а так всегда делается, что слава принадлежит не главному, а старшему… Превосходно знавший персидский быт и самый дух народа и даже самую местность, друг Аббас-Мирзы, Грибоедов был правою рукою Паскевича… Все движения к Аббас-Абаду, Эчмиадзину и даже к самой Эривани были подвигнуты решительностью Грибоедова, который беспрестанно, так сказать, толкал вперед Паскевича, не знавшего ни персиян, ни местности… Эривань была взята и Паскевич получил титло Эриванского".

С 6 ноября 1827 г. в Дей-Каргане, недалеко от Тавриза, возобновились переговоры с персидской стороной, в которых самую заметную роль опять сыграл Грибоедов. Сохранились 4 написанные им записки, в том числе "Наставление" о том, как вести переговоры в Туркманчае, которые фактически являлись руководством к действию всех участников переговоров и блестяще демонстрировали знания Грибоедовым всех тонкостей психологии и хитрости персидских правителей и дипломатов. Показательно, что упомянутое выше "Наставление" было подписано Паскевичем и адресовано самому его автору — "коллежскому советнику Грибоедову".

Хотя переговоры с персами несколько раз прерывались, они всё-таки увенчались беспрецедентным дипломатическим успехом, когда в ночь с 9 на 10 февраля 1828 г. в селении Туркманчай был подписан мирный договор между Россией и Персией. По этому договору к России были присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства, персидское правительство обязывалось уплатить России десять куруров (двадцать миллионов рублей серебром) до 1 января 1830 г. Кроме того, предусматривалось значительное улучшение условий торговли русских купцов в Персии, судоходства России в Каспийском море, налагался запрет на персидский военный флот в этом море.

Заключение мира в Туркманчае 10 февраля 1828 г. *Гравюра XIX века. Второй справа — А. С. Грибоедов*

Грибоедов, по существу, являлся одним из авторов договора. Только благодаря его настойчивости в него была включена роковая для последующей судьбы поэта XIII статья о беспрепятственном освобождении и возвращении на родину как военнопленных, так и "подданных обоих правительств", попавших когда-либо в плен. Все они должны были быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев с необходимыми "жизненными припасами и прочими потребностями", обе державы имели "неограниченное право требовать" пленных "во всякое время" и "возвращать их взаимно по мере того, как они будут оказываться или когда поступят о них требования". Уступки эти были сделаны персами против воли, и сквозь любезности в восточном стиле явно проглядывалось их нетерпеливое желание отомстить и взять назад всё потерянное. Грибоедов, справедливо гордясь успехом, не скрывал своих опасений этой мести и, быть может, скорого возобновления войны.

Завоевание Кавказа. 1800–1864 гг. Карта

Однако момент триумфа был весьма ярким и бесспорным. Паскович, посылая в Петербург Грибоедова с вестью о мире, не мог выбрать лучшего претендента. Он прямо признавался в своем донесении в столицу, что Грибоедов в ходе "мирных переговоров оказал в дипломатических сношениях особенное искусство, и я считаю себя обязанным некоторым мыслям им представленным и основанным на познании характера министерства персидского, успешному окончанию этот важнейшего дела". Непосредственно Николаю I Паскевич докладывал о дипломате: "Я осмеливаюсь рекомендовать его, как человека, который был для меня по политическим делам весьма полезен. Ему обязан я мыслью не приступать к заключению трактата прежде получения вперед части денег; и последствия доказали, что без сего долго бы мы не достигли в деле сем желаемого успеха".

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПЕРЕДЫШКА

14 марта поэт прибыл в Петербурге мирным договором, и, как писали "Санкт-Петербургские ведомости", "немедленно за сим 201 пушечный выстрел в крепости возвестил столице о сем благополучном событии, — плоде достославных воинских подвигов и дипломатических переговоров, равно обильных блестящими последствиями…" (заметим, что в 1815 г. окончательную победу над Наполеоном праздновали только 100 залпами, первую победу в период его царствования новый император хотел отпраздновать с особым пафосом). По

свидетельству Вяземского, государь, заждавшись посланца, "собирался даже послать к нему навстречу", чтобы узнать причину задержки. Поэт был принят Николаем I, который поздравил его с чином статского советника, наградил орденом Анны 2-й степени с алмазами и четырьмя тысячами червонцев. Позже Грибоедов был награжден также медалью "За Персидскую войну". "Для меня это, — писал он, — во 100 раз дороже Анны".

Не будет преувеличением сказать, что ни до этих дней, ни после никто из русских поэтов не удостаивался такой высокой чести за свои подвиги и достижения, тем более выраженной самим императором, как это произошло с Грибоедовым. Слава, известность, благосостояние стали заслуженной наградой поэту, хотя причиной этой награды были не его творения, а служебная деятельность. Русская история знает слишком много примеров того, как представители поэтического цеха России, находясь в прямой или скрытной оппозиции к императорской власти, часто не только не помогали ей в делах праведных, но и порой активно мешали. Грибоедов же, несмотря на все его сложные взаимоотношения с начальством и свои идеологические воззрения, служил Родине самозабвенно и без компромиссов, часто в ущерб своему поэтическому творчеству. Не будем забывать, что, по сути, его подвиг можно назвать военным, ведь проявил он себя во всем блеске именно в лихие военные годы, не раз рискуя своей жизнью. И если мы представим невозможное, что Грибоедов вообще не написал своей бессмертной комедии, то одних его заслуг на "персидском фронте" было бы достаточно, чтобы он вошел в историю России в качестве выдающегося дипломата.

Между тем в оценке русских поэтов ещё в дореволюционные, а потом и в советские времена установились довольно странные штампы: чем оппозиционнее и крамольнее был поэт, чем больше он тяготился своими обязанностями на государевой службе, тем он был якобы талантливей и ближе к народу. Это мнение с особенной откровенностью выразил известный публицист Н.П. Огарев: "Грибоедов, спасшись от ссылки посредством родственных связей, примкнул к правительству и на дипломатическом поприще наткнулся на случайную гибель. Но талант его и без того уже был погибшим: он высказал в "Горе от ума" все, что у него было на сердце, а дальше он ничего не мог развить в себе самом, именно потому, что он примкнул к правительству, этому гробу русских талантов и русской доблести". А ведь на самом деле получилось как раз наоборот: поэт проявил примеры доблести и таланта именно на государевой службе, и не его вина, что из-за своей загруженности

делами он вынужден был отодвигать в сторону поэтические занятия. Неужели вообще написанная кем-либо поэма или сборник стихов с "революционными настроениями" могут перевесить на весах истории многолетнюю успешную службу, а тем более реальные подвиги на военном или политическом поприще во славу и процветание России и народов, её населяющих? И как же несуразно звучали еще совсем недавно высказывания советских литературоведов, которые не раз заявляли, что Грибоедову, изменившему идеалам декабризма, надо было не идти на службу, а уйти в отставку, не заниматься утопиями в духе проекта "Российской Закавказской компании", а "застыть в горестном молчании". Такую же тенденциозную оценку можно разглядеть и в романе Ю. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара".

А.С. Грибоедов. Акварельный портрет работы В.И. Мошкова. 1827 г.

Грибоедову посчастливилось жить в "эпоху славы", когда в России, выполнявшей на Востоке свою освободительную миссию по отношению ко многим народам, вновь, как в заветные

екатерининские времена, появилось место для подвига. Он сам писал об этом после Туркманчая, "принесшего честь" началу царствования нового императора: "Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицею севера". Грибоедов, имевший две аудиенции у императора, был им просто очарован, кстати, как и Пушкин: "… В разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера…"; "Царь хорош… К счастию, я нашел в особе моего государя такое быстрое понятие, кроме других качеств, что полслова достаточно в разговоре с ним, он уже наперёд всё постигает"; "…Государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине". И в итоге поэт позднее признался: "Я слишком облагодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чем-либо ему не усердствовать".

После этих слов становится понятной готовность Грибоедова служить царю и Отечеству и дальше, несмотря на такие пассажи из его писем и высказываний того времени: "я решил уехать или совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне не сулила", "меня опять турят в Персию… но я извинился физическою немощию", "я ещё никакого назначения не имею… душевно бы желал некоторое время пробыть без дела официального и предаться любимым моим занятиям", "не люблю я персиян. Это самое коварное и предательское племя", "дайте мне мое свободное время, мое перо и чернильницу, больше мне ничего не надо"! "Нас цепь угрюмых должностей // Опутывает неразрывно", — писал поэт в одном из последних своих стихотворений, но реалии жизни так и не позволили ему избавиться от служебных цепей.

Любопытно, что во время своего краткого отпуска Грибоедов мечтал о длительной поездке в Европу. Вот что писал жене 19 апреля 1828 г. П.А. Вяземский: "Смерть хочется… отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж… Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы… не шутка видеть четырех русских литераторов. Журналы, верно, говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право, можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный манускрипт своего путешествия какому-нибудь книгопродавцу или, например, Полевому, — деньги верные…"

Если бы такая поездка состоялась, она стала бы самым

значительным зарубежным путешествием русских поэтов за всю историю. Однако позже Вяземский с горечью констатировал: "Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что, как русский дворянин, имеет он право ехать за границу, но что государю будет это неприятно. Грибоедов же вместо Парижа едет в Тегеран чрезвычайным посланником. Я не прочь ехать бы и с ним, но теперь мне и проситься нельзя. Эх, да матушка Россия! попечительная лапушка ее всегда лежит на тебе: бьет ли, ласкает, а все тут, никак не уйдешь от нее…"

Да, матушке-России вновь потребовались умения Грибоедова, и именно он 25 апреля 1828 г. был назначен по Высочайшему повелению полномочным министром Российской императорской миссии в Персии. Такой пост предложил ввести сам Грибоедов, чтобы он был равен посту английского представителя в Персии, но он надеялся, что в силу незначительности его чина эту должность получит кто-то другой. Однако и чин статского советника (он относился к 5-му классу в Табели о рангах и был выше воинского звания полковника, но ниже генерал-майора), правда, не самый высокий из возможных, ему дали и на почетное место назначили.

Сохранился уникальный документ "Проект инструкции ***, посылаемому в Персию", написанный Грибоедовым в апреле 1828 г. для будущего посланника в Персии, а получилось — для самого себя. В этом документе давались четкие инструкции по таким сложным аспектам русско-персидской дипломатии, как "Упрочение мирных сношений", "Нейтралитет Персии в наших делах с Турциею и наоборот", "Недоимка контрибуции", "Покровительство персидским подданным, служившим русским во время войны", "Пограничные дела", "Торговые сношения", "Поведение против английского посольства в Персии" и т. д. По сути, Грибоедов сам себе начертал программу будущих действий, выявив самые сложные и опасные аспекты своей миссии.

Во-первых, он отметил, что Персии совсем не просто будет соблюдать условия Туркманчайского трактата, "ибо в ней гнездятся семена внутреннего раздора, дух соперничества в самом царствующем доме, своеволие духовных, которое превышает иногда власть самого правительства (как прав оказался Грибоедов, отметив этот зловещий пункт! — *С.Д.)* необузданность кочевых племен, всегда готовых к бунту". Дипломат предложил целый ряд рецептов, чтобы "восторжествовать над недоверчивостию азиатскою".

Во-вторых, он предусмотрел, что персидской стороне придется делать различные уступки, особенно в получении контрибуции: "Вы усмотрите из состояния финансов наследного

принца, может ли быть сия сумма быть истребована к назначенному сроку? Или необходимо дать ему облегчение? Или даже совершенно простить долг, если он несоразмерен его доходам?"

В-третьих, Грибоедов предупредил об особой опасности (опять провидчески!) защиты в стране, где господствуют "туземные законы", персидских подданных, "которых правительство захотело бы преследовать за услуги" России: "И вы, хотя бы защищали… самое человечество, которое так часто оскорбляется в Азии местными обычаями и постановлениями… должны иметь в виду, что чужестранное влияние в домашних делах государства всегда ненавистно и вас могло бы поставить в самое неприятное положение". Дипломат вообще советовал будущему посланнику "неумеренною пылкостию не возбудить еще более против себя неудовольствия правительства".

В-четвертых, он обратил особое внимание на необходимость тщательного наблюдения за действиями английского посольства в Персии, чтобы "противодействовать влиянию враждующей нам державы", не забывая при этом "обхождения ласкового и дружелюбного", и не допустить того, чтобы в неблагоприятных условиях Англия смогла бы придать "грозный вид персидскому ополчению" и "нанести нам много вреда по ту сторону Кавказа". Только слепой, после прочтения этого важнейшего документа, сможет утверждать, что Грибоедов не знал специфики своей деятельности и лишь по недомыслию и чрезмерному упрямству погубил себя и сотрудников русской миссии.

Министр иностранных дел К.В. Нессельроде отмечал при назначении поэта полномочным министром: "Познания Грибоедова в языке персидском, короткое знакомство его с местными обстоятельствами, наконец, дарования и усердие, оказанные им при минувших переговорах, достаточно доказывают, что Высочайший выбор пал на чиновника, способнейшего к исполнению важной должности". Иран в те годы был местом, где формировалась азиатская политика России и где проходил фронт противостояния английскому влиянию на Востоке, поэтому-то назначение на пост русского посланника в Персии компетентного и авторитетного специалиста имело тогда принципиальное значение.

Однако в руководстве дипломатического ведомства России того времени нередко брали верх ошибочные и непрофессиональные тенденции. Чтобы это понять на конкретном примере, достаточно перечислить те изменения, которые внес в текст "Инструкции статскому советнику Грибоедову" директор Азиатского департамента МИДа К.К. Родофиникин и которые не

могли не сказаться на дальнейшей судьбе русской миссии в Персии: Грибоедову предписывалось не делать главный упор на отношениях с наследным принцем Аббас-Мирзой. находившемся в Тавризе и сконцентрировавшем на себе все дипломатические дела Персии, а непременно отправиться к шаху в Тегеран; дипломату не разрешалось использовать в интересах России желание Аббас-Мирзы воевать с Турцией; ему запрещалось даже обсуждать вопрос об отсрочках с выплатой персидской контрибуции, обещать Аббас-Мирзе военную помощь в случае его борьбы за престол, а также держать наготове для этого два артиллерийских полка на границе с Персией; Грибоедову не разрешалось также противодействовать влиянию Ост-Индской компании в Иране, посылать русских офицеров советниками в персидскую армию, поставлять в страну оружие, назначать консулов для содействия российской торговле в Персии и т. д. Как видим, подобные наставления не могли не ограничивать возможности нового посланника, направляя его действия по скользкому и опасному пути.

Грибоедов слишком хорошо понимал все трудности своей будущей миссии, и это не могло не сказаться на его настроении в те дни, когда он был назначен полномочным министром. Вот что вспоминал Жандр о своей встрече с Грибоедовым: "Нас там непременно всех перережут, — сказал он мне, приехавши ко мне прямо после этого назначения. — Аллаяр-хан мне личный враг. Не подарит он мне Туркманчайского трактата". Примерно те же самые слова приводил в своих воспоминаниях Бегичев: "Во все время пребывания его у меня он был чрезвычайно мрачен, я ему заметил это, и он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: "Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобою более увидимся!!!" — "К чему эти мысли и эта ипохондрия? — возразил я. — Ты бывал и в сражениях, но бог тебя миловал". — "Я знаю персиян, — отвечал он. — Аллаяр-хан (Аллаяр-хан был зять тогдашнего шаха персидского и в большой силе при дворе. Он возбудил шаха к объявлению войны. — *Примеч. Бегичева)* мой личный враг, он меня уходит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира. Старался я отделаться от этого посольства… но через несколько дней министр присылает за мной и объявляет, что я по высочайшей воле назначен полномочным послом. Делать было нечего! Отказаться от этого иод каким-нибудь предлогом, после всех милостей царских, было бы с моей стороны самая черная неблагодарность. Да и самое назначение меня полномочным послом в моем чине я должен считать за милость, но предчувствую, что живой из Персии не возвращусь"".

То же настроение передавали и другие современники. А.С.

Пушкин: "Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить: он мне сказал: "…Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей…" Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слона Грибоедова сбылись". К.А. Полевой: "Грибоедов уехал из С.-Петербурга в июне месяце. Несмотря на блестящие ожидания впереди, он неохотно, дюке с грустью оставлял Россию, и однажды, когда я говорил ему о любопытном его будущем положении в Персии, он сказал: "Я уж столько знаю персиян, что для меня они потеряли свою поэтическую сторону. Вижу только важность и трудность своего положения среди них, и главное, не знаю сам отчего, мне удивительно грустно ехать туда! Не желал бы я увидеть этих старых своих знакомых"".

В канун отъезда короткой запиской о себе напомнил и Кюхельбекер, находившийся в одиночном заключении в Динабурге. Его слова, горько-пророческие и в то же время духовно-прощальные, как бы напутствовали Грибоедова в его служении Отечеству и Музе: "Я долго колебался писать ли к тебе. Но, может быть, в жизни мне не представится уже другой случай уведомить тебя, что я еще не умер, что люблю тебя по-прежнему… Прости! До свидания в том мире, в который ты первый вновь заставил меня веровать". Позднее, в 1845 г., за несколько месяцев до собственной кончины, в стихотворении "Участь русских поэтов" Кюхельбекер вновь вернется к той же теме жертвенности лучших представителей русской Музы:

Горька судьба поэтов всех времен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию.

А вот что писал перед отъездом в Персию сам Грибоедов Е.И. Булгариной: "Прощайте! Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть, навсегда. Боже мой! Неужто должен я буду всю мою жизнь провести там, в стране столь чуждой моим чувствам, мыслям моим…" Откуда появились такие мрачные настроения у Грибоедова? Что это? Интуиция и предчувствия впечатлительного поэта или трезвый расчет опытного дипломата? Думается, и то и другое. О суеверии поэта прямо говорил Жандр: "…Он был порядочно суеверен, и это объясняется, если хотите, его живой поэтической натурой. Он верил существованию какого-то высшего мира и всему чудесному". И эта вера не могла не влиять на

умонастроения поэта. Вместе с тем Грибоедов был профессионалом своего дела, который чутко улавливал сгущавшиеся над ним тучи. Дело в том, что за несколько дней до его назначения началась очередная война России с Турцией, кардинально изменившая всю ситуацию на Востоке, ведь обиженная поражением Персия могла вступить в войну на турецкой стороне. И Грибоедов не мог не понимать, насколько сложной и опасной будет его миссия.

Однако все дальнейшее поведение поэта свидетельствовало не только о его мужестве и храбрости, но и о том, что ему была чужда сама мысль о смерти, что у него не иссякали новые творческие замыслы. К примеру, свою трагедию "Грузинская ночь" Грибоедов отказывался читать даже своим друзьям: "Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать". Не мог человек, ждущий смерти, обдумывать также на долгие годы проект Российской Закавказской компании, которая должна была стать локомотивом развития целого региона (этот проект, пожалуй, не потерял своей актуальности до сих пор, и он ещё раз доказывает превосходное знание Грибоедовым особенно-стой восточной жизни). Да и последовавшая вскоре в Тифлисе женитьба поэта на Нине Чавчавадзе, которую он полюбил без меры, свидетельствовала вовсе не о следовании поэта мрачным предчувствиям.

Свое особое отношение к жестоким перипетиям судьбы поэт высказал еще в 1823 г. в письме к сестре Кюхельбекера Ю.К. Глинке: "Убедите вашего милейшего брата покориться судьбе и смотреть на наши страдания как на нравственные испытания, из которых мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, запасшиеся твердостью". Грибоедову принадлежат и такие сильные слова: "Судьба лишнего ропота от меня не услышит". И хотя он неоднократно высказывал жалобы на свои скитания, эти жалобы не мешали ему идти прямо, без трусости и плутаний до предела своего жизненного пути.

Между тем, по свидетельству управляющего политическим сыском России М.Я. фон Фока, "возвышение Грибоедова на степень посланника произвело такой шум в городе, какого не было ни при одном назначении. Все молодое, новое поколение в восторге. Грибоедовым куплено тысячи голосов в пользу правительства. Литераторы, молодые способные чиновники и все умные люди торжествуют. Это победа над предрассудками и рутиною. "Так Петр Великий, так Екатерина создавали людей для себя и отечества", — говорят в обществах… Грибоедов имеет

особенный дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному… Вообще теперь раскрыта важная истина, что человек с дарованием может всего надеяться от престола, без покровительства баб и не ожидая, пока преклонность лет сделает его неспособным к службе, когда длинный ряд годов выведет его в министры".

Грибоедов же ничуть не зазнался со своим новым, как он писал, "павлинным званием", и просил, например, Булгарина узнать "в герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами". Поэт выехал из Петербурга 6 июня 1828 г., посетив Москву, а затем вместе с Бегичевым навестил свою сестру Марию Дурново в селе Спасском Тульской губернии, где окрестил своего очень болезненного племянника, названного в его честь Александром (вот причуда судьбы!). Сестра хотела, чтобы крестным отцом ее сына был именно брат, и еще в мае она писала Грибоедову: "Люби дорогого Александра, и если ему суждено жить, то я употреблю все средства, чтобы сделать его достойным любви твоей". "Сашку я наконец всполоснул торжественно, по-христиански", — писал позднее о свершившемся крещении поэт, еще не зная, что и имя свое, и здоровье, и благословение на будущее он передал как будто по наследству своему племяннику.

Только за Новочеркасском Грибоедова нагнал курьер, который привез личное послание Николая I Фетх-Али-шаху с верительными полномочиями нового посланника: "…На основании мирного договора, благополучно заключенного в селении Туркманчай, и для постоянного содействия, сохранения и утверждения дружества, возобновленного сим вечно достопамятным актом, Мы признали за благо для постоянного пребывания при Дворе Вашего Шахова Величества определить Полномочного Министра, и таковым назначили Нам любезноверного Статского Советника и Кавалера Грибоедова. Мы питаем лестную надежду, что Ваше Величество примет сие как доказательство Нашего искреннего уважения и желания распространению мирных сношений не только между Нами, но и между народами". (Как вскоре покажут виражи истории, эта лестная надежда на "дружество" будет подло разбита коварными и жестокими происками врагов России.)

СНОВА НА КАВКАЗЕ: ЛЮБОВЬ И СЛУЖБА

9 июля 1828 г. Грибоедов прибыл в Тифлис и остановился в доме Паскевича, которого в городе не было. Поэт вынужден был поехать к нему в действующую армию, но известие об эпидемии чумы, распространившейся в войсках, заставило его возвратиться в Тифлис, где ему суждено было испытать мгновения счастья. Дочь его старого приятеля, не достигшая еще 16 лет княгиня Нина Чавчавадзе, которую он знал девочкой и с которой часто музицировал, очаровала его своей прелестью, внезапно он сделал ей предложение и получил согласие сначала невесты и ее матери, а потом и её отца, поэта и генерал-майора, начальника Армянской области А.Г. Чавчавадзе. Родилась Нина 4 ноября 1812 г. и была моложе Грибоедова на семнадцать с половиной лет. Она выделялась своими недюжинными способностями и уже славилась в Тифлисе как блестящая красавица.

А начиналась эта история в далеком 1822 г, (именно в этот год поэт закончил первоначальную редакцию "Горя от ума"), когда, приехав в Тифлис из Персии, где Грибоедов служил секретарем русской миссии, он, начав работу по дипломатической части при наместнике на Кавказе генерале А.П. Ермолове, особенно сдружился с семьей князя Александра Чавчавадзе, представителя знатнейшего грузинского рода (его отец Гарсеван подписал в 1783 г. от имени царя Ираклия II знаменитый Георгиевский трактат), участника Отечественной войны 1812 г., поэта, командовавшего тогда Нижегородским драгунским полком, расквартированным в селе Караагач, недалеко от имения Чавчавадзе в Цинандали, в Кахетии. Поэт часто бывал в Цинандали, а также в доме П.Н. Ахвердовой, вдовы бывшего начальника артиллерии Кавказского корпуса, где воспитывались дочери Чавчавадзе — Нина и Екатерина. Именно в этом доме поэт и познакомился впервые с совсем юной и смышленой девочкой, с которой он часто, как опытный музыкант, занимался игрой на фортепиано. По воспоминаниям К.А. Бороздина, "на глазах Грибоедова росла и воспитывалась старшая дочь князя… он был зачастую репетитором ее уроков музыки; она привыкла не считать его чужим, не стеснялась с ним в детской своей беседе, тем самым обнаруживая все прекрасные качества своих способностей и характера". Это общение происходило до марта 1823 г., времени отъезда поэта из Тифлиса. И кто мог знать, что всего лишь через пять с небольшим лет судьба свяжет неразрывными узами эти два сердца…

Нина Чавчавадзе. Э.Ф.Дессэ (?). 1820-е гг.

По словам того же Бороздина, в 1828 г. Нина была "стройная, грациозная брюнетка, с чрезвычайно приятными и правильными чертами лица, с темно-карими глазами, чарующими всех добротою и кротостью". А коллега Грибоедова по дипломатической работе К.Ф. Аделунг так отзывался о девушке: "…Она очень любезна, очень красива и прекрасно образованна, необычайно хороша, ее можно назвать красавицей, очень хорошо воспитана, говорит по-русски и по-французски…" По собственному же признанию Нины, к моменту новой встречи с поэтом она "давно уже имела душевную склонность к Грибоедову и желала его иметь супругом".

Поэт в письме Ф.Я. Булгарину сам описал тот знаменательный день 16 июля 1828 г., когда все решилось: "В этот день я обедал у старой моей приятельницы, за столом сидел против Нины Чавчавадзе… все на нее глядел, задумался, сердце забилось; не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за

руку и сказал ей: "Venez avec moi, j'ai quelque chose vous dire" ("Пойдемте со мною, я должен вам кое-что сказать". — *фр.)*. Она меня послушалась, как и всегда, верно думала, что я ее усажу за фортепиано, вышло не то; дом ее матери возле, мы туда уклонились, вошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее; она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери, Праск. Ник. Ахвердовой, нас благословили, я повис у ней на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань (Чавчавадзе был тогда начальником Армянской области. — *С.Д.)* с письмами от нас обоих и от родных… В Гумрах же нагнал меня ответ от князя… он благословил меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо ли я сделал?"

Уехав от невесты уже на следующий день после помолвки на поиски Паскевича, действовавшего против турецких войск, Грибоедов, переживая за свою отлучку, написал П.Н. Ахвердовой: "Скажите Нине, что так не будет долго продолжаться, вскоре, самое большое через два года, я заживу отшельником в Цинандалах", имея в виду очаровательное родовое имение семьи Чавчавадзе в Цинандали. (И здесь мы опять видим, что пророческие опасения за свое будущее отнюдь не затмили в душе поэта надежды на счастье, покой и творчество в благодатном семейном кругу)

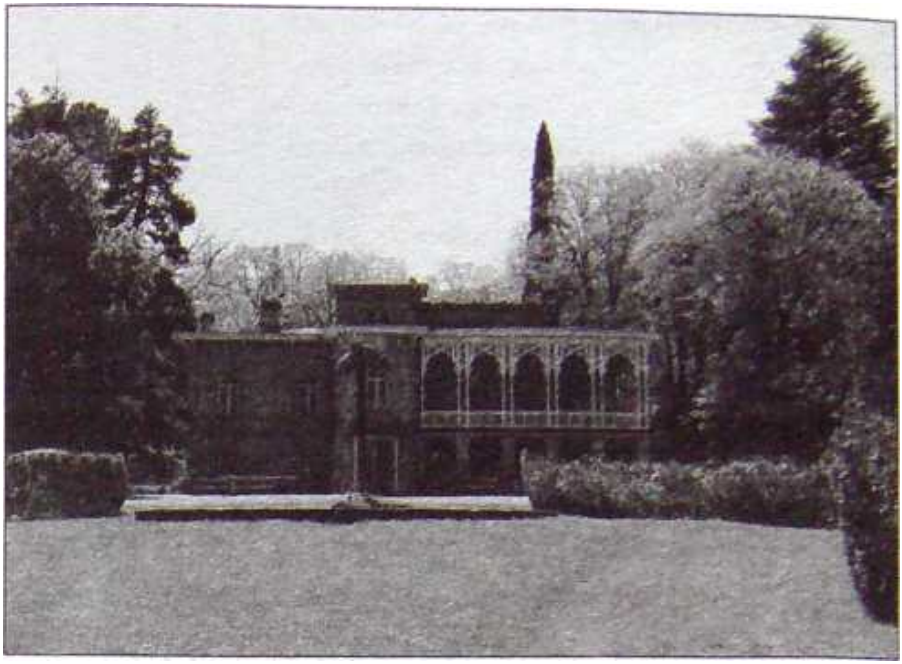
После возвращения Грибоедова из главной квартиры главнокомандующего Паскевича и длительных страданий поэта от жестокой лихорадки, он, измученный и исхудалый, повенчался с Ниной 22 августа в Сионском соборе Тифлиса По свидетельству Д.Ф. Харламовой, "лихорадка не покинула его до свадьбы, даже под венцом она трепала его, так что он даже обронил обручальное кольцо и сказал потом: "C'est de mauvaise augnre" ("Это дурное предзнаменование". — *фр*.)". Несмотря на невзгоды, поэт был на вершине счастья. "Недаром Грибоедов назвал ее мадонной Мурильо, — писал А.П. Берже. — Сделавшись обладателем женщины, блиставшей столько же красотой, сколько и душевными качествами, он имел полное право сознавать свое блаженство и гордиться счастьем, которое, увы! было так скоротечно, так мимолетно!" Сообщая о своем счастье Паскевичу, Грибоедов очень метко заметил: "Вы говорите, что я слишком озаботился моею женитьбою. Простите великодушно, Нина мой Карс и Ахалцых, и я поспешил овладеть ею, так же скоро, как и Ваше Сиятельство столькими крепостями".

В императорской России чиновник, находящийся на службе, не мог вступить в брак без разрешения начальства, Грибоедов

должен был испросить это дозволение у Нессельроде, но за отсутствием времени схитрил, попросив такое разрешение у Паскевича, который затем довел новость о поспешной женитьбе поэта до Нессельроде и императора. Лишь 18 декабря в Тифлис дошло известие о том, что Николай I соизволил признать брак Грибоедова законным, о чем самому поэту так и не суждено было узнать.

На следующий день после венчания Грибоедов позвал на бал и ужин во дворец главноуправляющего на Кавказе Паскевича, где поэт временно проживал и где сейчас на проспекте Шота Руставели находится Дворец молодежи, около 100 гостей. Этот бал запомнился многим как символ породнения двух дворянских родов и объединения двух государств. По словам Аделунга, "весь Тифлис проявляет живейшее участие к этому союзу; он любим и уважаем всеми без исключения…". И как же обидно было мне убедиться во время посещения этого здания совсем недавно, что никто из его сотрудников даже не знает о происходившем здесь событии; тем *более* мне никто из них не смог указать, в каких помещениях жил Грибоедов и где состоялся сам бал. Пришлось догадываться самому…

Существуют не проверенные до конца свидетельства, что сразу после свадьбы молодые супруги всего лишь на несколько дней, но все-таки уехали из Тифлиса в Цинандали, в имение Чавчавадзе, туда, "где вьется Алазань" и где они вырвали для себя у судьбы "медовую неделю" счастья… Я не мог не посетить это легендарное место, где вновь заговорила Лира, оказавшаяся под впечатлением от завораживающей истории любви Нины и Александра:



Усадьба Цинандали в Кахетии, в Алазанской долине, где любил бывать Грибоедов

Средь них цвела, как роза, Нина,
Которой выпало судьбой
Прославить этот род старинный
Любовью вечной и простой.

Супругой гения полгода
Она всего лишь пробыла
И верность предпочла свободе,
Когда трагедия произошла.
И именно в цветущем Цинандали,
В персидский собираясь путь,
Молодожёны счастья разгадали
Загадочно-возвышенную суть.

Потом здесь также побывали
Лев Лушкин, Лермонтов, Дюма
И Алазанский мир узнали,
От красоты его сойдя с ума.

Сейчас же тихая усадьба
Спит, не страдая суетой…
А мне всё видится та свадьба

И молодых приезд домой.

Полгода лишь восторгов и печали
Им выпало среди тревог,
Чтоб спас любовь их, как скрижали
Бесценные, навечно Бог…

Имение князя Чавчавадзе стало любимым местом поэта. За два месяца до гибели он писал: "…Прощай честолюбие… ведь это не главная моя статья. Цинандали и Кахетия большего стоят…" И действительно, стоит один раз побывать в Алазанской долине и Цинандали, чтобы не забыть это место никогда…

Счастье новобрачного отнюдь не освободило его от того, что интенсивно работать ему пришлось уже в Тифлисе. В первую очередь дипломату предстояло оценить обстановку на персидском направлении. Вывод, к которому он пришел, успокаивал: "Персия в таком истощенном состоянии, что не помышляет о войне ни с кем на свете". Однако дипломата настораживало то, что "повиновения внутри государства очень мало: от этого не скоро и не всех выдают наших пленных" и что люди, с которыми приходилось иметь дело, "ещё бесчестнее и лживее прежнего сделались после военных неудачей… Впрочем, нечему удивляться. Мы их устрашили, но не перевоспитали. И задача эта скоро решиться не может".

Начальство из Петербурга торопило Грибоедова с отправкой в Тавриз и Тегеран, что вызывало у все еще больного дипломата резкое несогласие. На указание "ни минуты не медлить в Тифлисе", у поэта даже вырвалось восклицание: "Но ради Бога, не натягивайте струн моей природной пылкости и усердия, чтобы не лопнули… И для чего вся эта гонка?" Поэт с помощью особого "дипломатического маневра" с задержкой своего прибытия в Персию хотел добиться главной задачи, которую перед ним ставило начальство: добиться выплаты 8-го курура персидской контрибуции (7 куруров были выплачены ранее), так как ведение войны с Турцией требовало значительных средств. Но эту задачу удалось решить лишь в декабре 1828 г., несмотря на то, что персидская провинция Хой была занята русскими войсками в залог выплаты контрибуции.

Следует подчеркнуть, что дипломатическая деятельность Грибоедова усложнялась его обязанностью проведения официальной линии, подчас не считаясь с реальной обстановкой. Сам поэт в "Проекте инструкции ***, посылаемому в Персию" предлагал взимать с шаха оставшуюся часть контрибуции, исходя

из конкретного состояния его финансов. Однако это предложение было отвергнуто, и он получил указание "прилагать все… старание, чтобы те деньги к определенному сроку были уплачены". Николай I ставил этот вопрос во главу угла и прямо указывал Грибоедову даже на самые крайние меры, вплоть до новых военных действий, в случае затяжек с выплатами: "Коли будут персияне прибегать к новым изворотам, то оставить их. покудова военные обстоятельства дозволят мне опять к ним обратиться". Тем самым правительство лишало Грибоедова инициативы во всех других вопросах дипломатической деятельности, мешаю противоборствовать английскому влиянию, обостряло и без того напряженную обстановку, способствуя тем самым в определенной мере трагической развязке. Однако это не помешаю затем правительству принять официальную персидскую версию событий и возложить вину за них фактически на самого Грибоедова, якобы проводившего слишком жесткую политику

По сути, Грибоедова погубило не его чрезмерное усердие, а твердое следование официальным установкам, которые должны были доказать силу и неколебимость России. В письме к своему заместителю А.К. Амбургеру в августе 1828 г. поэт прямо писал: "…Если же до сих пор ко мне плохо относились здесь, то причиной тому моё требование соблюдения трактата; в противном случае я возьму обратно свои верительные грамоты… Император Николай обладает энергией, какой не имели его предшественники, и приятно быть министром государя, который умеет заставить уважать достоинство своих посланников". А чуть позднее, уже в Тавризе 3 декабря 1828 г., за два месяца до своей гибели, Грибоедов ещё яснее описал суть своей миссии: "Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. Взимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали *сахтир*, coeur dur (жестокое сердце. — фр.)". Жаль только, что, защищая интересы России, Грибоедов оказался один на один с сильным и хитрым противником, и защиты ему было ждать неоткуда.

Кроме денежных забот в Тифлисе, Грибоедова больше всего занимала судьба пленных, которые, согласно договору, должны были быть возвращены на родину. Об этом поэт сообщал в письме к В.С. Миклашевич: "К нам перешло до 8 т. армянских семейств (в действительности из Иранского Азербайджана в Россию

переселилось около 40 000 армян. — *С.Д.*), и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, сохраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову". Дипломату приходилось также отстаивать интересы нескольких ханов, которые "объявили себя приверженцами россиян в прошедшую кампанию", указывать чиновникам, что на вновь приобретенных Россией территориях надо управлять по местным обычаям, "независимо от наших министерств", предостерегать от "притязания на увеличение наших владений против условий договора". По мысли Грибоедова, к участию в намечавшихся преобразованиях в Закавказье необходимо было привлечь и Иран: "Может быть, Персия, между всеми азиатскими народами, способнейшая к подражанию и принятию новых впечатлений, позаимствуется от нового образования и просвещения сего края. Нам кажется решенным вопрос о преимуществе находиться в соседстве с государством благоустроенным". Поэт написал специальную "Записку о переселении армян из Персии в наши области", опять продемонстрировав прекрасное знание местных реалий.

Лебединой же песней Грибоедова стал написанный им в Тифлисе в июле 1828 г. совместно с П.Д. Завелейским "Проект учреждения Российской Закавказской компании", представлявший собой подробный план действий (из 160 параграфов) по экономическому и социально-политическому преобразованию Закавказья. В этом документе со всей силой проявился талант поэта как государственного деятеля, видевшего далеко вперед и опередившего свое время. Грибоедовский проект, опираясь на опыт Ост-Индской и Российско-американской компаний, шел дальше этих образований, так как был проникнут задачей становления и развития местных производительных сил, а также просвещения народов Закавказья. Любопытно отметить, что нацеленность Грибоедова на решение именно государственных задач России на Востоке проявлялась даже в тех книгах, которые он изучал в последние месяцы своей жизни. Из списка в 28 книг, оставшихся в Тавризе после смерти поэта, большинство относилось к теории государства и права, политической философии, истории стран Европы и Востока. Как жаль, что Россия потеряла в лице Грибоедова перспективного дипломата, и кто знает, какие дипломатические баталии смог бы с честью выдержать в будущем поэт и знаток Востока, если бы судьба благоволила бы ему так же, как она улыбалась "железному канцлеру" и министру иностранных дел России князю А.М. Горчакову, лицейскому товарищу Пушкина и более молодому сослуживцу Грибоедова по Коллегии иностранных дел…

Перед выездом из Тифлиса Грибоедов признавался: "Я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови во мне здоровой не осталось". Но последние события в Персии, а именно бунт в восточных областях страны, последовавшее затем покушение на шаха и новые происки англичан ("Не знают, что им делать, на нас смотрят злобно, а помешать нечем…"), заставили его торопиться. 9 сентября Грибоедов с женой и всем штатом русской миссии выехал из Тифлиса. Задержавшись на несколько дней в Эривани, где молодоженов проводил в Персию начальник Армянской области Александр Чавчавадзе с супругой, дипломат опять занялся проблемами переселенцев из Персии и вновь проявил свои прекрасные знания восточной специфики, когда ратовал за то, чтобы привлекать к управлению краем "родовых начальников и духовных особ", пользующихся уважением местного населения: "У беков и ханов мы власть отнимаем, а взамен даем народу запутанность чужих законов".

Грибоедов настаивал на том, чтобы "иметь на жалованье" нескольких "значительных лиц" и использовать для пользы дела мусульманские законы шариата. "Еще раз повторяю, — убеждал он Паскевича, — что нельзя дать себя уразуметь здешнему народу иначе, как посредством тех родовых начальников и духовных особ, которые давно уже пользуются уважением и доверием, присвоенными их званиям… Иногда присылка от вас халата с почетным русским чиновником более действует, нежели присутствие войска, строгие наказания, присяга и прочие принудительные средства…" Жаль, что далеко не все эти выстраданные поэтом знания обычаев и традиций Востока были восприняты должным образом его начальством, которое, как мы увидим далее, посмело, наоборот, обвинить автора подобных обращений в непрофессионализме и отрыве от реальной почвы.

В дороге у поэта не проходило сумрачное настроение и крепла готовность к тому, что "надобно наперед быть готовым на жертвы и утраты самые близкие к сердцу", как писал Грибоедов Паскевичу. И совсем не случайно именно в Эривани, будто бы шутя, он сказал жене: "Не оставляй костей моих в Персии, если умру там, похорони меня в Тифлисе, в монастыре Св. Давида". Примерно в это же время, в сентябре 1828 г., Грибоедов написал стихотворение "Прости, Отечество!", последнее из всех его сохранившихся поэтических творений. В нем автор с горечью и обреченностью констатировал, что в жизни нет ни наслаждения, ни рая и что в ней бывает даже "заклание живых":

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.

О! не обманывайся, сердце!
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно…

Мы молоды и верим в рай —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой же! нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены…
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Поэт пришел в стихотворении к печальному выводу, что премудрость жизни состоит в том, чтобы "чужих законов несть ярмо", чтобы "схоронить в могилу" и "свободу", и "веру в собственную силу", и "отвагу, дружбу, честь, любовь", пленяясь тем, "что так обманчиво и славно". Фактически он повторил тот же трагический рефрен, который прозвучал как предзнаменование будущей тегеранской трагедии (с захоронением "чужими руками" и чужим дележом "заветного") в наброске "Серчак и Итляр" в 1825 г.:

Наездник горький: ветх и одинок,
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дёрн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И все мое заветное разделят!..

Предчувствия поэта обострялись все сильнее, ведь 1 октября миссия переправилась через Аракс, вступив на территорию Персии. Началось последнее, всего лишь четырехмесячное "персидское хождение" министра-поэта, который вновь волею судеб оказался "в краю чужом, скучном, не представляющем никакой приманки *для* человека с талантом, в Персии, коей имя даже путает самых отважнейших искателей случаев отличиться…".

Одно лишь присутствие рядом любимой и юной Нины, ангела, как её часто называл поэт, скрашивало и суровые условия пути, и сердечные тревоги. После свадьбы Грибоедов не

единожды заявлял, что любовь вовсе "не заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее, за себя и за нее. Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить". И ему было очень приятно получить через послание Нессельроде напутственные слова императора, который передал свою уверенность в проявлении Грибоедовым "того просвещенного усердия, которое будет руководить" дипломатом "в исполнении важных обязанностей". Для характеристики общего настроения поэта в то время лучше всего подошли бы слова, сказанные им как-то Жандру: "Я служил честно — и умру честно".

В письме В.С. Миклашевич 17 сентября поэт весьма красочно описал особенности своего странствия: "Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов, ночуем под шатрами на высотах гор. где холод зимний, Нинуша моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось". Как далеки эти слова от впечатлений праздного путешественника. Видно, что, оказавшись не совсем по своей воле за тридевять земель от Родины, поэт старался нести свой крест с достоинством и пользой для окружающих, заботясь не только о жене, но и обо всех сотрудниках миссии.

В том же письме поэт высказал всё самое наболевшее на его сердце, размышляя о зигзагах и перипетиях своей судьбы, в которой появилось вдобавок "кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою ссылку и страдает самою мучительною беременностию": ""Как это всё случилось! Где я, что и с кем!! Будем век жить, не умрем никогда". Слышите? Это жена мне сейчас сказала ни к чему — доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей, и всё далее от успокоения души и рассудка. А независимость! которой я такой был страстный любитель, исчезла, может быть навсегда, и как ни мило и утешительно всё с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! Неопределённо!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра и Куперову "Prairie" (имеется в виду герой романов Ф. Купера, в том числе романа "Прерии". — *С.Д.*), мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нём лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чём не думал, не гадал".

Однако развязка увлекательного "живого" романа была ещё впереди. Обратимся к последним актам грибоедовской драмы, обратив особое внимание на самый достоверный источник — письма поэта, которых сохранилось довольно значительное количество, прежде всего, в силу особенностей служебного поприща поэта: он был вынужден вести огромную дипломатическую переписку. К примеру, только за тифлисский и последний персидский период жизни поэта, с июля 1828 года, сохранилось более 85 его писем. Последнее послание поэта Паскевичу было помечено № 217, К. В. Нессельроде — Мв 212, а К.К. Родофиникину — № 153. И насколько же яркой и насыщенной оказалась эта эпистолярная летопись последних месяцев необыкновенной судьбы!

ПОСЛЕДНЕЕ "ПЕРСИДСКОЕ ХОЖДЕНИЕ"

6 октября Грибоедов со свитой прибыл в Тавриз, где был встречен с почестями и сразу принят Аббас-Мирзой. Началась напряженная дипломатическая работа, которая сглаживалась минутами семейного счастья. Отправляясь в Тавриз совсем недавно, в ноябре 2012 г., я не мог и предположить, что мне удастся найти там то самое здание посольства, где молодой чете выпало прожить два месяца. Считалось, что оно вообще не сохранилось, а на самом деле находится в полуразрушенном состоянии, без окон и дверей, но еще с сохранившейся крышей на огороженной территории "Владения Российской Федерации", где раньше работаю консульство и торгпредство СССР в Тавризе. Я, попав не без труда в это здание, овеянное происходившими здесь событиями, с тяжелым чувством бродил по комнатам, где гуляет ветер и… преступное забвение нашей истории. Неужели наша память о великих деятелях прошлого не достойна уважительного сохранения значимых свидетельств прошлого, в том числе исторических зданий. Рано или поздно, но стоит задуматься над тем, как восстановить в далеком Тавризе тот уголок русской истории, который связан с автором "Горя от ума" и его любовью…

В Тавризе головной болью дипломата опять стали две проблемы: выплата контрибуции и судьба пленных. "С тех пор нисколько не ослабло внимание принца ко мне, — писал поэт 20 октября, — он рад бы видеть меня каждый день… Но, несмотря на всю эту предупредительность, как только речь заходит о делах, начинаются затруднения. Одно освобождение наших пленных подданных причиняет мне неимоверные заботы; даже содействие правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять их у их

настоящих владельцев. Только случайным образом удается мне открыть место их несправедливого заключения, и только тогда моё вмешательство имеет успех".

Как видим, роковая для дальнейшей судьбы поэта забота о пленных поглощала его задолго до трагедии в Тегеране. Он приехал в Персию с наказами многих грузин и армян, просивших разыскать в этой стране своих родных и близких, уведенных когда-то в фактическое рабство, и никакие опасности не останавливали этого порыва. "Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться", — переживал поэт. Дело дошло даже до того, что, живя "в ужасных условиях", поэт вынужден был приютить пленных в своём временном пристанище: "Мой дом переполнен; кроме моих людей, в нём живут пленники, которых мне удалось отыскать, и их родственники, приехавшие за ними. Все они люди бедные, и у них нет другой возможности найти крышу над головой, кроме как в помещении миссии". Заметим, что такая же ситуация повторится вскоре и в Тегеране, где дело все-таки "дойдет до ножей".

Что касается контрибуции, то выбивать её в Тавризе, где Грибоедов оказался в качестве заложника персидских властей, стало ещё труднее. "Теперь же что вышло? — докладывал дипломат начальнику Азиатского департамента МИДа К.К. Родофиникину. — Меня мучат с утра до глубокой ночи бестолковыми предложениями, просят неотступно о прощении им сперва двухсот, потом 100, потом пятидесяти тысяч туман. Доводы неоспоримы, они разорены кругом, а я, конечно, ни на что не соглашаюсь… Таково умоначертание здешнего народа и правительства… В двадцать пять дней я у них насилу мог изнасиловать 50 т. сверх 300, а за 150 т. остальными еду в Тейран, куда послан Аббас-Мирзою… Теперь, ваше превосходительство, сообразите трудность моего положения. Война с Турциею не кончена, и теперь совсем не те обстоятельства, чтобы с ненадежным соседом поступать круто и ссориться".

Однако из Петербурга одно за другим следовали указания не смягчать, а лишь усиливать давление на персов для получения 8-го курура полностью и без задержек. А ведь потом министру-поэту следовало добиваться выплат 9-го и 10-го куруров. Показательно, что на просьбу Грибоедова выделить средства на обустройство русского посольства в Тавризе и Тегеране он получил от императора четкое указание: "Государь всемилостивейше разрешил употребить 10 тысяч туманов на постройки и приличное обзаведение для помещения миссии

нашей в упомянутых городах. Сию сумму, как экстраординарную, представляется вам позаимствовать из денег 9 или 10 курура, имеющих впредь поступать от Персии в уплату контрибуции…"

Роковой 8-й курур стоил Грибоедову так много крови, что последующие выплаты выглядели просто невозможными чудесами. Петля вокруг шеи "персидского странника" затягивалась всё сильнее, и немудрено, что верному своему долгу дипломату оставалось ждать только чуда. "Мало надеюсь на своё умение и много на русского Бога, — признавался поэт в упомянутом выше письме Родофиникину. — Ещё вам доказательство, что у меня государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю. Я два месяца как женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю ее здесь одну, чтобы поспешить к шаху за деньгами в Тегеран, а может быть, и в Испаган, куда он на днях отправляется".

Через два дня в письме П.М. Сахно-Устимовичу звучал уже настоящий крик души поэта: "Как тошно в этой Персии, с этими Джафарханами… По клочкам выманиваю от них следующую нам уплату. Как у нас мало знают обращение в делах с этим народом! Родофиникин только что не плачет, зачем я до сих пор не в Тегеране. Напротив я слишком рано сюда прибыл… издали всё страшнее. А теперь они меня почитают залогом будущей своей безопасности с нашей стороны". Грибоедова суровые обстоятельства толкали в зловещую ловушку, и легко понять, почему его настроение было таким тягостным. В ноябре в письме Ахвердовой он пришел к печальному выводу: "Тут ещё море бездонное всяких хлопот. Кажется мне, что не очень я гожусь для моего поста… Я не уверен, что сумею выпутаться из всех дел, которые мне поручены… Одна моя надежда на Бога, которому служу я ещё хуже, чем государю, но которого помощь действительная со мною всегда была. Вот увидите, что в конце концов меня же ещё будут благодарить за всё, что будет удачно достигнуто…" Скоро мы убедимся, что заслуженных благодарностей за свой "дипломатический подвиг" во славу Отечества Грибоедов так и не дождется, как не дождутся их и его родственники после трагедии в Тегеране.

Пока же в Тавризе Грибоедов добился того, что Аббас-Мирза отдал "в заклад все свои драгоценности; его двор и его жены отдали даже бриллиантовые пуговицы со своих платьев", были расплавлены "золотые канделябры и разные вещи из гарема" и даже богато инкрустированный золотой трон Аббас-Мирзы был принят в качестве части выплат. Одновременно дипломат не без успеха склонял правителя Тавриза к войне с Турцией. Тот возможным взятием Багдада, где стояли турецкие войска, при

поддержке России хотел поправить своё пошатнувшееся положение. Грибоедов даже предполагал возможность прощения Аббас-Мирзе 9-го и 10-го куруров долга, если он выступит против турок, и хлопотал за его приезд в Петербург к императору. Но столичное начальство не разрешило Грибоедову разыгрывать далее эту рискованную дипломатическую партию, боясь вступить в конфликт с Англией, и дипломат вынужден был ещё раз согласиться с аксиомой: "Коль служишь, то прежде всего следуй буквально ниспосылаемым свыше инструкциям". Весьма любопытно, что английские дипломаты были настолько заинтересованы в выводе русских войск из персидской провинции Хой, что даже брали на себя обязательства погасить часть долгов Персии, лишь бы Россия увела свои войска за Араке.

Главным противником усиления влияния России в Персии продолжала оставаться именно Англия, хотя, по словам Грибоедова, "влияние англичан здесь уже не так исключительно, как бывало прежде", на что повлияли "энергия" правительства России и "победа русских армий". Англичанам в условиях усиления военного и политического могущества России оставалось действовать не открыто, а исподтишка, что многое объясняет в обстоятельствах разыгравшейся вскоре драмы. При этом Грибоедов подчеркивал, что у него сложились весьма добрые отношения с посланником Великобритании в Тавризе Джоном Макдональдом, однако в английской миссии огромное влияние имела группировка во главе с тем самым секретарем миссии Генри Уиллоком, с которым Грибоедов открыто конфликтовал ещё в 1820 г. Именно эта группировка в своих "авантюристических происках" делала всё, чтобы рассорить Персию и Россию, и ей удалось фактически спровоцировать Русско-персидскую войну 1826–1828 гг.

Об авантюризме Уиллока свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1827 г. он был задержан на Кавказе во время русско-персидской войны за то, что совершал многочисленные поездки по местам расположения российских войск, занимаясь шпионской деятельностью. А будучи проездом в Петербурге в 1828 г., он выдавал себя за английского посланника в Персии, что стало известно Грибоедову от Нессельроде, и поэт написал об этом настоящему посланнику Великобритании Макдональду, интересуясь "странностями" заявлений Уиллока, который явно стремился сместить своего начальника. И не случайно главной мишенью антирусских провокаций английских дипломатов стал именно Грибоедов как сильный и опытный противник.

Тем временем, по свидетельству ещё находившегося в Тавризе поэта, в Хорасане, Иезде, Луристане и Кермане

продолжались беспорядки против местных и тегеранских властей, русские войска взяли Варну, и в самом Тавризе, в армянской церкви, "звонили в колокола — обычай немыслимый в мусульманской земле". Наконец, в начале декабря России фактически (если считать находившиеся в залоге драгоценности) был выплачен злосчастный 8-й курур контрибуции. Русские войска покинули провинцию Хой и направились в Баязет на войну с Турцией.

Грибоедов в это время активно занимался хозяйственными заботами, связанными с тысячами армянских семейств, перешедших на российскую территорию, но сохранивших свою собственность в Персии ("Я теперь их общий стряпчий и должен иметь хождение по их делам, за их домы, сады, мельницы!"). Он вновь просил начальство поддержать его в таких начинаниях: "1) Допустить государю, чтобы Аббас-Мирза к нему прибыл. 2) Велеть ему драться с турками, коли война продолжится. 3) Обещать торжественно, что мы его возведём на престол…" Однако дипломату снова предписывали ехать в Тегеран, хотя там, по словам поэта, и шах, и его министерство спят в "сладком успокоении", так как все дела с Россией поручены Аббас-Мирзе. Особенно сильно поэт злился на Родофиникина, "моего почтенного начальника, на которого я плюю. Свинья и только". В отчаянии от непонимания его позиции Грибоедов был вынужден сказать такие горькие слова: "У нас здесь скучно, гадко, скверно. Нет! Уже не испытать мне на том свете гнева Господня. Я и здесь вкушаю довременно все прелести тьмы кромешной".

Испытания судьбы сыпались на Грибоедова как из рога изобилия. И случайно ли это было? Или во всем этом таился какой-то высший неведомый смысл испытания гения на силу воли и подведения итогов его творческой деятельности? Может быть, Грибоедов вскоре погибнет именно потому, что он уже сделал *всё* и больше ничего не мог сделать. Подобное парадоксальное убеждение прозвучало даже в словах самого Пушкина, который в одной из бесед в 1830 г. на утверждение собеседника: "О Боже мой… не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова", — прямо ответил: "Так что же?.. Ведь Грибоедов сделал своё. Он уже написал "Горе от ума"". Андрей Битов по этому поводу оставил очень точное определение творческих особенностей гениальных людей, которое относится в равной степени и к Пушкину, и к Грибоедову, судьбы которых во многих чертах схожи: "Дело в том, что гений, по-видимому, каждый раз делает всё. Создание гения — это некая высшая готовность к смерти. Грибоедов один раз сделал ВСЁ. Пушкин —

неоднократно, кстати, и в тот год, когда он сказал так про Грибоедова. Что такое Болдинская осень, как не попытка написать вообще всё, чтобы ничего не осталось? Пушкин чувствует перемену судьбы и готовится к ней. И вот он готов. Готов так, будто больше ни писать, а если понадобится, то и жить не придется. Творчество зрелого Пушкина отмечено такими рывками и предчувствиями: он преодолевает судьбу, направляя ее фатальные силы в творчество, тем обескровливает и обезопашивает ее".

Разница между двумя гениями состоит в том, что Грибоедову в силу избранного им опасного и сложного дипломатического поприща не оставалось ни времени, ни сил для взращивания своего поэтического таланта, поэзию он принес в жертву государственным делам во благо Отечества, Пушкин же в последние годы своей жизни сделал мощный творческий рывок, служа Отечеству на ниве прославления и развития русской словесности. При этом он явно тяготился тем, что не достиг всего возможного на государевой службе. Напомним, что к теме Грибоедова и своего "Путешествия в Арзрум" он вновь обратился в марте — апреле 1835 г., когда закат его судьбы был уже не за горами…

Несмотря ни на какие предчувствия, тягостные настроения и сложности ("Слезы градом льются", — писал об этом клубке проблем поэт, находившийся "не в обыкновенном положении души"), Грибоедов продолжал исполнять в Тавризе свою миссию. "Слава Богу, — писал он Паскевичу за неделю до выезда в Тегеран, — я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею и не хочу её, уважение к России и к её требованиям — вот что мне нужно. Собственные Аббас-Мирзы подданные и окружающие ищут моего покровительства… но пускай думают более о моём влиянии, чем есть на деле". Грибоедов был вынужден отправиться в Тегеран без беременной жены, хотя и понимал, насколько "она достойна сожаления, так молода и одинока, оставаясь одна в Тавризе". 9 декабря 1828 г. вместе с поэтом в путь отправилось более 50 человек, входивших в состав миссии, в том числе конвой из 16 казаков и около 30 человек прислуги.

Второй секретарь миссии К.Ф. Аделунг гак описал в письме к отцу своё настроение перед отъездом: "Теперь о нашем дальнейшем персидском путешествии. Через 4 или 5 дней мы едем в Тегеран. Мадам Грибоедова остается до нашего возвращения здесь, так как путешествие в это время года было бы для нее слишком тяжело… Шах ожидает только приезда в Тегеран министра, после чего уезжает на некоторое время в

Исфагань. Подумай о моей радости; наше посольство, по всей вероятности, будет его сопровождать, и я увижу этот знаменитый город. Кроме этой поездки, предвижу в будущем еще одну… Грибоедов пошлет меня в будущем году в Кашмир, чтобы там закупить шерсть и пригнать овец… По прибытии в Тегеран Грибоедов немедленно представит пас в кавалеры персидских орденов, о чем он нам уже объявил. Как это будет прекрасно, когда персидский кавалер будет рассказывать в Петербурге о своем путешествии в Тавриз, Тегеран, Исфагань, Шираз, Персеполис, Хомазан, Кашмир и т. д".

Как жаль, что Аделунгу, как и самому Грибоедову, судьба так и не подарила возможности увидеть эти удивительные персидские города. Они вместе погибнут в неравной схватке с обезумевшей толпой в Тегеране, а города-жемчужины Востока долго ещё будут закрыты для русских путешественников, а тем более поэтов. О том, как миссия добралась до Тегерана, рассказал сам Грибоедов в письме Дж. Макдональду: "Прежде всего был нестерпимый холод, я скакал то галопом, то рысью, то во весь опор от одной станции к другой, мой мехмандар Мехмет-Хдн-Афсхар дружески заметил мне, что это не принято в Иране, где послу великого монарха надлежит сохранять важность и степенность, даже если он умирает от холода… Погода стоит ужасная, снег идёт каждый божий день, а на улицах омерзительно грязно".

23 декабря миссия прибыла в Казвин, откуда поэт написал своей "мурильевской пастушке" письмо, полное любви и мольбы к Богу, чтобы им никогда больше не разлучаться. Это письмо — настоящий шедевр эпистолярного жанра, оно прекрасно характеризует и искренние чувства поэта, и мастерство его слога: "Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дни езды… Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады… Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь и я не знатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и бабушка и

Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом… Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но всё в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит — от кофею. А я думаю — совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалек от моей спальной, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой, еще раз… Целую тебя в губки, в грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно. Весь твой *А. Гр."*.

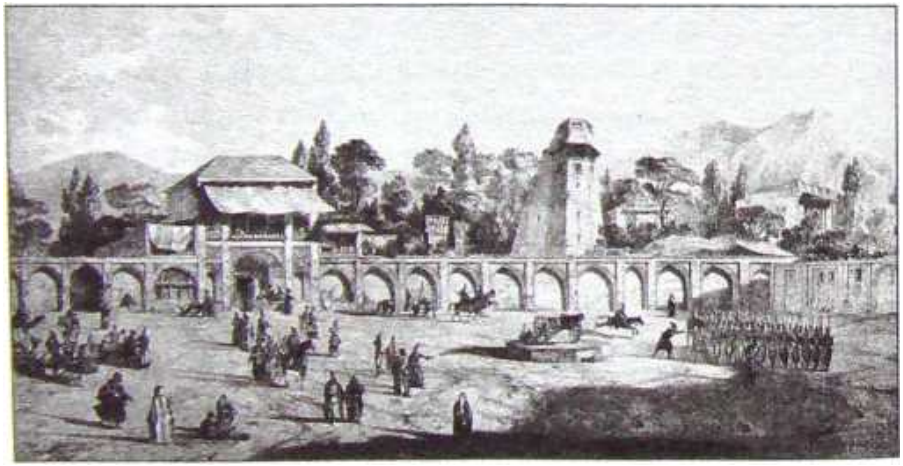
Это единственное дошедшее до нас письмо Грибоедова к жене, и оно просто дышит нескрываемой печалью поэта, но одновременно и его верой в светлое будущее. Предчувствия как будто отступали от него, давая ему вздохнуть воздухом надежды. Остальные письма, отправленные Грибоедовым жене в Тавриз, к величайшему сожалению, до нас не дошли (по одной из версий, они сгорели при пожаре дома Грибоедовой в Тифлисе, по другой — их уничтожила сама Нина), если не считать надписи на французском языке, выгравированной на посланной в подарок чернильнице: "Пиши мне чаще, мой ангел Нина. Весь твой А.Г. 15 января 1829 года. Тегеран". (Мне посчастливилось обнаружить эту чернильницу, скромно и как-то незаметно лежащую под стеклом в небольшом Литературном музее Тбилиси, и заснять ее. Ах, какая энергетика любви и истории просто заворожила меня в том момент.)

СНОВА В ТЕГЕРАНЕ: НАКАНУНЕ ТРАГЕДИИ

Въезд русской миссии в Тегеран 30 декабря был обставлен весьма пышно. Миссия расположилась в просторном доме покойного Могаммед-хана-Замбор-Экчи-баши в районе Баге-Ильчи с несколькими дворами, большими и малыми

помещениями. Посланнику был назначен почетный караул для торжественных выездов, а также 15 шахских феррашей для охраны миссии. Около 24 января 1829 г. Грибоедов написал своё последнее сохранившееся письмо, адресованное английскому посланнику Макдональду, в котором писал о том, как его встретили в Тегеране: "Здесь мне устроили великолепный истинбаль (приём. — *С.Д.*)… На третий день монарх дал вам торжественную и пышную аудиенцию… На следующий день после приёма при дворе я начал наносить ответные визиты… Во всяком случае, я весьма доволен таким отношением к себе. Через неделю я рассчитываю покинуть столицу…" Что же такое роковое случилось за оставшиеся до трагедии 6–7 дней, ведь внешне всё обстояло так благополучно. Обратимся к тем обвинениям, которые до сих пор звучат в адрес Грибоедова, повинного якобы в том, что случилось в Тегеране.

Первое обвинение Грибоедова заключается в том, что посланник во время аудиенций у Фетх-Али-шаха выразил явное неуважение к нему, войдя в "зеркальный зал" Гулистанского дворца в обуви, просидел там слишком долго, затянув аудиенцию, в кресле, а затем в своей переписке называл правителя Персии просто шахом без других титулов. Между тем дипломат действовал в строгом согласии с Туркманчайским договором, установившим специальный церемониал приема русских дипломатических представителей шахским двором, ставивший их в привилегированное положение по отношению к другим дипломатам в Персии. Согласно отдельному протоколу, русский посланник и его свита являлись во дворец в сапогах и калошах; прибыв во дворец, они снимали калоши и в тронный зал входили в чистых сапогах. Русскому посланнику было также предоставлено право во время аудиенций сидеть в присутствии шаха.



В центре Тегерана. На переднем плане Башня Ага-Мохаммед-хана. Рисунок. 1840–1841 гг.

Второе обвинение касается чрезмерной активности и настойчивости министра-посланника в требованиях выплаты оставшейся контрибуции и выдачи пленных, угнанных в Персию, Однако согласно XIII пункту трактата русский посланник мог брать под свое покровительство любых пленных, захваченных начиная с 1795 г., и даже проводить их розыски, для чего к миссии было приставлено несколько персидских офицеров. Не будем забывать, что речь шла фактически об освобождении из рабства насильно угнанных людей, и никакие разговоры о том, что за этих людей якобы надо выплачивать выкуп, что они уже давно живут в Персии, не имели под собой какой-либо реальной почвы. Ранее уже подчеркивалось, что на Грибоедова оказывалось постоянное давление из Петербурга с требованиями еще настойчивее заниматься судьбами наших пленных в Персии, "возвращение которых откладывается или от него уклоняются под разными предлогами", как писал Нессельроде Грибоедову 12 октября 1828 г. "Сведения, достойные доверия, — продолжал в своем письме министр, — позволяют нам думать, что многие из них, жертвы алчности и недобросовестности персов, были проданы в рабство в Хиву и Бухару, вопреки строго законным условиям Туркманчайского договора. Я не могу сомневаться… в активном и упорном усердии, которое заставит Вас остановить эти отвратительные спекуляции…" И, конечно, приехав в Тегеран, Грибоедов не мог оставить вопрос о судьбе пленных без своего пристального внимания.

Обратимся к "Реляции происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии". Этот довольно тенденциозный документ от

лица "персиянина", который находился при русской миссии, начиная с Тавриза, имеет явное англо-иранское происхождение. Он был заметно отредактирован и отдан для публикации в шотландский журнал братом дипломата Генри Уиллока Джоном Уиллоком и врачом английской миссии Джоном Макнилом, бывшим также личным врачом Фетх-Али-шаха и имевшим даже в шахском дворце собственные апартаменты, — участниками той самой группировки, которая противостояла Грибоедову. Особенностью "Реляции" является внешне сочувственное отношение к министру-поэту, сопровождаемое, однако, утверждениями о неподготовленности его к возложенной миссии, о незнании им местных обычаев и о "собственной вине" министра в катастрофе, что и составляет до сих пор официальную персидскую (и английскую) версию трагедии.

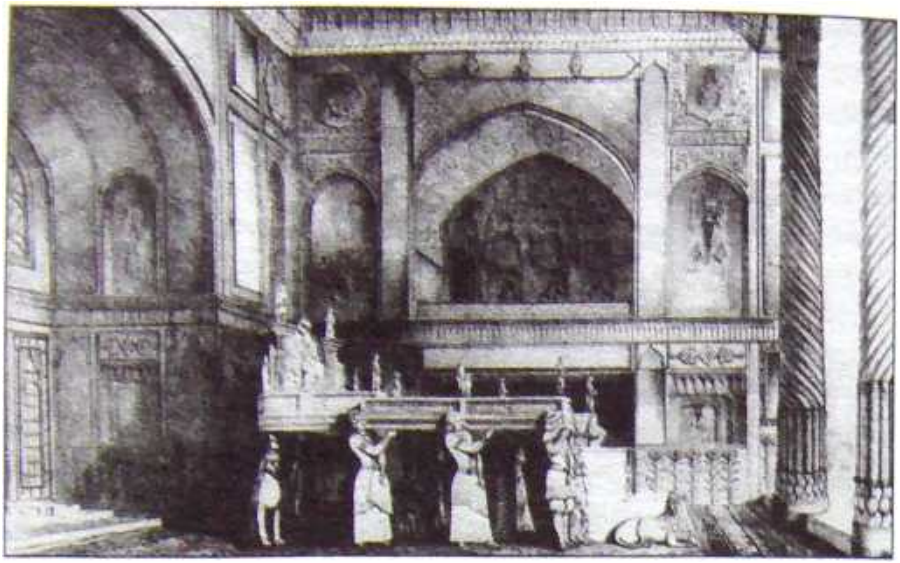
Но даже и этот документ не оспаривал право защиты русским посланником пленных и свидетельствовал, что "Грибоедов привез с собой список мужчин и женщин, похищенных персами в русских владениях, и многие грузины (и армяне) присоединились к свите посланника с целью добиться, при его посредничестве, освобождения своих родственников или друзей"; что дипломат требовал возвращения пленных только при условии их согласия вернуться; что "только успевал он выручить одну из похищенных жертв — к нему поступали новые просьбы. Освобождение этих несчастных сильно раздражало тех, у кого их отнимали; в большинстве случаев они были приобретены за деньги, а за них не уплачивалось никакого выкупа. Таким образом, в Казвине, в Зенджане и в самой столице были возвращены многие из похищенных". Уже во время первой аудиенции у шаха Грибоедов добился того, чтобы тот издал особый фирман, обязавший казвинского правителя "освободить всех пленных, находящихся в доме бывшего сардаря".

Третье обвинение, приписываемое Грибоедову, состоит в том, что в его свите оказалось несколько нечистоплотных и невыдержанных людей, которые творили в Персии всяческие беззакония, в том числе заведующий прислугой Рустам-бек. При этом как-то забывается, что эти люди помогали посланнику в выполнении его нелицеприятных действий и что именно Рустам-бек взял в плен в Тавризе во время русско-персидской войны Аллаяр-хана, зятя Фетх-Али-шаха, первого министра Персии, сторонника сближения с Англией, одного из инициаторов войны против России. Грибоедов встречался с ним в июле 1827 г. в лагере персидских войск, куда прибыл для дипломатических переговоров с Аббас-Мирзой. На этой встрече Аллаяр-хан выступил ожесточенным противником сближения Персии с

Россией. Не мудрено, что разжигавшаяся к Рустам-беку вражда имела явный источник. Паскевич совершенно справедливо предполагал в письме Нессельроде от 23 февраля 1829 г., что "начало самого возмущения, коего Грибоедов сделался жертвою, произошло от Аллаярхана, который был главною пружиною предшествовавшей войны и признается всегда явным неприятелем Аббас-Мирзы и сильнейшею опорою враждующих к нему братьев".

За несколько дней до предполагавшегося отъезда Грибоедова из Тегерана и произошло то самое событие, которое стало основным поводом, а совсем не причиной разыгравшейся драмы. Как вспоминал первый секретарь русской миссии И.С. Мальцов, единственный сотрудник миссии, спасшийся от разгрома, "вдруг неожиданный случай дал делам нашим совсем иной оборот и посеял семя бедственного раздора с персидским правительством. Некто Ходжа-Мирза-Якуб, служивший более 15 лет при гареме шахском, пришел вечером к посланнику и объявил ему желание возвратиться в Эривань, свое отечество. Грибоедов сказал ему, что ночью прибежища ищут себе только воры… На другой день он опять пришел к посланнику с тою же просьбою; посланник уговаривал его остаться в Тегеране, представлял ему, что он здесь знатный человек, занимает второе место в эндеруне шахском… но усмотрев твердое намерение Мирзы-Якуба ехать в Эривань, он принял его в дом миссии, дабы вывезти с собою…

Шах разгневался; весь двор возопил, как будто бы случилось величайшее народное бедствие. В день двадцать раз приходили посланцы от шаха с самыми нелепыми представлениями: они говорили, что ходжа (евнух) — то же, что жена шахская, и что. следовательно, посланник отнял жену у шаха из его эндеруна. Грибоедов отвечал, что Мирза-Якуб, на основании трактата, теперь русский подданный и что посланник русский не имеет права выдать его, ни отказать ему в своем покровительстве. Персияне, увидев, что они ничего не возьмут убедительною своею логикою, прибегли к другому средству: они взвели огромные денежные требования на Мирзу-Якуба и сказали, что он обворовал казну шаха и потому отпущен быть не может… На другой день посланник был у шаха и согласился на предложение его высочества разобрать дело Мирзы-Якуба с муэтемедом… но сие совещание отлагалось со дня на день до тех пор, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сделали оное невозможным".



Тронный зал шахского дворца в Тегеране. Старинный рисунок

Как видим, Грибоедов действовал в этом, как и в других подобных случаях, очень осторожно и в полном соответствии с упоминавшейся выше инструкцией, в которой отмечалось: "Если… невинный будет тесним и угрожаем казнию… то в таком случае вооружитесь всею торжественностию помянутого акта для чести русского имени и в защиту угнетаемого просителя". Грибоедов не мог без гарантий безопасности выдать Мирзу-Якуба, и в это же самое время он, как продолжал Мальцов, "прилагал неусыпное старание об освобождении находившихся в Тегеране пленных. Две женщины, пленные армянки, были приведены к нему от Аллах-Яр-хана, Грибоедов допросил их в моем присутствии, и когда они объявили желание ехать в свое отечество, то он оставил их в доме миссии, дабы потом отправить по принадлежности. Впрочем, это обстоятельство так маловажно, что об оном распространяться нечего. С персидским министерством об этих женщинах не было говорено ни слова, и только после убиения посланника начали о них толковать".

Последнее замечание особенно важно, ведь обвинения Грибоедова в том, что одной из причин разгрома миссии являлось некое осквернение и насильное отторжение от мусульманства женщин из гарема Аллаяр-хана, звучат в Персии, да и в России до сих пор. Как живуча может быть ложь, если она кому-то очень и очень выгодна.

ТЕГЕРАНСКИЙ РАЗГРОМ

Дальше последовали события, которые, если их суммировать, прекрасно показывают, что в Тегеране случился не стихийный, бесконтрольный бунт черни, а чётко спланированная операция по уничтожению русской миссии. Преступление, выглядевшее внешне как разгул стихии, на самом деле было хладнокровно и обдуманно подготовлено. Перечислим кратко самые важные известные факты.

1. Эскалация напряженности нарастала вокруг миссии не один день. По рассказу Амбарцума (Ибрагим-бека) — курьера российского посольства, случайно уцелевшего во время резни, "каждый день на базаре мы слышали, как муллы в мечетях и на рынках возбуждали фанатический народ, убеждая его отомстить, защитить ислам от осквернения "кяфиром". Мы приходили и рассказывали вазир-мухтару, но он только смеялся и не верил тому, чтобы они осмелились что-нибудь подобное сделать. По настоянию наших казаков и телохранителей он только один раз обратился к шаху и заявил о возбуждении народа. Шах просил быть покойным, говоря, что никто не осмелится ничего сделать. В 1829 г., в последних числах января, волнение и возбуждение в городе постепенно увеличивались… Мы — курьеры и казаки — постоянно держали наготове наши ружья и пистолеты, но посол считал невозможным какое бы то ни было нападение на посольский дом, над крышей которого развевался русский флаг".

Особую активность проявлял тегеранский муджтехид (высшее духовное лицо) Мирза-Месих, заявивший, что Мирза-Якуб предал мусульманскую веру а потому "он изменник, неверный и повинен в смерти". Его главными пособниками были муллы и ахунды (духовные лица), которые распространяли по городу слухи и обвинения в адрес миссии.

2. Мальцов в своем донесении после трагедии совершенно справедливо указал на особенности местных обычаев: "Персидское правительство говорит, что оно нисколько не участвовало в убиении нашего посланника, что оно даже ничего не знало о намерении муллов и народа; но стоит только побывать в Персии, чтобы убедиться в нелепости сих слов. Многие из персидских чиновников уверяли меня, что они еще за три дня предуведомляли посланника об угрожавшей нам опасности.

В Персии секретных дел почти нет: среди важных прений о государственных делах визири пьют кофе, чай, курят кальяны; их многочисленные пишхадметы (слуги. — *перс.)* должны всегда находиться при них в комнате; визири рассуждают громогласно, при открытых окнах… Как же могло персидское правительство не знать ни слова о деле, в котором участвовал целый Тегеран? Муллы проповедовали гласно в мечетях; накануне были они у

шахзады Зилли-султана (сына шаха, губернатора Тегерана); накануне велели запирать базар, и есть даже слухи, что во время убиения посланника нашего муджтехид Мирза-Месих сидел у шаха.

Положим даже, что и не шах, а муллы послали народ в дом нашей миссии; но и тогда шах виноват: зачем допустил он это? Если бы он решительно не хотел, чтобы народ вторгнулся в наш дом, то мог бы приставить сильный караул, который остановил бы чернь пулями и штыками, мог ночью перевести посланника и чиновников во дворец или, наконец, известив г. Грибоедова о возмущении народном, просить его удалиться ночью, на короткое время, из Тегерана в какую-нибудь загородную дачу: но тогда уцелел бы Мирза-Якуб, а этого-то именно и не желал Фетх-Алишах… Шаху надобно было истребить сего человека, знавшего всю тайную историю его домашней жизни… Послать сарбазов, которые отобрали бы силою Мирзу-Якуба и убили его, шах не смел, ибо это было бы явное нарушение с его стороны мирного трактата… Ему сказали: "Народ вторгнется в дом посланника, убьет Мирзу-Якуба, а мы притворимся испуганными, велим запереть ворота дворца, пошлем Зилли-султана и визиря унимать чернь, пошлем сарбазов, без патронов, которым не велим никого трогать, и скажем, мы ничего не знали, это все сделал проклятый народ, мы тотчас послали вспомоществование, но, к сожалению, злодейство уже было совершено…"

Конечно, Мальцов упрощает причины тегеранской трагедии, сводя их к борьбе за возвращение Мирзы-Якуба, но он совершенно прав, указывая на психологию заговора. Опасность просто витала в воздухе, что заставило Грибоедова вечером накануне резни продиктовать гневную ноту к Мирзе-Абуль Хассан-хану, племяннику министра иностранных дел, приставленному мехмендарем к русской миссии. Она завершалась следующими горькими словами: "Нижеподписавшийся, убедившись из недобросовестного поведения персидского правительства, что российские подданные не могут пользоваться здесь не только должною приязнью, но даже и личною безопасностью, испросит у великого государя своего всемилостивейшее позволение удалиться из Персии в российские пределы".

3. В день трагедии 30 января 1829 г. базар Тегерана был закрыт (представьте себе, что значит закрыть огромный базар — центр жизни города!), и с самого утра народ стал собираться в главной мечети, где прозвучали призывы: "Идите в дом русского посланника, отбирайте пленных, убейте Мирзу-Якуба и Рустема". Налицо прямое подстрекательство к резне духовных лидеров Тегерана, а отнюдь не спонтанный народный гнев. И как-то не

верится тем словам вышеупомянутой "Реляции", в которых утверждалось: "Наш народ жесток, свиреп, вспыльчив и нерассудителен, его можно сравнить с кремнем, который при малейшем ударе рождает искру". Здесь сработало именно попустительство властей и фактически объявленная заранее безнаказанность для участников беспорядков.

4. Далее, согласно "Реляции", происходило следующее: "Четыреста или пятьсот человек, предшествуемые толпою мальчишек и несколькими исступленными, потрясавшими палками и обнаженными саблями, направились от мечети к жилищу посланника… Дождь камней падал уже во дворы, и крики толпы сливались временами в одно общее ура… Волнение увеличивалось все более и более; раздалось несколько выстрелов, и вскоре народ ворвался во дворы. Я слышал, как кто-то крикнул: "Схватите Мирзу-Якуба и назад!" Впоследствии я узнал, что это кричал Хаджибег, мирза, который старался усмирить осаждавших, предоставив им эту жертву. Несчастный Якуб уцепился за платье Хаджи… но его оторвали от него, и он упал, пораженный бесчисленными ударами кинжала. Слуги Али-Яр-хана схватили женщин и потащили их прочь. Во время недолгого затишья… я узнал о печальной судьбе Мирзы-Якуба, о смерти Дадаш-бега, одного казака и двух или трех лакеев, которые, защищаясь, убили двух или трех персиян. Тела последних были отнесены в мечеть, и это кровавое зрелище еще более разъярило народ".

5. Показательно, что охранявшие миссию персидские солдаты и офицеры сразу же разбежались. Казалось бы, после того, как Мирза-Якуб был убит, а женщины-пленницы были уведены из миссии, бунтовщики сделали свое дело. Однако тут происходит самое невероятное, доказывающее, что главной целью заговора было отнюдь не возвращение пленных, а более масштабные задачи: через полтора часа штурм начался с еще большим напором. Согласно "Реляции", "мы были осаждены толпой, не в пример более многочисленной, которая состояла теперь уже не только из мелочных торговцев и черни: она была снабжена огнестрельным оружием и к ней присоединились и солдаты разных военных частей. Ужасные крики оповестили о ее приближении, и вскоре град камней до того усилился, что мы принуждены были укрыться в соседней комнате, с правой стороны двора, служившей Грибоедову спальней. Напрасно старался он обращаться к народу, — никакой человеческий голос не мог быть услышан посреди такого ужасного шума. Приказание казакам стрелять холостыми зарядами также не принесло никаких результатов".

6. Защищавшиеся члены русской миссии, почти все без исключения, в том числе и Грибоедов, выказали примеры истинного героизма. Послушаем свидетельства. "Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь к комнатам. Когда почти все были избиты и толпа приблизилась к комнатам, посол со мною и вместе с двумя казаками лицом к лицу стали навстречу толпе… Оказалось, что он с места ранил нескольких и из ружья убил несколько… персов" (Амбарцум). "Казаки, презирая опасность, обнаруживали непоколебимое решение спасти своего начальника, если это было возможно, и дорого продать свою жизнь. Несколько слуг показали большое присутствие духа и замечательную отвагу…" ("Реляция"). "С час казаки наши отстреливались, тут повсеместно началось кровопролитие… Около 15 человек из чиновников и прислуги собрались в комнате посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшиеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но в это время запылал потолок комнаты, служившей последним убежищем русским: все находившиеся там были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрелами и кинжальными ударами ворвавшейся в комнату черни" (Мальцов).

"Персияне, встречая сильные затруднения к достижению посланника, еще с самого начата приступа обратились к плоским крышам, по коим, добежав до покоя Грибоедова… разобрати слабый потолок и… пустили роковой камень на голову Грибоедова… Вслед за сим ударом последовал удар сабли, нанесенный Грибоедову одним из присутствующих персиян, и после того толпа уже бросилась на него, поразила многими ударами, и обезображенный труп Грибоедова выброшен на улицу" (Н.Н. Муравьев-Карский)."…Меня отбросили назад, в комнату, где я увидел 17 тел моих товарищей, вытянутых на полу. Левая сторона груди посланника была насквозь проткнута саблей, и мне показали борца, состоявшего в услужении у одного из жителей Тегерана, человека атлетического телосложения и огромной силы, который якобы нанес ему этот удар. У ног Грибоедова испускал последние вздохи казачий урядник, который с примерным самоотвержением до последней минуты защищал его своим телом" ("Реляция").

Гибель Грибоедова, встретившего опасность, как солдат, с оружием в руках, действительно была героической. Как писал Пушкин, "самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна".

7. Справедливости ради следует сказать, что при начале возмущения посланниками шаха были сделаны робкие попытки

уговорить нападавших остановиться. Прибыли даже принцы Алишах и Имам-Верди-Мирза, но им пришлось позаботиться о собственной безопасности и скрыться. А где же были войска шаха, которые должны были защитить миссию? Они появились только после того, как все было кончено. Как сообщал Мальцов, "в это время пришел присланный от шаха майор Хадибек с сотнею сарбазов, но у сего вспомогательного войска не было патронов; оно имело приказание против вооруженной свирепствующей черни употребить одно красноречие, а не штыки и потому было спокойным свидетелем неистовств". Причем эти солдаты сами участвовали в грабеже и мародерстве. Как продолжал Мальцов, "начался грабеж: я видел, как персияне выносили на двор добычу и с криком и дракою делили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссии — все было разграблено (я полагаю, что бумаги находятся в руках у персидского министерства)".

В этом здании комплекса, где размещалось российское посольство в Тегеране, по всей видимости, и произошел главный акт трагедии — гибель Грибоедова

Показательно, что никакие бумаги так никогда и не были возвращены представителям России. И не может ли быть так, что дипломатические документы, а то и неизвестные до сих пор творения Грибоедова хранятся до сих пор в тайных архивах английских спецслужб или иранских хранилищах?

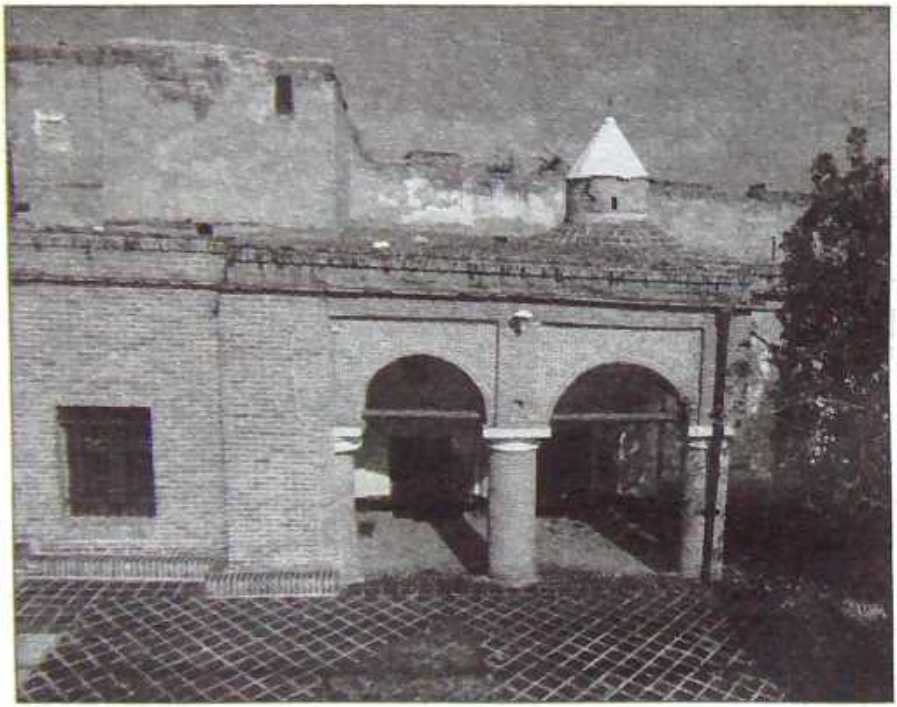
8. Неподалеку от русской миссии располагалось английское

посольство, и в нем произошел весьма показательный инцидент. Согласно "Реляции", "план истребления был выполнен настолько хорошо, что народ ворвался даже в передний двор британского посольства и вырезал семь или восемь человек русских, проживающих при конюшнях, после чего завладел всеми лошадьми, принадлежавшими посланнику". Исследователь Уотсон в своей "Истории Персии" подчеркивал, что нападавшие на английскую миссию не причинили ни малейшего ущерба чему-либо из британского имущества. "Разъяренная толпа не нанесла ни малейшего ущерба чему-либо, являвшемуся британской собственностью", — отмечал также Джон Макнил. Можно ли вообще представить себе, чтобы фанатики во время резни отличали бы "дружественное" — британское от "враждебного" — русского, если бы среди них не было провокаторов и вожаков с весьма определенными задачами.

9. Далее вакханалия продолжалась. В "Реляции" об этом сообщалось следующее: "Впоследствии я узнал от моих слуг, что изуродованный труп Мирзы-Якуба таскали по всему городу и бросили, наконец, в глубокую канаву. Так же поступили и с другим трупом, который сочли за труп Грибоедова. Привязав к ногам его веревку, злодеи поволокли его по главным улицам и базарам Тегерана с криками:

— Дорогу, дорогу русскому посланнику, который отправляется к шаху!..

Из русского посольства погибло 44 человека (по свидетельству Мальцова — 37 человек. — *С.Д.*). После некоторых поисков перед окном помещения, занимаемого Грибоедовым, в груде трупов нашли и его тело; я заметил с большим удовлетворением, что оно не подверглось осквернению. Последний долг печальным его останкам был отдан духовенством армянской церкви, где было выставлено его тело, а прочих несчастных его товарищей похоронили в глубоком рву за стенами города".



В армянской церкви Святых Фаддея и Бартоломея в Тегеране после трагедии была захоронена часть погибших сотрудников и казаков российского посольства

Вместе с Грибоедовым погибли второй секретарь миссии К.Ф. Аделунг, врач Мальберг, переводчик штабс-капитан Шахназаров (Мирза-Нарриман), переводчик при Мальцове П. Калатозов (Калатозишвили), переводчик Соломон Медиков, чиновник "для разных поручений" Соломон Кобулов (Кобулашвили), заведующий прислугой Рустам-бек, казначей Дадаш-бек (Василий Дадашев), курьеры Исаак Саркисов, Хачатур Шахназаров, Симеон Шахнулов, слуги Грибоедова Александр Грибов и Семен Захаров и многие другие. Осаждавшие посольство потеряли, по разным данным, от 19 до 27 человек.

Получается, что целью резни в Тегеране было именно уничтожение, причем поголовное, всех членов русской миссии. Кто же был подстрекателем и сценаристом такой кровавой драмы? Думается, что все детали и пружины трагедии мы не узнаем уже никогда, ведь разоблачающие заговорщиков документы давно уничтожены. Однако можно с уверенностью сказать, что роковую роль в трагедии сыграло совпадение антирусских интересов и задач у нескольких игроков этой драмы.

АНГЛИЙСКИЙ СЛЕД

Прежде всего следует обратиться к роли в роковых событиях английских дипломатов, которые, теряя свое влияние в условиях роста могущества России на Востоке, всячески стремились рассорить Россию и Персию, вплоть до разрыва действующих договоров и даже возобновления между ними военных действий (вспомним, что английские инструкторы состояли при персидском войске во время Русско-персидской войны 1804–1813 гг. и что активная роль Британии в развязывании следующей русско-персидской войны 1826–1828 гг. также не являлась большой тайной). Английские историки обычно отрицают причастность своих соотечественников к тегеранским событиям, ссылаясь на дружеские отношения Грибоедова и английского посла Джона Макдональда, как бы забывая о действиях группировки авантюриста Генри Уилл ока и Джона Макнила, представлявшей интересы агрессивно настроенных кругов английской аристократии и Ост-Индской компании.

В начале 1828 г. новым премьер-министром Великобритании стал герцог Веллингтон, взявший в тот период курс на конфронтацию с Россией. Этот победитель Наполеона при Ватерлоо, проявивший себя ранее в кровопролитных битвах на службе Ост-Индской компании и завоевавший для нее половину Индии, требовал от своих дипломатов и разведчиков вновь стравить Персию с Россией. В середине 1828 г. в Англии началась настоящая истерия, связанная с тем, что русские дошли уже до Аракса и что они вот-вот сделают бросок до Инда. 2 октября 1828 г. Веллингтон записал в своем дневнике: "Мы не можем больше сотрудничать с Россией, мы выступим против и развяжем себе руки. Так или иначе… мы должны избавиться от России". Еще более откровенно высказывался занимавший второе по статусу место в иерархии английской власти после премьер-министра лорд-хранитель тайной печати Элленборо: "Наша политика и в Европе и в Азии должна преследовать единую цель — всячески ограничивать русское влияние… В Персии, как и везде, необходимо создать предпосылки, чтобы при первой необходимости начать широкую вооруженную борьбу против России". 30 октября 1828 г. в своем дневнике Элленборо ставил следующую задачу: "Как только русские присоединят Хивинское ханство, мы должны оккупировать Лахор и Кабул. Ведь не на берегах же Инда встречать врага…"

Можно представить себе какие указания давали своим дипломатическим и разведывательным службам такие русофобски настроенные правители Великобритании, продолжавшие свою антирусскую Большую игру на Востоке еще многие десятилетия (вспомним хотя бы поднаготную Крымской

войны!). И что в такой зловещей игре стоила жизнь каких-то там русских дипломатов, особенно в руках таких деятелей, как Г. Уиллок, которого даже его начальник Макдональд называл "бессовестным интриганом", лживым и вероломным: "…Не в его характере делать что-либо открыто и прямо, как подобает человеку благородному… Я мог бы предать гласности такие дела его здесь, в Персии, что его прокляли бы до конца дней…" Очень важно, что эти слова были написаны английским посланником генерал-губернатору Бомбея Дж. Малькольму уже после гибели Грибоедова в июле 1829 г., и не содержится ли в них признание Макдональда о том, что он знал правду о роли Уиллока в тегеранской трагедии? Упомянем здесь, что Уиллок, возведенный королем Великобритании в рыцарское достоинство еще в 1827 г., не раз получал от английского правительства тайные директивы и делал все, чтобы отстранить от власти посланника Макдональда и занять пост поверенного в делах в Персии, о чем прекрасно знал Грибоедов. Уиллоку с помощью любых провокаций нужно было разбить мирный альянс Грибоедова и Макдональда, чтобы всячески обострить русско-персидские отношения.

Уиллоку активно помогал не менее зловещий противник России врач Джон Макнил, который благодаря своим связям с Фетх-Али-шахом и его женой, по признанию многих, "стал самым влиятельным лицом во всей Персии" (именно он будет назначен позднее послом Великобритании в этой стране, и не в награду ли за свершенное в 1829 г.?). Прибегая к весьма эффективной "гаремной дипломатии", Макнил установил прекрасные отношения с очень влиятельными при дворе шаха евнухами гарема — первым из них — Манучер-ханом и вторым, ведавшим финансами гарема, — злополучным Мирзой-Якубом.

Русский писатель Д.Л. Мордовцев в своем романе "Железом и кровью" выдвинул весьма правдоподобную версию, согласно которой "заговорщики, воспользовавшись несчастной судьбой Мирзы-Якуба, спровоцировали его уход под защиту русского посла, чтобы поставить Грибоедова в безвыходное положение и покончить с ним". Вероятнее всего, Мордовцеву была известна книга английского дипломата Дж-Э. Александера "Путешествие из Индии в Англию", изданная в Лондоне в 1827 г., еще до смерти Грибоедова, в которой утверждалось, что Мирза-Якуб был тесно связан с английскими резидентами в Персии. Там, например, рассказывалось о том, что в 1826 г. в Бушире Мирза-Якуб обедал вместе с английскими офицерами у консула Великобритании Стэннеса, а позднее встречался в Ширазе с английскими дипломатами Уиллоком и Кэмпбеллом.

Именно Мирза-Якуб сыграл самую роковую роль в цепи тегеранских событий, когда за несколько дней до отъезда Грибоедова явился к нему с просьбой об убежище, чем спровоцировал в итоге нападение на посольство. Побудительные мотивы такого поведения евнуха до сих пор неясны: действовал ли он на свой страх и риск? заставили ли его пойти на такой шаг? не согласился ли он добровольно разыграть согласованный с англичанами сценарий, ожидая каких-либо благ в будущем? не обманули ли его в итоге беспринципные английские резиденты? Немаловажно еще раз подчеркнуть, что Грибоедов не хотел принимать евнуха и предпринимал различные усилия, чтобы отговорить его от отъезда из Персии, а сам евнух, по свидетельству Мальцева, для того, чтобы остаться в русской миссии, раздавал взятки тем ее членам, которые, по его мнению, имели влияние на министра-поэта. Не правда ли, странное поведение человека, много лет назад принявшего мусульманство и вдруг захотевшего, отказавшись от своего привилегированного положения, вернуться на родину, в армянские земли?

Полную правду, наверное, не дано будет узнать никогда и никому, но то, что действия евнуха направлялись группировкой Уиллока — Макнила, можно утверждать с высокой долей вероятности (см. об этом подробнее: Попова О. Грибоедов — дипломат. М., 1964; Аринштейн Л. С секундантами и без… Убийства, которые потрясли Россию. Грибоедов. Пушкин. Лермонтов. М., 2010).

И, конечно, является весьма спорным широко распространенное объяснение непричастности англичан к трагедии в Тегеране тем, что непосредственно в ее дни в столице Персии якобы не было никого из руководителей британской миссии. Не являлось ли это отсутствие, наоборот, неудачной попыткой создать себе алиби? Неужели многолетние связи братьев Уиллоков, а также доктора Макнила в столице и гареме шаха не позволили бы им искусно разыграть заранее спланированную партию? И кто же это был такой могущественный, что почта все письма Грибоедова и его сотрудников из Тегерана в Тавриз были тогда перехвачены и не дошли до адресатов? Еще в 1805 г. англичане попросту отравили мешавшего им французского посланника в Иране Ромье, и хотя доказать это в то время никому не удалось, пересуды в обществе открыто обвиняли английскую сторону. А еще раньше, в 1802 г., как будто бы случайно, в Индии был убит иранский посланник…

Слухи о том, что нападение на русское посольство спровоцировано англичанами, распространились сразу же после трагедии. Комендант крепости Шуша майор Калачевский уже 27

февраля 1829 г. докладывал начальству: "…Мнение основательных в Персии людей то, что происшествие сие случилось… не без участия англичан". А генерал Паскевич писал Нессельроде в июле того же года, что подобные слухи распространились "в Тавризе, Баязете, Тегеране, Нахичевани и Казвине… Они ходили всюду по всем базарам… и все они были согласны в том, что причины пагубного события были далеко не безызвестны англичанам и что они старались обострить враждебное нам настроение умов в Персии".

ТАЙНЫ ПЕРСИДСКОГО ДВОРА

Помимо англичан свои интересы в разыгравшейся драме пытался соблюсти и тегеранский двор. Самому Фетх-Али-шаху. помимо решения вопроса с Мирза-Якубом, было крайне выгодно, воспользовавшись ситуацией русско-турецкой войны, попытаться пересмотреть так или иначе условия Туркманчайского договора, в первую очередь прекратить выплаты слишком обременительной контрибуции и как будто бы чужими руками отомстить одному из главных действующих лиц последней войны с Россией — Грибоедову. К провокационному мятежу призывал и министр иностранных дел Персии мирза Абуль-Гасан-хан.

О коварстве восточных правителей того периода свидетельствуют многие факты истории. К примеру, вопиющий характер имела гибель 8 февраля 1806 г. в ходе русско-персидской войны генерала от инфантерии князя П.Д. Цицианова, который был предательски убит во время переговоров с бакинским, подвассальным Персии, ханом Гусейн-Кули.

А какова история царского посланника в Персии генерал-майора А.С. Меншикова, который в начале 1826 г. был отправлен в Персию для решения пограничных вопросов? В Тавризе за ним была установлена слежка, все его письма в Россию перехватывались, он стал ощущать себя пленником и, почувствовав смертельную опасность в ходе начинавшейся агрессии Персии против России, бежал в Эривань. Затем, по дороге в лагерь Ермолова, он чудом избежал нападения на него персидских военных, изменив маршрут следования. А в это время в Тавризе русское посольство было арестовано в полном составе. Получается, что трагедии, подобные грибоедовской, были тогда на Востоке не так уж и редки. И совсем не случайно сам поэт однажды сетовал, что ему суждено было попасть в Персию, "в центр застоя, самоуправста и фанатизма".

В письме к английскому посланнику в Персии Макдональду в

начале марта 1829 г. Фетх-Али-шах, прося поддержки у британского правительства в сложившейся конфликтной ситуации с Россией, всю вину на трагедию возложил на Грибоедова, который "в сложной обстановке, возникшей вследствие отказа удовлетворить требование о возвращении пленных… оказался предрасположенным прислушаться к злонамеренным советам и приступил черту благоразумия", а также на "жителей города, оказавшихся не в состоянии владеть собою". Никакой своей вины он вообще не признавал.

Активным противником Грибоедова выступил и первый министр Персии Аллаяр-хан, и дело здесь было не только в желании вернуть в гарем двух женщин-пленниц и отомстить за позор своего пленения, но и в желании, отстранив от дел Грибоедова, ослабить тем самым Аббас-Мирзу, наследника престола, который надеялся на поддержку России в борьбе да трон и опирался на содействие Грибоедова.

Духовные же мусульманские лидеры Персии видели в разгроме русской миссии реальный шанс разжечь антирусские настроения и усилить свое политическое влияние в Тегеране в условиях редкого падения авторитета шаха, который после проигранной войны с Россией окапался объектом критики. Фетх-Али-шах окапался в итоге не в состоянии контролировать самые оголтелые элементы и подстроился иод кровожадные устремления экстрем истов.

И, наконец, в том, чтобы рассорить Персию и Россию, отвлечь внимание и силы последней от русско-турецкой воины, был кровно заинтересован султан Турции и его ставленники, также имевшие определенное влияние в Тегеране.

М.Я. фон Фок, возглавлявший российский сыск и весьма осведомленный, писал о тегеранской трагедии: "Один друг Грибоедова, пред которым сей последний не имел ничего тайного и поверял все свои мысли и чувства, часто с ним разговаривал о делах персидских, и вот что он слышал от Грибоедова пред его отъездом. Против Аббас-Мирзы есть сильная партия при дворе, которая хотела бы удалить его от наследства престола. Эта партия боится, чтоб Россия не покровительствовала Аббас-Мирзе, и потому старалась и будет стараться всегда очернять его пред российским двором. Назначение в Персию посланником приятеля Аббас-Мирзы или, по крайней мере, человека, который знает все интриги двора, не могло быть приятным этой партии, и она будет стараться по возможности вредить послу… Один член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга (это был Джон Кэмпбелл, секретарь английской миссии в Тавризе. — *С.Д.*), говорил ему в

присутствии друга: "Берегитесь! вам не простят Туркманчайского мира!" И так многие заключают, что Грибоедов есть жертва политической интриги".

С февраля 1829 г. письма и донесения от Грибоедова стали приходить в Тифлис все реже, и там не знали, чем объяснить такое молчание. Совершенно очевидно, что почти все письма из Тегерана накануне спланированного разгрома русской миссии перехватывались персидской стороной, и поэтому мы не знаем, что сообщал начальству Грибоедов накануне трагедии. Вскоре стали проникать смутные слухи о гибели в Тегеране всей миссии. Первым официальным подтверждением этих слухов стало сообщение генерального консула в Тавризе Амбургера: "Сегодня утром прибыл сюда человек Мирза-Муса-хана, который привез более подробные известия из Тегерана о случившемся там ужасном происшествии. Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущения, соделавшего нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо в главной мечети провозглашали сбор правоверных. Злополучный Александр Сергеевич сделался жертвою своей храбрости".

В те дни ожидалось все, что угодно, вплоть до нового вторжения персидских войск. Как утверждал Муравьев-Карский, согласно "получаемым сведениям известно было, что персидские войска собирались около Тавриза. Многие говорили, что мера сия была только предостерегательная на случай вторжения наших войск; но не менее того брожение умов в Персии было чрезвычайное: хотели возобновить войну с Россиею, полагаясь на то, что мы были заняты войною с Турциею. И в самом деле, обстоятельства наши в Грузии в таком разе были бы несколько затруднительны; но с обеих сторон остались в покое. Нас точно занимала турецкая война, а персияне еще не забыли прошедших побед наших. Мы требовали выдачи виновников в смерти нашего посланника; нам обещались их выдать, но не выдавали и, наконец, не выдали".

Выживший во время трагедии с помощью подкупа нескольких персов Мальцов, которого потом многие обвиняли в трусости и предательстве, находясь под арестом в шахском дворце и боясь смерти, стал свидетелем постыдных картин, когда посланные шахом визири выказывали ему фальшивое "отчаяние шаха и собственную свою горесть". "Какой позор целому Ирану, что скажет император!" — говорили они. Позднее Мальцов с конвоем был доставлен до границы и передан российской стороне.

ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ "ЧЕРНОЙ РОЗЫ ТИФЛИСА"

Когда до Тавриза дошли сведения о тегеранской трагедии, было решено не сообщать о ней Нине, путем уговоров ее удалось убедить в том, что Грибоедов не пишет ей только по причинам своей занятости и что он просил ее вернуться в Тифлис. Князь Чавчавадзе хотел сам съездить за дочерью в Тавриз, но, получив отказ Паскевича, послам туда своего племянника Романа Чавчавадзе.

13 февраля Нина выехала в Тифлис, где продолжала тревожиться о судьбе Грибоедова. Однажды к ней заехала жена Паскевича — двоюродная сестра Грибоедова, заговорила об Александре Сергеевиче, запуталась в объяснениях, расплакалась и всё открыла. С Ниной сделалась истерика, и на другой день она преждевременно разрешилась. В своем письме к госпоже Макдональд 22 апреля 1829 г. Нина сама рассказала об этом: "Через несколько дней после моего приезда, тяжелых дней, проведенных в борьбе с тоской, охватившей меня, в борьбе с неясной тревогой и мрачными предчувствиями, все более раздиравшими меня, было решено, что лучше сразу сорвать покрывало, чем скрывать от меня ужасную правду. Свыше моих сил пересказывать вам все то, что я перенесла; я взываю к вашему сердцу любящей супруги, чтобы вы смогли оценить мою скорбь, я уверена, что вы поймете меня: мое здоровье не могло противостоять этому ужасному удару. Переворот, происшедший во всем моем существе, приблизил минуту моего избавления. Опустошенная душевными страданиями более, нежели страданиями физическими, лишь через несколько дней я смогла принять новый удар, который мне готовила судьба: мой бедный ребенок прожил только час, а потом соединился со своим несчастным отцом — в мире, где, я надеюсь, будут оценены и их достоинства, и их жестокие страдания. Однако его успели окрестить, ему дали имя Александр в честь его бедного отца".

Сионский кафедральный собор в Тифлисе, где венчался А.С. Грибоедов и где его отпевали 17 июля 1829 г.

Что тут добавить: трагическая судьба не подарила великому поэту и его жене сына, но она сохранила истинную любовь Нины Грибоедовой. Всю свою жизнь она оставалась верна памяти мужа, посвятила себя родным и их детям, занималась благотворительностью и была воспета за свои выдающиеся качества доброты и чести многими русскими и грузинскими поэтами и прозаиками. После трагедии по высочайшему повелению кроме единовременного пособия в 30 тысяч рублей Нине была назначена пенсия в пять тысяч рублей, впоследствии ещё более увеличенная. По свидетельству К. А. Бороздина, "до супружества сестры своей, Екатерины Александровны, вышедшей замуж за владетеля Мингрелии, Давида Дадиани, она выезжала с нею в свет; затем воспитывала меньшую сестру Софью Александровну, впоследствии баронессу Николаи; а когда у брата ее Давида стали подрастать дети, она взяла к себе на воспитание третью дочь его Елену, чрезвычайно слабую и болезненную девочку, и с нею не расставалась до своей кончины… Нина Александровна везде была необходима: и в доме отца в Тифлисе, и в доме брата в Кахетии, и в доме сестры, княгини Дадиани, в Мингрелии. То был ангел-хранитель всего семейства, а в то же время и существо, которому поклонялись все служившие тогда на Кавказе, начиная от главноуправлявших и наместников до самых маленьких чинов". Однажды, когда жена и дети брата Давида попали в плен к имаму Шамилю, который требовал за них

огромный выкуп, Нина, не задумываясь, отдала ему все, что у нее было, испросив себе пенсию на 5 лет вперед.

К вдове несколько раз сватались: и любивший её полковник Н.Д. Сенявин, и гражданский губернатор Тифлиса П.Д. Завилейский, и известный грузинский поэт Г. Орбелиани, но она была тверда в своей негасимой любви, почти каждый день, пока позволяли силы, поднимаясь к могиле мужа. За красоту и постоянный траурный облик ее часто называли "черной розой Тифлиса". И как тут не вспомнить строки из лермонтовского "Демона", которые поэт вложил в уста героини поэмы Тамары: "Долго Нина предавалась печали".

С Ниной Грибоедовой встречались в Тифлисе многие известные люди и деятели культуры. А.С. Пушкин, побывавший в Тифлисе дважды во время своего путешествия в Эрзерум, посетил свежую могилу Грибоедова, который был похоронен всего лишь полмесяца назад. По воспоминаниям Н.Б. Потокско-го, перед могилой "Александр Сергеевич преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы". Сказано скупо, но мы можем представить себе, какие чувства обуревали поэта в этот миг прощания и преклонения перед другом. Загадкой является то, что в своих записках Пушкин не упомянул о своей встрече в Тифлисе ни со вдовой Грибоедова, ни с ее отцом. По-видимому, эти встречи тогда все-таки состоялись, но поэт не мог упомянуть о них в 1835 г., когда публиковались очерки, так как Чавчавадзе с группой его единомышленников был обвинен в 1832 г. в антиправительственном заговоре, осужден и отбывал наказание.

Однако точно известно, что в Цинандали побывал брат поэта Лев Пушкин. В письме его отца Сергея Львовича от 9 июля 1835 г. сообщалось: "Лев… по-прежнему восторгается Тифлисом и Кавказом, называя этот край земным раем. Объехал Леон всю Грузию и провел 15 дней в деревне у вдовы несчастного Грибоедова, да, смешно сказать, железное сердце храброго капитана не осталось чуждо поэзии: Леон нам пишет, что считает эти 15 дней самыми счастливыми днями своей жизни, очарован умом и любезностью жены своего покойного друга; и опять туда поедет…"

Нина Грибоедова была не лишена литературного таланта, о чем может свидетельствовать хотя бы эпитафия на памятнике ее мужу, а также вот эти приписываемые ей молвой строки:

Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест…
Немало в Грузии невест;

Но мне не быть ничьей женою!

Не исключено, что эти строки могли появиться под влиянием встречи Нины с М.Ю. Лермонтовым, который в 1837 г., служа на Кавказе, прибыл в Тифлис вместе со ссыльным декабристом А.И. Одоевским. Первым делом они отправились в монастырь Святого Давида, где преклонили свои колени перед могилой Грибоедова. Лермонтов снова задумался тогда о том, какую завидную участь пережил Грибоедов, погибший геройски, с саблей в руке, сражаясь с яростной толпой и выполняя свой долг. А теперь он лежит здесь в горах, над восточным городом, где живет преданная и любящая его вдова — дочь Востока. Ей ещё только двадцать пять лет, хотя Грибоедов погиб уже восемь лет назад. И скоро её можно будет увидеть…

Друзья в тот же день посетили дом Чавчавадзе, где были приняты по-родственному и где были потрясены красотой и одновременно неизгладимой печалью Нины. Потом они бывали в гостях у Чавчавадзе ежедневно. Лермонтов чуть не влюбился в сестру Нины Екатерину, постоянно делал зарисовки в разных местах Тифлиса, ещё и ещё раз размышляя над судьбой Грибоедова. Именно тогда у поэта родился не осуществленный замысел написать роман о жизни Грибоедова, он расспрашивал о нём всех, кто его знал, и начал мечтать о том, как, выйдя в отставку, обязательно посетит Персию, увидит Тегеран, выучит персидский и арабский языки, а может быть, и побывает в Мекке. Но судьба подарила ему лишь поездку по Азербайджану и совсем недолгий срок жизни.

Со вдовой Грибоедова не без причины связывают возникновение лермонтовского шедевра — стихотворения "Кинжал". Как воспоминал Р.Н. Николадзе, Нина была тронута вниманием к ней Лермонтова и Одоевского и в знак благодарности решила подарить каждому из них по кинжалу из коллекции своего мужа и отца в качестве "символа верности и долгу, чести, дружбе, светлому делу своих друзей по оружию и по лире". Лермонтов так взволновался подарком, что уже наследующий день написал стихотворение "Кинжал" с известной клятвой:

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла

В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья…

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

В 1856 г, Нина и её сестра Екатерина были приглашены на коронацию императора Александра II и прожили в Москве и Петербурге почти целый год. При этом в Москве, в Малом театре, специально для вдовы поэта поставили "Горе от ума". В июне 1857 г. Нина вернулась в Тифлис, где ее уже поджидала… смерть, и "пришла" она вновь из Персии: летом этого года в столице началась эпидемия холеры, которая распространилась на Грузию именно со стороны персидской границы. Нина, несмотря на уговоры покинуть город, осталась в нем, начала ухаживать за своими больными родственниками и заразилась сама. Умерла она 25 июня 1857 г., пережив своего мужа на 28 с половиной лет… Ее душа улетела к любимому за земные пределы, а на Святой горе осталась скорбная бронзовая фигура женщины, вечно оплакивающей своего возлюбленного: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!"

В 1879 г. поэт Яков Полонский посвятил памяти Нины Грибоедовой небольшую поэму, которую закончил словами:

…Там, в тёмном гроте — мавзолей,
И — скромный дар вдовы —
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ: ОТ ТЕГЕРАНА ДО МТАЦМИНДЫ

Тяжело переживала в 1829 г. смерть сына и мать Грибоедова. Как свидетельствовал В.Л. Пушкин 28 марта того же года, "на этих днях объявили матери Грибоедова о кончине ее сына. Она в

отчаянии и рвет на себе волосы и кричит, что гораздо бы лучше было, если б умерла у нее ее дочь".

А тем временем началось последнее "персидское хождение" бренных останков поэта-странника. Спустя неделю после убийства власти Тегерана послали людей раскопать яму за городом, куда были свезены ранее погибшие, и найти там труп Грибоедова, чтобы перезахоронить его в ограде армянской церкви на случай, если русское правительство потребует выдачи тела (трупы других членов миссии перезахоронили из загородной ямы в общую могилу в ограде армянской церкви в шах-абдул-азимском квартале Тегерана только в 1836 г.). Обезображенный труп Грибоедова был узнан лишь по сведенному мизинцу на руке — от раны, полученной на дуэли с А.И. Якубовичем в 1819 г. А еще через две недели труп поэта был отправлен в Тавриз. Как рассказывал Шермазанян, "наполнили два мешка соломою, навьючили ими лошадь, а труп, уложенный в гроб, поместили посередине этих мешков, так как одним только гробом нельзя было удобно нагрузить лошадь".

В начале апреля траурная процессия достигла Тавриза, о чем Амбургер сообщал в своем донесении: "Тело несчастного Александра Сергеевича точно прибыло в Тавриз… Гроб, содержащий в себе тело полномочного нашего министра, сколочен из простых досок и покрыт куском черного бархата; кажется, также не приняты никакие меры для сохранения тела его. Напротив того, — тела матери Манучар-хана и князя Меликова, которые также прибыли в Тавриз вместе с телом министра нашего, хранятся в прекрасных гробах, обитых красным бархатом и обшитых золотыми галунами. Также тела оных бальзамированы".

Печальная процессия подошла к границам России лишь к концу апреля. 1 мая гроб был переправлен через Аракс и торжественно встречен войском и духовенством. В Нахичевани, вследствие того, что тело было изуродовано до неузнаваемости, гроб законопатили и залили нефтью. Далее он сопровождался командой во главе с прапорщиком Тифлисского пехотного палка Макаровым. 11 июня скорбную процессию в горах около Гергер встретил А.С. Пушкин. В своем "Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года" он писал: "Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. "Откуда вы?" — спросил я их. "Из Тегерана". — "Что вы везете?" — "Грибоеда". Это было тело

убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис".

Эта мистическая встреча, которая, по мнению некоторых исследователей, была вообще художественным вымыслом поэта, состоялась почти ровно через год после того, как Пушкин расстался с Грибоедовым "в Петербурге, перед отъездом его в Персию" в начале июня 1828 г. Какие же причудливые повороты и зигзаги могут совершать судьбы великих людей, соединяя их каким-то потаенным смыслом даже после смерти. Ведь рвавшийся на войну и Кавказ Пушкин, пожалуй, не случайно оказался в том самом месте, фактически приняв от Грибоедова тяжкую эстафету не только "одного из первых поэтов России", но и деятеля-патриота, отдавшего все свои силы служению Родине. Восторженные слова Пушкина о "персидском страннике" и дальнейшая трагическая судьба самого "солнца русской поэзии" подтверждают это лучшим образом…

Наконец, 17 июля, почти через полгода после трагедии, тело поэта было привезено в Сионский кафедральный собор Тифлиса, где за 11 месяцев до этого, 22 августа 1828 г., произошло венчание Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Побывав в Сионском соборе, почти не изменившемся с тех пор, я живо представлял себе, как в одном и том же месте произошли с разницей меньше года такие полярные события в жизни поэта, как венчание и отпевание, обретение счастья и минуты скорби. И вновь был удивлен тому, что память об этих событиях почти отсутствует у нынешних тбилисцев…

На следующий день, 18 июля 1829 г., гроб с останками поэта был погребен, как вспоминал Муравьев-Карский, "с иадлсжа-щею почестью у монастыря Святого Давыда, построенного на горе за домом нашим. Вдова и все родственники ее, а также и наши, провожали гроб; многочисленная толпа тифлисских жителей, собравшаяся без приглашения, следовала за печальным шествием. Там построили арку, которая видна из всего города. Грибоедов любил картинное место сие и часто говорил, что ему там бы хотелось быть похоронену. Нина осталась печальна, скрывала грусть свою и тем более вселяла к себе участия…".

В июле 2014 г., продолжая после нескольких посещений Ирана свое исследование неизвестных страниц жизни Александра Грибоедова, я отправился в Тбилиси, где первым делом поднялся на гору Мтацминда (по-грузински, Святая гора) — гору Триалетского хребта высотой 740 метров, которая господствует над Тбилиси и является символом города, легендарным местом упокоения Грибоедова и его супруги. Было раннее утро, город еще только просыпался, и у меня вызвал неподдельное удивление его изумительный вид со Святой горы, которая была названа так в

честь прибывшего сюда еще в VI веке из Антиохии сирийского монаха Давида Гареджийского, одного из основателей грузинского монашества. Своими руками он сделал тогда в недрах скалы пещеру, в которой до сих пор течет целительный родник, называемый "Слезы Давида" и помогающий особенно часто женщинам, вымаливающим продолжение потомства.

Лестница, ведущая к монастырю Святого Давида на горе Мтацминда в Тбилиси. Внизу в центре — грот с захоронениями Грибоедова и его жены

Позднее около пещеры Давида появился древний храм и монастырь, который, просуществовав несколько веков, пришел в запустение. В XIX в. на его месте была построена новая церковь Святого Давида (Мама-Давити), которая потом еще перестраивалась. Грибоедов очень любил это место, где в пору его пребывания в Тифлисе стояла лишь небольшая часовня. Он называл его "пиитической принадлежностью Тифлиса" и не случайно попросил как-то жену похоронить его именно на Святой горе. Он был погребен здесь 18 июля 1829 г., а надгробный памятник ему появился хлопотами вдовы лишь после 1837 г. С 1929 г., со столетия гибели поэта, немного выше его могилы и захороненной рядом жены, вокруг церкви стал развиваться пантеон захоронений выдающихся деятелей Грузии. На вершине Мтацминды находится сейчас телебашня высотой 277,4 м и парк с фуникулером.

Грот с захоронением и известным надгробным памятником

работы скульптора В. Демут-Малиновского расположен чуть ниже самого монастыря, он считается частью устроенного здесь пантеона общественных деятелей и писателей Грузии, и мне удалось договориться с его хранителем открыть грот. При осмотре грота меня ждало открытие: там не оказалось (как это утверждалось в некоторых источниках) захоронения сына Грибоедова. Слева от Н. Чавчавадзе была похоронена в 1864 г. под маленьким надгробным камнем Нина Николаи, дочь А.П. Николаи, начальника Главного управления кавказского наместника, ставшего позднее ненадолго министром народного просвещения России, а справа от Грибоедова — Николай Астафьев, сын жившего тогда в Тифлисе героя войны с Турцией 1877–1878 гг., в будущем генерал-майора, Николая Алексеевича Астафьева, умерший в 1875 г. также в младенческом возрасте.

Сам же памятник на черного мрамора с бронзовым крестом и распятием действительно впечатляет: и фигурой коленопреклоненной плачущей женщины, рядом с которой лежит книга "Горе от ума"; и барельефом писателя на пьедестале памятника с выбитыми словами: "Александр Сергеевич Грибоедов, родился в 1795 году, генваря 4 дня, убит в Тегеране в 1829 году, генвари 30 дня"; и одной ив самых известных в мире надписей-эпитафий: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя! Незабвенному, его Нина".

То, что Грибоедов с супругой упокоились именно в Тбилиси, на мой взгляд, весьма знаменательно: во-первых, поят, проживший в Грузии за несколько своих приездов в целом около трех лет (начиная с 21 октября 1818 г. по 9 сентября 1828 г.), очень ее любил, считая своим новым родным домом и желая встретить там, "в Цинондалах", свою старость, во-вторых, он, как дипломат и государственный деятель, внес весомый вклад не только в освобождение народов Кавказа и Закавказья из-под диктата Турции и Персии, но и в конкретное развитие столицы Грузии, в-третьих, вечное соединение "после жизни" ярких представителей двух народов знаменует собой залог того, что узы, связывающие эти народы, нерасторжимы.

Надгробный памятник А. С. Грибоедову скульптора В. Демут-Малиновского

Я был настолько потрясен увиденным на Святой горе, что не мог не поддаться поэтическому настроению, написав стихотворение "Мтацминда":

Кривые улочки Тбилиси
От вод недвижимых Куры
Бегут в заоблачные выси,
К подножию Святой горы,

Горы, где жил в своей пещере
Монах из Сирии Давид,
Родоначальник местной веры,
Принесший монастырский быт.

И в честь его вознёсся к небу
На склоне лик монастыря,
Где длится до сих пор молебен
С хвалой Небесного Царя.

А в монастырском тихом гроте
Мятежный автор "Горя от ума"
Нашел приют на повороте
Дорог своих сквозь времена,

Сквозь дали Грузии, Ирана,
И всех иных кавказских стран…
Поэта здесь затихла рана,
Что смерть ему принес Иран,

Иран — соперник величавый,
Востока древнего оплот,
Схлестнувшийся с российской славой
На смерть саму, не на живот.

И в этой схватке беспредельной
Пал Грибоедов как посол,
Который храбро в миг смертельный
На казни эшафот взошел.

Но не один он в мрачном гроте
Нашёл пристанища приют,
С ним рядом та, кто в ласке и заботе
Любви своей явила труд.

Ведь "черной розою Тбилиси"
Её давно назвал народ
За верность, что любовь возвысит
До самых призрачных высот.

"Ум и дела твои бессмертны,
Но для чего тебя пережила…"
Здесь и сегодня всем заметны
Времен ушедших зеркала.

Нино всё так же сберегает
Живую память вдовию о том,
Кто до сих пор по Персии гуляет
Но возвращается к Святой горе потом.

Мтацминда чудо-панораму
Являет каждому, кому дано узреть
Любви и долга истинную драму,
Поправшую собою смерть.

Любопытно, что посетить Святую гору мне выпало в Вербное воскресенье, когда сотни тбилисцев по традиции поднимались в монастырь с веточками не вербы, а местного растения под

названьем бза, и клали их к надгробию поэта и его супруги:

И любой, кто в монастырь приходит,
На секунду голову склонит
Пред могилами на входе,
Где поэт с супругою лежит.

Им, наверно, тоже воскресенье
Что-то в мир иной передает.
Ведь на свете вовсе нет забвенья,
Если память сердце бережет.

А с надгробий веточки свисают,
Как весны и жизни торжество.
Смерть, конечно, на земле бывает,
Но не смерть важней всего.

Главное — пройти свою дорогу,
Как предписано твоей судьбой,
И довериться в объятья Бога,
Знающего путь дальнейший твой…

ПОСЛЕДНИЕ АКТЫ ДРАМЫ

Очень важно отметить, что в дни прощания с Грибоедовым происходили последние схватки злополучной для поэта русско-турецкой войны, завершившейся подписанием 2 сентября 1829 г. Андрианопольского мира, по которому Россия получила устье Дуная и восточное побережье Черного моря, а Греция, Молдавия и Валахия — фактическую независимость. Главное же заключалось в том, что Турция признала переход к России Грузии, Имеретин, Мингрелии, Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств. Можно сказать, что главное дело жизни Грибоедова-дипломата было тем самым завершено: почти 12-летняя служба поэта на дипломатическом поприще внесла свой весомый вклад в освобождение народов Кавказа и Закавказья из-под диктата Турции и Персии и включение их в состав

Российской империи. И чтобы сейчас пи кричали политические противники России в нынешних самостоятельных государствах, возникших в тех районах после распада СССР, Грибоедов был и остается героем, отдавшим свои труды и даже жизнь за благополучие кавказских и закавказских народов. В

парламенте Грузни недавно прозвучали даже призывы о том, что русскому писателю Грибоедову не мес то в пантеоне общественных деятелей и писателей Грузни на Мтацминдской горе в Тбилиси и что "его деятельность не была связана с Грузией". Слава богу, зги призывы встретили пока отпор у здравомыслящих представителен грузинской интеллигенции…

Узнав о трагедии в Тегеране, царское правительство, занятое тогда войной с Турцией, посчитало возможным снести произошедшие события к случайности и потребовало со стороны Персии только извинительного письма шаха для императора, наказания виновных и искупительной миссии одного из "принцев крови" — сыновей Аббас-Мирзы. Согласившись в конце концов с этими требованиями, персы вспомнили об инциденте, произошедшем в 1802 г. в Бомбее, когда в случайной драке был убит сипаем персидский посол Хаджи-Халил-хан и когда англичане уладили конфликт, принеся извинения, оплатив убытки и сделав щедрые подарки.

По свидетельству Муравьева-Карского, лишь в мае 1829 г. в Тифлис прибыл седьмой сын Аббас-Мирзы шестнадцати летний Хосров-Мирза "без всяких наставлений от персидского двора и даже без позволения далее ехать. Паскевич отправил его почти насильно в Россию, против воли отца, а особливо деда его, с коими все велись переговоры, по предмету сему, и наконец, Хосров-Мирза получил уже в Царском Селе наставления от шаха относительно порученности, на него возлагаемой". 12 августа искупительная миссия была принята императором в Зимнем дворце. Хосров-Мирза зачитал послание шаха, а впоследствии передал его подарки, в том числе знаменитый алмаз "Шах" (88 $1/_2$ карата), который был преподнесен не как дар за голову поэта, а как повод для облегчения финансового бремени шаха. Император в итоге простил 9-й курур и рассрочил выплату 10-го на пять лет, хотя в действительности тот вообще никогда не был выплачен. Получается, что шах добился все-таки, хотя и частично, того, чего хотел — сокращения выплат. Ссылаясь на военные действия с Турцией, Николай I не предъявил также никаких претензий к правительству Англии за провокационные действия его представителей в Тегеране, о которых он подробно узнал со слов прибывшего с принцем француза адъютант-капитана Б. Семино, жившего в Тегеране и имевшего аудиенцию у императора.

В письме, переданном императору Хосров-Мирзой, шах сетовал на "неумолимость судьбы" и внезапность мятежа черни, "несоблюдение обычаев которой со стороны посольской свиты и вызвало возмущение", сообщал, что всех замеченных в погроме он приказал казнить, наместника Тегерана за неприятие должных

мер "удалить вовсе со службы", а ставшего главой мятежа верховного муллу Тегерана Мирзу-Месиха "сослать в один из отдаленных городов наших в заточение" (весьма показательно, что выслать его удалось только силой, сломив сильное сопротивление его сторонников). Аллаяр-хан был бит палками по пяткам. Фактически шах признавал вину своих сановников за трагедию в Тегеране, но это ничего не изменило. После зачитывания письма шаха, Николай I, подав руку принцу, заявил: "Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие". Когда же внук шаха на одной из аудиенций заговорил с императором о возможных территориальных уступках со стороны России, тот возразил: "Благодарите Бога, что моими войсками предводительствовал не Ермолов, они были бы непременно в Тегеране".

Путешествие в Россию Хосров-Мирзы со свитой в 57 человек, длившееся с 27 апреля 1829 по 31 января 1830 г. вообще вызывает много вопросов. Те почести и пышные церемонии, которые встречали принца во всех городах его следования, с выездами, приемами, обедами, балами, фейерверками и даже увековечиванием этих событий скульпторами и живописцами, как-то совсем не увязывались с той трагедией, которая случилась по вине персидской стороны в Тегеране. Уж слишком большие траты принесла русской казне так называемая "искупительная миссия", и не слишком ли мягко обошлись правители России с посланцем виновников трагедии? Однако какой-то высший суд все-таки вмешался в судьбы правителей Каджарской династии, виновных так или иначе, прямо или косвенно, в разгроме русской миссии. Осенью 1833 г. скончался Аббас-Мирза, а через год — его отец Фетх-Али-шах. В результате ожесточенной борьбы за трон победил старший сын Аббас-Мирзы от первой жены Мамед-Мирза, который приказал ослепить двух сыновей своего отца от другой жены, Джехангира и Хосрова-Мирзу, который 40 лет прожил слепым в ссылке. Вот такие нравы демонстрировали в те годы правители Персии, считавшие себя "не виновными" в жестокостях тегеранского разгрома.

Самое удивительное, что официальная точка зрения на катастрофу в Тегеране была установлена в России задолго до того, как были получены сколько-нибудь подробные о ней сведения. В отношении министра иностранных дел К.В. Нессельроде от 16 марта 1829 г. к командующему Кавказским корпусом Паскевичу указывалось: "Ужасное происшествие в Тегеране поразило нас до высочайшей степени. Отношение вашего Сиятельства ко мне по сему предмету Государь Император позволил читать с чувством живейшего прискорбия о бедственной

участи стать внезапно постигшей Министра нашего в Персии и всю почти его свиту — сделавшихся жертвою неистовства тамошней черни. Достоинству России нанесен удар сильный, он должен быть торжественно изглажен и слиться с явным признанием верховной Персидской власти в совершенной ей невиновности по означенному случаю.

При сем горестном событии Его Величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну".

В записке Нессельроде к А.Х. Бенкендорфу от 23 марта также утверждалось: "Несмотря на несколько лет, проведенных в Тавризе, и беспрестанные столкновения с персами, он плохо узнал и плохо оценил народ, с которым имел дело". Эти же обвинения содержались и в письме Николая I к брату Константину в те же дни. Так родился и потом широко распространялся миф о непрофессионализме Грибоедова, ведь сомневаться в официальной трактовке событий впоследствии никому не дозволялось. За свою преданность и героизм Грибоедов получил в итоге черную неблагодарность и прямую клевету от представителей верховной власти, которые в России, к сожалению, слишком часто думают о своих "шкурных" интересах, боясь заслуженных обвинений, а лишь потом о благе Отечества.

Наконец-то в середине марта 1828 г. Нессельроде созрел до того, что предлагал ему Грибоедов, — разрешить Паскевичу по собственному усмотрению решить вопрос о вступлении Аббас-Мирзы в войну против Турции. Однако Паскевич сам не мог уже открыть "второй антитурецкий фронт". В своих записях он так ответил на собственный же вопрос о персиянах: "Нельзя ли ввести их в войну с турками, но Грибоедова нету, кто теперь может их заставить. Какие выгоды им предложить".

Паскевич, пожалуй, единственный из высокопоставленных деятелей того времени встал на защиту памяти Грибоедова. 28 февраля 1829 г. он получил от Дж. Макдональда письмо с разъяснением непричастности английской миссии к случившемуся инциденту и утверждением, что шах ни в коей мере не был виновен в возмущении, ведь даже шахская гвардия якобы тяжело пострадала от черни. Паскевич больше всего засомневался в отсутствии в трагических событиях английского следа: во всяком случае, писал он Нессельроде, "если персидские

министры знали о готовившемся возмущении, то, несомненно, это было известно и английскому посольству, у которого весь Тегеран на откупу".

Паскевич был действительно взбешен и потрясен, он требовал расплаты виновных и ждал приезда Мальцова, желая заставить его пожалеть о спасенной им с помощью трусости жизни. Нессельроде просил Паскевича вести себя сдержанно, "беречь англичан и не давать веры слухам, которые распространяются про них". Паскевич же требовал прислать в Астрахань 10 тысяч солдат в подкрепление его армии для того, что надавить на Персию, и настаивал на вступлении ее в войну против Турции. И именно его резкое письмо-угроза Аббас-Мирзе, привезенное в Тавриз адъютантом князя Кудашевым, подействовало в итоге на Фетх-Али-шаха, который наказал, хотя и очень мягко, виновных в разгроме.

Процитируем это яркое письмо, чтобы почувствовать, что и после гибели Грибоедова его ум и энергия еще проявляли себя в поступках близких к нему государственных деятелей: "Не употребляйте во зло терпение Российского Императора, великодушие Его неистощимо, но в нынешних обстоятельствах нарушение прав так велико, что должны ожидать больших бедствий для Персии, если скорым и гласным удовлетворением не остановите Его справедливого негодования. Одно слово моего государя — и я в Азербайджане за Кафланку, и, может статься, не пройдет и года, и династия Каджаров уничтожится. Не полагайтесь на обещания англичан и уверения турок… С Турцией Россия не может делать все, чего желает, ибо держава сия нужна и необходима для поддержания равновесия политической системы Европы. Персия нужна только *для* выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе равнодушно, кто управляет сим краем. Все ваше политическое существование в руках наших, вся надежда ваша в России, она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать". В другом послании Паскевич требовал вступления Персии в войну против Турции. За эти письма Аббас-Мирзе он получил "высочайшее неодобрение" и "решительное несогласие" императора.

Памятник А С. Грибоедову на территории посольства России в Тегеране был создан в 1900 г. скульптором В А. Беклемишевым

В конце марта 1829 г. в Петербурге было решено отправить в Тавриз в качестве русского посланника генерал-майора князя Долгорукова. В Инструкции для него вновь указывалось, что "бедственная смерть нашего министра в Тегеране причинила вредную обстановку в приязненных сношениях наших с сею Державою, между тем как ныне дружба ея особенно нужна для нас по военным обстоятельствам с Оттоманской Портою… Однако, ко всему кажется истинным, что Персидское правительство не только не виновно в злодеянии, но готово доставить нам желаемое удовлетворение и далеко от самой мысли о разрыве". Как видим, оценки остались теми же, но с важными уточнениями, что в будущем новый посланник, соблюдая главные статьи Туркманчайского трактата, должен избегать излишней настойчивости при исполнении "предметов второстепенной важности", чтобы не оскорблять обычаи и "народную веру". Таких послаблений Грибоедову всего лишь полгода назад не делалось…

ПАМЯТЬ О ГРИБОЕДОВЕ

В России, кроме Паскевича, нашлись и многие другие люди, которые не поверили в официальную версию событий и встали на защиту светлой памяти о министре-поэте. К примеру, 7 апреля 1829 г. Вяземский писал И.И. Дмитриеву: "Я был сильно поражен ужасным жребием несчастного Грибоедова. Давно ли видел я его в Петербурге блестящим счастливцем, на возвышении государственных удач; давно ли завидовал ему, что он едет посланником в Персию, в край моего воображения, который всегда имел приманку чудесности восточных сказок, обещал ему навестить его в Тегеране и еще на днях, до получения рокового известия, говорил жене, что, не будь войны на Востоке, я нынешним летом съездил бы к нему. Как судьба играет нами, и как люто иногда! Я так себе живо представляю пылкого Грибоедова, защищающегося от исступленных убийц, изнемогающего под их ударами. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, ужасный и тяготительный".

В ответном письме от 1 мая Дмитриев писал: "Участь Грибоедова действительно может поразить каждого, кто мыслит и чувствует. Как он восхищался ясностью персидского неба, роскошью персидской поэзии! и вот какое нашел там гостеприимство! и какое даже в земляках своих оставил впечатление. Может быть, два, три почтут память его искренним вздохом, а десяток скажет, что ему горе не от ума, а от умничанья".

А вот мнение К.К Боде: "Разбирая роковое событие… мы приходим к заключению, что заслуги Грибоедова перед лицом всей России истинно велики и достойны всякого уважения: жаль только, что они не были достаточно признаны его современниками. Пусть же беспристрастное, но вместе с тем признательное потомство оценит их как следует".

Приведем также мнение о Грибоедове как о дипломатическом деятеле его сослуживца, а впоследствии наместника Кавказа Н.Н. Муравьева-Карского, которого нельзя заподозрить в пристрастном отношении к поэту, ведь на страницах своих записок он очень часто и резко осуждал последнего: "Не заблуждаясь на счет выхваленных многими добродетелей и правил Грибоедова, коих я никогда не находил удовлетворительными, я отдавал всегда полную справедливость его способностям и остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и не найдется, может быть, в России человека столь способного к занятию его места. Он был настойчив, знал обхождение, которое нужно было иметь с персиянами, дабы достичь своей цели, должен был вести себя и настойчиво относительно к англичанам,

дабы обращать в нашу пользу персиян при доверенности, которую англичане имели в правлении персидском. Он был безкорыстен и умел порабощать умы если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твердостью. Поездка его в Тегеран для свидания с шахом вела его на ратоборство со всем царством персидским. Если б он возвратился благополучно в Тавриз, то влияние наше в Персии надолго бы утвердилось; но в сем ратоборстве он погиб, и то перед въездом своим одержав совершенную победу. И никто не признал ни заслуг его, ни преданности своим обязанностям, ни полного и глубокого знания своего дела!"

А что же А. Блок, который в 1907 г. высказал столь критические суждения о Грибоедове? Ему предстояло во многом изменить свое отношение к поэту в канун 1917 г., когда Грибоедов стал для него особенно близким и даже "дороже Пушкина". Блок сблизил тогда образ "персидского странника", автора "непревзойденного, единственного в мировой литературе" произведения, с образом лермонтовского Демона:

Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит "горе от ума".

Блок нашел разгадку "случайности" знаменитой комедии в следующих словах, имеющих прямое отношение к удивительной судьбе Грибоедова: "Величайшие наши достижения незакономерны, случайны, как будто бы украдены у времени и пространства ценою бесконечных личных трагедий, надрывов и отчаяний наших величайших творцов". Он справедливо писал, что "русские гениальные писатели все шли путями трагическими и страшными; они урывали у вечности мгновения для того, чтобы после упасть во мрак и томиться в этом мраке до нового озарения", а их "трагические прозрения" "конем не объехать", к ним "будущим русским поколениям" придется возвращаться вновь и вновь. Эти слова близки к оценке Н.В. Гоголя, утверждавшего, что "три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов. Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью в течение одного десятилетия, в поре самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих — и никого это не поразило. Даже не содрогнулось ветреное племя". Гоголь объяснял причины гибели Грибоедова тем, что он оказался в положении, "где нет места для поэта", фактически вновь признав силу внешних обстоятельств в судьбах великих мастеров слова.

И, конечно, бурная насыщенная жизнь и беспримерный подвиг Александра Грибоедова опровергают тот лживый образ автора "Горя от ума", который создал в своем романе "Смерть Вазир-Мухтара" Юрий Тынянов. Этот образ "карьериста", который якобы предал за свое "павлинье звание" вольнолюбивые идеалы юных дней жизни и своих друзей-декабристов, а также духовно омертвел, потеряв свой литературный дар, еще задолго до гибели в Тегеране, до сих пор оказывает сильное влияние на всех, кто обращается к роману Тынянова. Совсем не таким был великий поэт, гражданин и воин Грибоедов, нужно только внимательно, без нарочитых предвзятостей изучать его жизненный путь…

Во многом благодаря личной трагедии и подвигу в облике Грибоедова в России в первой трети XIX столетия явился, можно сказать, "гражданин грядущего века", безмерно талантливый, честный и отважный сын своей Родины, светлый ум, гармоническая личность и деятельная натура которого принадлежат к "самым могучим проявлениям русского духа" (В.Г. Белинский). В искусстве всегда трогает и заставляет страдать именно то, что связано с самим творцом, поэтому в творениях Грибоедова главный герой — это сам поэт, поднявшийся над прозой жизни и своим подвигом, и своим поэтическим взлетом. Об этом ярче и красивее других сказал декабрист А. А. Бестужев, потрясенный смертью Грибоедова: "Сколько людей завидовали его возвышению, не имея и сотой доли его достоинств, кто позавидует теперь его паденью? Молния не свергается на муравy, но на высоту башен и на главы гор. Высь души, кажется, манит к себе удар жребия".

Влияние, которое оказал Грибоедов на русскую историю и русскую литературу, было настолько велико, что, несмотря на "море" изданных уже на эту тему книг и статей, чтобы проследить конкретные проявления этого влияния требуются новые и новые исследования. Затронув далее в настоящей книге эту тему на примере судеб и творчества целого ряда русских поэтов, укажем здесь лишь бегло, что места, связанные с жизнью и смертью великого поэта, уже вскоре после его гибели стали местом всеобщего паломничества. Вспомним хотя бы посещение могилы поэта на Святой горе Мтацминда Пушкиным и Лермонтовым или возведение памятников Грибоедову не только в Петербурге и Москве, но также в Тбилиси, Ереване и на месте встречи Пушкина с гробом поэта.

В Тегеране память о великом поэте увековечена лишь в памятнике, который "стыдливо" укрылся за забором российского посольства, для того чтобы якобы не раздражать местное население. Я уже не говорю о месте страшной трагедии: до сих

пор широко распространенным является мнение, что тот самый дом, где располагалось русское посольство, не сохранился и о нем надо просто забыть. На самом деле этот дом существует, мне посчастливилось не без труда и не без приключений разыскать его в извивах тегеранских улочек, и, надеюсь, что еще можно будет сделать что-нибудь реальное, чтобы почтить на этом месте память погибших русских воинов и дипломатов во главе с Грибоедовым.

Очень важно отметить, что поисками места трагедии в Тегеране задолго до меня занимались и другие путешественники. В редкой и забытой книге Федора Корфа "Воспоминания о Персии", в которой он описывал свое пребывание там в 1834–1835 гг., есть следующий интересный фрагмент: "Из дворца поехал я по кривым и грязным улицам к месту, где был некогда дом несчастного Грибоедова. Развалины этого дома еще существуют; видны остатки комнат и бани; кровавое происшествие рисуется перед глазами: сорок пять человек пали жертвами варварского изуверства; они дрались как львы и погибли вместе. Их горестная участь, конечно, заставит содрогнуться всякого русского, который посетит это место. Мир праху вашему, доблестные представители Русской чести!"

Наверное, также содрогнулся от встречи с этим домом и известный поэт-футурист Василий Каменский, который случайно в 1906 г. в качестве молодого матроса с каким-то грузом попал в столицу Персии, и ему "между прочим, — как он сам вспоминал, — Аббас-Ферюза показал в Тегеране место, где был растерзан Грибоедов".

А в 1913 г. в Тегеран в гости к своему дяде-дипломату Л.А.Тихомирову приехал молодой Юрий Терапиано, будущий поэт и литератор, один из ярких представителей русского зарубежья в Париже. В столице Персии ему повезло вести длительные беседы с со старцем-зороастрийцем, и тот, к удивлению молодого человека, рассказал ему об удивительной легенде, которая была распространена среди иранских зороастрийцев в начале XX века. Для нас она интересна, хотя есть все основания считать ее именно легендой или красивым мифом, как доказательство того, что имя Грибоедова и через почти сто лет было, что называется, "на слуху" у представителей иранской духовной элиты, к которой, без сомнения, можно отнести зороастрийцев. Приведем полностью небольшой фрагмент "Легенда о Грибоедове" из книги Терапиано "Маздеизм. Современные последователи Зороастра":

"К большому моему удивлению, я узнал, что у маздеистов существует предание о Грибоедове. Он, как известно, был убит в

Тегеране 30 января 1829 года во время мятежа. Его тело, изуродованное до неузнаваемости, было опознано только благодаря искривлению пальца на руке — последствие его дуэли с Якубовичем. Тело Грибоедова было перевезено в Россию.

Но маздеисты, не буду строить догадок, почему, рисуют судьбу Грибоедова по-своему:

"Ещё во время своего первого приезда в Персию Грибоедов обратил на себя внимание маздеистов; он был человеком исключительно одарённым в духовной области и должен был во что бы то ни стало пойти этим путем. У себя на родине он уже принадлежал духовному братству, но у вас люди редко доходят до "Конечной цели" в своих исканиях. Грибоедов был одним из тех людей, для которых связанность внешними обстоятельствами не может явиться препятствием. Он легко нашел бы в себе силу порвать со всем, если бы не одно особое обстоятельство. Грибоедов был связан внутренне: он хотел писать, хотел выразить то, что ему никак не удавалось. Блестяще образованный, умный и тонкий человек, он не был по-настоящему одарен в той области, в которой ему этого более всего хотелось.

Но у нас есть свои особые способы: при помощи некоторых средств можно на время вызвать в человеке искусственную гениальность. Только одного сделать нельзя — удержать это состояние навсегда. Грибоедов дал согласие на такой опыт и видел во сне план своей будущей комедии, которая стала потом знаменитой в России. Но, написав её, он окончательно исчерпал себя как писатель и больше не мог написать ничего такого же замечательного.

Несколько лет он ещё колебался, но, наконец, понял свой путь. Даже любовь к жене больше его не удерживала. Он порвал цепи и под другим именем долго ещё жил в нашей среде, никем не тревожимый, никем не узнанный.

А. С. Грибоедов. Портрет работы И.Н. Крамского. 1873 г.

В Персии, как вы знаете, легко осуществляются такие вещи, как подмена трупа. О мятеже знали заранее, и всё было подготовлено. Изрубленное и нарочно изуродованное тело опознали потом по искалеченной руке — но дальше эта история для вас не имеет уже интереса"".

Вот такая загадочная легенда! Конечно, неплохо было бы Грибоедову спастись и продолжить свой духовный путь по жизни уже в качестве "маздеиста", но уж слишком страшным и гибельным оказался тот клубок противоречий, в который поэт попал, приехав в Тегеран. И спасенья, в сущности, ждать было просто неоткуда…

А завершить краткий рассказ о "персидском страннике", может быть, все равно ещё бредущем где-то там, в горах Ирана, навстречу восточной заре, хочется отрывком из моего стихотворения, которое родилось после моих собственных открытий персидского мира, осмысления жизненного подвига автора "Горя от ума" и его постоянной борьбы с "игом обстоятельств".

Поэт в России больше, чем поэт,
Особенно на службе царской.
И Грибоедов этот горестный завет
Нам первым доказал ценой побед,
Судьбой своей печальной и бунтарской.

Гусар, повеса, музыкант, бунтарь,
Поэт и дипломат, и, наконец, посланник!
Открыл он жертвенный поэтов календарь,
Когда в Иране встретил роковой январь
Как мести неминуемой избранник.

Ответил он пред персами за Туркманчай
И славу русского оружия лихого.
И всё случилось будто б невзначай,
Чернь якобы тогда хватила через край,
Но эта ложь для знающих совсем не нова.

Немудрено опять свалить свои грехи
На люд простой, доверчивый и грубый,
И попытаться сотворить из этой требухи
Фальшивые и тошнотворные духи
Для русофобского всемирового клуба.

А Грибоедов пал как истинный солдат
На поле давней смертоносной брани,
И в этом сам поэт совсем не виноват,
Он оказался лишь в дни тягостных утрат
В неколебимом, но опасном русском стане.

Поэт в России часто сам герой
И жертва высших обстоятельств.
И как же хочется печальною порой
Вдруг возродить поэтов русских строй,
Не спасшихся из плена обязательств.

185 лет минуло с той поры, когда в бою оборвалась жизнь великого поэта, дипломата и странника Александра Грибоедова, открывшего собой печальную эстафету русских поэтов-подвижников и мучеников. И как обидно, что до сих пор скрыта даже от наших соотечественников *вся* правда о жизненном подвиге этого незаурядного человека и ему ещё не возданы должные почести. А в Тегеране за высокими заборами

российского посольства, подальше от глаз обывателей, как будто бы стеснительно спрятан бронзовый памятник поэту-министру, образ которого долгие и долгие годы опутан мифами, клеветой и обманом. Успокаивает только осознание того, что смерть "персидского странника" в пылу политических баталий прошлого была совсем не напрасной: после тегеранской трагедии 1829 г. народы России и Персии больше никогда не воевали друг с другом и даже, наоборот, не раз выступали союзниками. Сбылась первая статья выстраданного Грибоедовым Туркманчайского договора: "Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между Е.В. Императором Всероссийским и Е.В. Шахом Персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными". Получается, что искупительная жертва автора "Горя от ума" принесла России блага и чести не меньше, чем его бессмертные поэтические творения.

Часть 2
СЛЕДУЯ ПУТЯМИ ГРИБОЕДОВА

ГРИБОЕДОВ И ПУШКИН

СХОДСТВО ДВУХ ГЕНИЕВ

Особые страницы в биографии Грибоедова составляют его духовные отношения и житейские встречи с Пушкиным, которые достойны того, чтобы выделить их в целый раздел настоящей книги. И не только потому, что два гения оказали друг на друга колоссальное влияние. Парадокс заключается в том, что отношения между поэтами составляют в истории русской литературы почти уникальный случай дружбы и единомыслия, столь не свойственный для писательской среды (вспомним, какое соперничество сопровождало, к примеру, отношения И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского или А. Блока и Н. Гумилева). Причем поэты сильно повлияли друг на друга не только в творческой сфере и в делах странствий: самое поразительное, что их судьбы просто переплетены удивительными и даже мистическими совпадениями и сближениями.

Начнем с совпадений, которые связали судьбы двух "первых поэтов" России еще с детства. Оба они — Александры Сергеевичи, оба родились в конце "славного" XVIII века, с разницей всего в четыре с половиной года, в одной и той же дворянской среде. Есть данные, что они были знакомы друг с другом еще в 1809–1810 гг. Как вспоминала в своих "Рассказах бабушки", изданных в 1885 г., Е.П. Янькова, "виделись мы <с М.А. Ганнибал> еще у Грибоедовых… В 1809 или 1810 г. Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом… Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки, которые мы брали с Пушкиной-девочкой, с Грибоедовой (сестрою того, что в Персии потом убили)… Мальчик, Грибоедов, несколькими годами постарше его <Пушкина>, и другие его товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на этом <Пушкине> всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно". Конечно, разница в возрасте двух подростков была тогда довольно существенна, но при следующей встрече оба начинающих поэта, хотя старшему из них уже удалось несколько лет прослужить гусаром, не могли не узнать друг друга лучше.

Дело в том, что летом 1817 г. Грибоедов и Пушкин почти одновременно поступили на службу в Коллегию иностранных дел, и по роду службы они, хотя и редко, но встречались. Как вспоминала об этих встречах актриса А.М. Колосова, Грибоедов и

его друзья относились к Пушкину "как старшие к младшему: он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса". А П.П. Каратыгин указывал, что "никого не щадивший для красного словца, Пушкин никогда не затрагивал Грибоедова; встречаясь в обществе, они разменивались шутками, остротами, но не сходились столь коротко, как, по-видимому, должны были бы сойтись два одинаково талантливые, умные и образованные человека".

А. С. Пушкин. Неизвестный художник с инициалами Е.В. С оригинала О Л. Кипренского. 1837 г.

Не сойтись им помешала скитальческая судьба обоих поэтов: Грибоедов уехал на Кавказ и в Персию в августе 1818 г. почти на пять лет, а Пушкин в 1820 г. отправился в ссылку на срок более шести с половиной лет. Так, два молодых поэта оказываются в самом расцвете сил в долгах странствиях, причем не совсем по своей воле. И эти странствия, конечно, не могли не сближать поэтов, в том числе и в их мироощущении. Пушкин не просто любил путешествовать, в своих поездках он получал необычный

творческий импульс, "полнясь пространством и временем". "Петербург душен для поэта. Я жажду краёв чужих, авось полуденный воздух оживит мою душу", — писал он 21 апреля 1820 г., отправляясь в вынужденное путешествие на южные окраины России. Именно с этого первого длительного странствия и началось время скитаний поэта по просторам Отечества. В повести "Станционный смотритель" он словами своего героя сказал: "…В течение 20 лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям…"

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил… —

писал поэт об этих странствиях в 1829 г. в своем шедевре "Дорожные жалобы". По признанию И.И. Пущина, "простор и свобода, для всякого человека бесценные, для нет были сверх того могущественнейшими вдохновителями".

Дотошными исследователями подсчитано, что только по почтовым дорогам и трактам за свою жизнь Пушкин проехал около 35 тысяч верст (русская верста равнялась 500 саженям, или 1,0668 километра). Для сравнения укажем, что это больше расстояния всех переходов путешественника Н.М. Пржевальского. Лишь в Торжке, что лежит на пути между Москвой и Петербургом, поэт побывал более 20 раз. Он посетил сотни губернских и уездных городов, деревень, поселков и станиц, усадеб и имений, останавливаясь на многочисленных почтовых станциях, где нужно было менять лошадей. У поэта не было своего экипажа, и ему приходилось отправляться в дорогу на перекладных, или почтовых, как назывались казенные лошади, нанимавшиеся на станциях. Ехать на них можно было только с. подорожной — документом, в котором обозначался маршрут следования, фамилия и должность ехавшего, цель — казенная или личная — поездки и сколько лошадей можно тому или иному путнику выдать, что строго регламентировалось высочайшими повелениями. Пушкин, получивший после окончания лицея чин коллежского секретаря (10-й класс), а с 1831 г. — титулярного советника (13-й класс), имел право только на три лошади.

Причем за почтовых лошадей всегда брались прогонные деньги (к примеру, за каждую лошадь и версту от Москвы до Петербурга бралось по 10, а на других трактах — по 8 копеек). "Дорожник" за 1829 год советовал, что если путешественник "прибавит сверх прогонов по копейке на версту, а ещё лучше на лошадь, то ямщик за то припрягает лишнюю лошадь, исправляет повозку проворнее, подвязывает к дуге пару звонких колокольчиков, мчит седока, как из лука стрела…". По правилам того времени, "обыкновенных проезжающих", ехавших "по своей надобности", можно было возить не более 12 верст в час зимою, летом — не более 10, а осенью — не более 8 верст.

Однако в день при быстрой езде проезжали более 100 верст, а по хорошей дороге в случае уговора с лихим возницей — "Ну, ямщик, с горы на горку, // А на водку барин даст", — и до 200 верст в сутки.

Так и представляешь, как Пушкин едет на своей казенной тройке по необъятным снегам и колючему морозцу и сочиняет при этом в голове бессмертные строки:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска…

Ни огня, ни черной хаты…
Глушь и снег… Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Пушкин ездил часто теми же дорогами, что и Грибоедов, и в его описаниях "дорожных коллизий" мы можем легко представить себе и схожие впечатления другого поэта. А в дорогах по российским просторам могло происходить и происходило всякое: от мелких неприятностей до встречи с разбойниками или чумой. Вот маленькая зарисовка из письма поэта В.П. Зубову 1 декабря 1826 г.: "Я… выехал 5–6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня, у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от

бешенства я играю и проигрываю… жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых".

Кибитки, коляски, сани, кареты, пошевни, возки, дрожки, линейки, дормезы, телеги, верховых лошадей и бог знает что ещё использовал во время своих странствий Пушкин. Представим себе, сколько времени приходилось ему проводить в тряске по бесконечным русским дорогам, и поймем, что дорожные думы и переживания поэта — неотъемлемая часть его жизни и творческих исканий. А сами дороги поэт знал намного лучше других. В седьмой главе "Евгения Онегина" он даже мечтал, что

Лет чрез пятьсот… дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды…

Однако реальность того времени, "с колеями и рвами отеческой земли", была совсем другой:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для вида прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит…

Послушаем, что писал Пушкин о русских дорогах в своем "Путешествии из Москвы в Петербург (эти слова звучат актуально и для наших дней): "Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились… Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно".

Как же много гениальных творений родились у Пушкина в дороге, и неописуемо жаль, что ему, проехавшему "от западных морей до самых врат восточных" по территории Российской империи, так и не суждено было увидеть дальние страны, где его талант, несомненно, заблистал бы новыми красками. Если же взглянуть на карту пушкинских путешествий, то самыми крайними точками окажутся: на севере Петербург и Кронштадт, на юге — Карс и Арзрум, на западе — Измаил, Тульчин и Псков, а на востоке — Оренбург и Бердская слобода.

Сенека как-то сказал, что человек должен первые 30 лет учиться, вторые — путешествовать, а третьи — рассказывать о своей жизни, учить молодых и творить. В письме к Плинию он красноречиво писал: "Ты не странствуешь, не тревожишь себя переменою мест. Ведь метания — признак большой души… Я думаю, что первое доказательство спокойствия духа — способность жить оседло и оставаться самим собой". Как удивительно, что русская поэзия подарила нам намного больше поэтов "с метаниями", не "оседлых" и не "спокойных духом", чем "нестранствовавших" и нетревоживших себя "переменой мест". К числу подвижников странствий (не важно — вольных или невольных) можно без преувеличений отнести и Грибоедова, и Пушкина, и Лермонтова, и Бунина, и Гумилева, и Бальмонта, и Волошина, чьи души питались новыми жизненными соками именно в дороге, в пути, на перекрестках параллелей и меридианов, пусть даже для некоторых из них эти параллели и меридианы вообще не убегали за русские границы, а сами странствия были не совсем добровольными.

ОБЩАЯ ТЯГА К ВОСТОКУ

Кроме одинаковой склонности к путешествиям, объединял Пушкина и Грибоедова и их устойчивый интерес к Востоку, который возник у поэтов, если не считать их юношеских увлечений и времени учебы, почти одновременно: Грибоедов "заболел" Кавказом в 1818 г., а уже в начале 1819 г. он оказался в Персии, а Пушкин начал разрабатывать "восточные мотивы" после своих посещений Кавказа и Крыма летом и осенью 1820 г., в ходе своих многочисленных поездок по Украине и Молдавии в 1820–1823 гг. и во время пребывания в Одессе в 1823–1824 гг. Поэт, увидевший "лазурь чужих небес, полдневные края", "сады татар, селенья, города", "чуждые поля и рощи", "холмы Тавриды, край прелестный", мог с гордостью писать:

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!
Ужасный край чудес!..

Когда Грибоедов находился в Петербурге, в сентябре — ноябре 1824 г. в Михайловском и Тригорском Пушкин написал свой несомненный шедевр "Подражания Корану", свидетельствовавший о том, насколько хорошо и глубоко поэт знал не только текст, но и сам дух Корана и исламских традиций. "Я тружусь во ставу Корана…" — откровенно писал он тогда брату из Тригорского. Суть своего замысла автор объяснил так: "… Многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний". А далее поэт кратко и ясно оценил стиль и особенности Корана: "…Какая смелая поэзия". Он фактически всем содержанием этого цикла опроверг им же самим упомянутое "мнение *нечестивых*", что "Коран есть собрание новой лжи и старых басен".

Пушкин познакомился с Кораном еще в лицейскую эпоху и потом неоднократно обращался к нему. Вспомним строки из его незавершенного стихотворения, написанного перед высылкой из Одессы летом 1824 г.: "В пещере тайной, в день гоненья, // Читал я сладостный Коран…" И в Одессе, и в Михайловском поэт пользовался переводом Корана, сделанным М.И. Веревкиным и изданным под названием "Книга Аль-Коран, аравлянина Магомета…". Существуют подсчеты, что до $^1/_5$ части "Подражаний" Пушкина почти буквально передают текст Веревкина, но с вольными интерпретациями поэта. Из "Подражаний" видно, что Пушкин просто очарован поэтикой Корана, следуя за стихами его различных сур. Поэт использовал в своем цикле, в частности, следующие суры: 2,25,33,48,59,61,73,93 (см. подробнее об этом в содержательной, хотя и небольшой, книге Н.М. Лобиковой "Пушкин и Восток". М.: Наука, 1974).

Особый интерес у Пушкина вызывала личность самого Мухаммеда (Магомета, как он его называл). В начале XIX века и в Европе, и в России все считали Магомета автором Корана. Переводчик Веревкин писал тогда об этом: "Что Магомет действительно был сочинитель и вымыслитель Аль-Корана, сие есть неоспоримо, хотя, вероятно же, имел себе помощников в

этом". Л ишь позднее в науке установилось мнение, что только некоторые части Корана относятся ко времени Магомета, остальные же части этого сборника нужно отнести к более ранним и поздним срокам. Пушкина же более всего увлекал сам факт того, что Магомет был поэтом-изгнанником, поначалу гонимым и непризнанным. Его жизнь была созвучна с судьбой самого Пушкина, бывшего в то время в ссылке и обеспокоенного темой изгнания ("Всегда гоним, теперь в изгнаньи // Влачу закованные дни").

Новое творение Пушкина "Подражания Корану" потрясло многих его друзей и почитателей. К.Ф. Рылеев, в частности, писал поэту о том, как его брат Лев Пушкин "прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен". Как писал один из первых биографов Пушкина, П.В. Анненков, в год создания "Подражаний" поэт был "до того увлечен гиперболической поэзией произведения, что почел за долг распространять имя Магомета как гениального художника в литературных кругах, и К.Ф. Рылеев недаром, умоляя Пушкина покинуть рабское служение Байрону, употребил в письме своем фразу: "хоть ради твоего любезного Магомета"".

Как тут не вспомнить одного из самых великих поэтов, И.В. Гете, который настолько увлекся восточной поэзией, историей и красотой ислама, что сам называл себя мусульманином:

Что Книгой книг является Коран,
Я, мусульманин, истиной считаю…

В своем монументальном историко-поэтическом труде, до сих пор никем не превзойденном, под названием "Западно-Восточный диван" (1814–1818 гг.), он настолько глубоко и ярко исследовал мир Востока, прежде всего Персии, и шедевры персидской и арабской поэзии, так живо воссоздал в своих собственных стихотворениях восточный колорит, что его, пожалуй, можно поставить в самый первый ряд подвижников культуры и истории Востока и назвать одним из первых певцов Востока в мировой литературе. Только Байрон и Пушкин могут соперничать с ним на этом почетном поприще. (Данная тема, а особенно восточные переклички в творчестве "первого поэта Запада" — Гёте и "первого поэта России" — Пушкина, еще ждет своего исследователя.)

Еще в лицее, по свидетельству многих, Пушкин особенно много внимания уделял изучению истории и философии, в том числе восточной. В рецензии на второй том "Истории русского народа" Н.А. Полевого Пушкин позднее писал: "…В сей-то

священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства…" Во время обучения в лицее Пушкина лекции по истории там читал профессор И.К. Кайданов, автор учебника "Основания всеобщей политической истории", который рассказывал лицеистам и о Персии, "первом великом государстве на свете", и об учении Зороастра (Заратуштры), и об Аравии, и о Мухаммеде и созданной им религии — исламе.

Пушкин, как и Грибоедов, прекрасно знал переводы многих стихотворений персидских лириков, в том числе и "Завещание" Саади, которое, по мнению литературоведов, послужило одним из творческих толчков к написанию им знаменитого "Памятника" с теми же самыми идеями: "Душа в заветной лире мой прах переживет". А в качестве эпиграфа к своему "Бахчисарайскому фонтану" поэт выбрал слова Саади из его поэмы "Бустан": "Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уж нет, другие странствуют далече". Эти же строки поэт повторил позже и в "Евгении Онегине":

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал…
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Позднее, в 1828 г., в стихотворении "В прохладе сладостной фонтанов…" Пушкин воспел последователей поэта Саади, "тешивших ханов стихов гремучим жемчугом", а самого Саади возвел на олимп поэзии, назвав Персию, в которой Грибоедову суждено было прожить более трех лет, "чудной стороной":

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

ВДАЛИ ДРУГ ОТ ДРУГА

Находясь вдали друг от друга и не встречаясь на протяжении значительного количества времени — почти 10 лет, с 1818 по 1828 г., Пушкин и Грибоедов внимательно следили за творчеством каждого. В декабре 1823 г. Пушкин спрашивал из Одессы Вяземского: "Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева" (позднее Грибоедов, чтобы избежать ассоциаций с П.Я. Чаадаевым, сменил фамилию главного героя с Чадский на Чацкий). В этот период Пушкин нарисовал в своей тетради первый портрет Грибоедова, а всего их в портретной "рукописной" галерее поэта насчитывается, но разным интерпретациям, от 3 до 6, что само но себе говорит о многом.

А.С. Пушкин читает "Горе от ума" И.И. Пущину в селе Михайловском, Художник Н. Ге. 1875 г.

В январе 1825 г. И.И. Пущин привез в Михайловское "Горе от ума", и, несмотря на отдельные первоначальные критические замечания, Пушкин воспринял это произведение с особым вниманием, признав в нем выдающееся творение Грибоедова, а самого поэта назвав "истинным талантом". Сначала 28 января он писал П.А. Вяземскому: "Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен". Однако через несколько дней, успев

лучше обдумать пьесу, он сообщал А.А. Бестужеву: "Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин… Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следст. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны…Вот черты истинно комического гения… В комедии "Горе от ума" кто умное действ.<ующее> лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, — очень умно… О стихах я не говорю, половина — должна войти в пословицу". При этом поэт просил своего адресата: "Покажи это Грибоедову".

Комедия Грибоедова оказала сильное влияние на многие произведения Пушкина, особенно на "Бориса Годунова" и "Евгения Онегина". Не вдаваясь в подробности и не упоминая скрытые параллели и созвучия, укажем лишь на то, что в "Онегине" поэт трижды прямо ссылается на "Горе от ума": в шестой главе, когда он воспроизводит строку Грибоедова: "И вот общественное мненье!"; в эпиграфе к седьмой главе со словами из комедии: "Гоненье на Москву! что значит видеть свет! // Где ж лучше? // Где нас нет"; и в восьмой главе, где Онегин, "убив на поединке друга", "ничем заняться не умел" и отправился в путешествие:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Не многих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье…
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

Здесь Пушкин не только следует за Грибоедовым, который писал о чувствах: "Которые во мне ни даль не охладила, // Ни развлечения, ни перемена мест", но и прямо сравнивает Онегина с Чацким, загадывая нам очередную загадку: а где же странствовал

главный герой пушкинского поэтического воображения? Там же, где и Чацкий? Вспомним, что Чацкий появляется зимним утром 1819 г. в московском доме Фамусова после того, как провел три года где-то в далеких краях, и, проехав на лошадях больше семисот верст, видимо, из Петербурга в Москву. Очевидно, что в Россию Чацкий прибыл водным путем, вероятнее всего, с лечебных вод (в Германии?), в комедии упоминается также, что он побывал во Франции. Получается, что и Онегин, отсутствовавший также три года, тоже "на корабле" вернулся в Петербург из Европы. Однако не все так просто.

Дело в том, что в 1827 г. Пушкин хотел в своих черновиках ввести путешествие Онегина в седьмую главу романа в стихах, написав, что его герой, "убив неопытного друга", решился "в кибитку сесть" и отправился, скорее всего, за границу:

Ямщик удалый засвистал,
И наш Онегин поскакал
Искать отраду жизни скучной —
По отдаленным сторонам,
Куда не зная точно сам.

Потом, в 1830 г., поэт решил посвятить путешествиям Онегина отдельную восьмую главу, и весьма важно, что тогда в плане всех глав он назвал её "Странствие". Однако в 1831 г. Пушкин изменил свое намерение, вынув "Странствие" из системы глав и поместив отрывки из "Путешествия Онегина" в качестве отдельного приложения к своему роману. Сам поэт позднее чистосердечно признался в предисловии к этим отрывкам, что "он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России", причем "по причинам, важным для него, а не для публики". При этом, публикуя отрывки, автор не включил в них следующую ключевую строфу, в которой прямо говорилось о европейских странствиях Онегина:

Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено. Уж он влюблен,
Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,

С её развратной суетой.
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: её поля,
Пустыни, грады и моря.

Вот так и получилось, что в своем романе Пушкин вообще не поместил прямых свидетельств о заграничном вояже Онегина. Владимир Набоков в своих обстоятельных "Комментариях к "Евгению Онегину" Александра Пушкина" был совершенно прав, когда писал, что "в окончательном тексте" романа "мы не находим ничего такого, что давало бы веские основания исключить возможность странствий Онегина (после того, как он побывал на черноморских берегах…) но Западной Европе, откуда он и возвращается в Россию". Однако, согласно исследованиям того же Набокова, получается, что, выехав из Петербурга вскоре после дуэли летом 1821 г., Онегин направился в Москву, Нижний, Астрахань и на Кавказ, осенью 1823 г. он попал в Крым, навестил Пушкина в Одессе и в августе 1824 г. возвратился в Петербург, "закончив круг своего русского путешествия, никакой возможности того, что побывал и за границей, не остается".

Нам следует только добавить очень важное замечание. Фактически Онегин странствует только путями самого автора: по России, Кавказу, Крыму, Украине:

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто теми,
Пред ним Валдай. Торжок и Тверь…
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

Жизнь не подарила Пушкину других больших странствий, хотя в период написания романа он несколько раз надеялся на свои путешествия за границу. Поэтому-то глава "Путешествие Онегина" и осталась незаконченной: поэт не хотел писать о том, чего сам не видел. Нам же важно еще раз подчеркнуть, что и в своем главном поэтическом творении Пушкин отдал весомую дань как теме путешествий (с частично восточным колоритом), так и памяти своего товарища по писательскому цеху —

Александру Грибоедову.

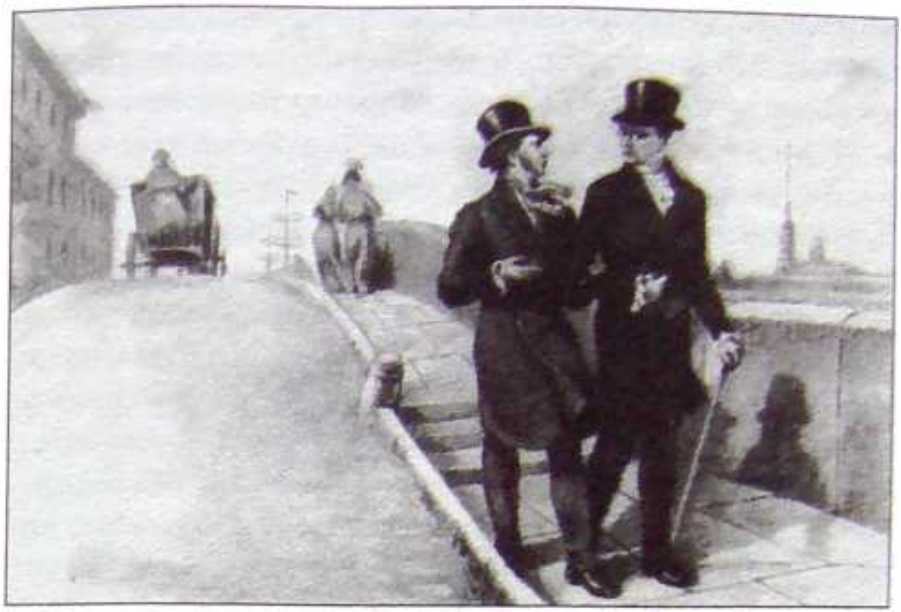
А совпадения в судьбах двух великих поэтов продолжались. Прогремело восстание декабристов, и оба поэта оказались под подозрением в причастности к заговору. Грибоедов был арестован в крепости Грозной 22 января 1826 г., а выпущен с "очистительным аттестатом" лишь 2 июня того же года по милости императора Николая I, с которым имел через четыре дня важную беседу. А Пушкина, вызвав из ссылки в Михайловском, после беседы с глазу на глаз 8 сентября 1826 г., царь также простил. Однако встретиться двум "освобожденным" поэтам удалось только после 14 марта 1828 г., когда Грибоедов вернулся в Петербург из Персии с Туркманчайским договором и остановился в той же гостинице Демута на Конюшенной, где жил в те дни и Пушкин. И какой же малый срок отпустила судьба для общения гениев русской поэзии, прежде чем они расстались уже навсегда, — всего лишь до начала июня, когда новый посланник России в Персии отбыл на Восток уже навсегда.

ДРУЖЕСКИЕ ВСТРЕЧИ В ПЕТЕРБУРГЕ

По сведениям современников и исследователей, в Петербурге в этот период Пушкин и Грибоедов общались довольно близко и встречались не менее 7 раз, не считая незафиксированных никем встреч, которые могли происходить, к примеру, в той же гостинице Демута. При этом поэты встречались на обедах у П.П. Свиньина и М.Ю. Вильегорского, в салоне графа И.С. Лаваля, а в доме Жуковского вместе с Вяземским и Крыловым обсуждали план совместной поездки в Париж. Как вспоминал об одной из встреч К. А. Полевой, "Грибоедов явился вместе с Пушкиным, который уважал его как нельзя больше и за несколько дней сказал мне о нем: это один из самых умных людей России. Любопытно послушать его… В этот вечер Грибоедов читал наизусть отрывок из своей трагедии "Грузинская ночь"".

В середине апреле 1828 г., лишь стало известно о начале новой русско-турецкой войны, Пушкин обращается к императору с просьбой вместе с П. А. Вяземским "участвовать в начинающихся против турок военных действиях", но получает отказ с отпиской, что в армии "все места заняты". Подоплекой отказа стало, в том числе мнение великого князя Константина Павловича, который писал Бенкендорфу: "Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за Главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались высказать

теперь преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться…"



А.С. Грибоедов и А.С. Пушкин в Петербурге весной 1828 г. Акварель В. Свешникова. 1954 г.

Ответ Бенкендорфа поэт получил 20 апреля, а 25 апреля полномочным министром российской миссии в Персии был назначен Грибоедов, приехавший в Петербурге Туркманчайским миром всего лишь за месяц с небольшим до этого. И конечно, рассказы Грибоедова не могли не повлиять на желание Пушкина отправиться на Восток, где вершилась судьба многих народов, где в новых баталиях ковалась слава русского оружия. Пушкин, как и в 1821 г. во время греческого восстания (вспомним фактически отдавшего свою жизнь за свободу Греции, заболевшего и умершего там в апреле 1824 г. Байрона), хотел пойти добровольцем на освободительную войну, но император решил по-другому, сообщив, что "воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные… дарования" Пушкина "в пользу отечества".

И именно в эти дни, а точнее 18 апреля, на квартире у В. А. Жуковского встретились сам хозяин, Пушкин, И. А. Крылов, П.А. Вяземский и Грибоедов, которые договорились вместе поехать в Париж, а может, и посетить Лондон. Вяземский писал жене на следующий день: "Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы… не шутка видеть четырех русских литераторов… Приехав домой, издали бы

мы свои путевые записки…" 21 апреля Пушкин снова обращается к Бенкендорфу, "сожалея, что желания" поехать на войну "не могли быть исполнены", и тут же просит о новой поездке: "Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние".

И как жаль, что поездка по Европе самых лучших поэтов России так и не состоялась, она могла бы стать одним из самых выдающимся событий в истории русской литературы и, конечно, пополнила бы ее сокровища. Вяземский вскоре с горечью констатировал: "Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что, как русский дворянин, имеет он право ехать за границу, но что государю будет это неприятно". Грибоедов же 6 июня отправился в Персию, откуда ему не суждено было вернуться.

Тяжелые предчувствия тогда просто витали в воздухе, и не случайно ли 30 апреля во время ночной встречи в гостях у Пушкина тот предложил друзьям-поэтам (Грибоедова на этой встрече не было) для обсуждения событие, свидетелем которого поэт был в Одессе несколько лет назад: "…приплытие Черным морем к одесскому берегу тела Константинопольского православного патриарха Григория V, убитого турецкой чернью"? (Как иногда могут совпадать события, разделенные и по времени, и по месту действия!)

25 мая Пушкин и Грибоедов участвовали в устроенном Вяземским пикнике в Кронштадте, куда друзья добрались на пароходе. (Любопытно, но именно в этой посадке участвовал с молодой женой Дж. Кэмпбелл, секретарь британской миссии в Персии, предсказавший Грибоедову, что его ждут большие сложности и неприятности в Тегеране.) Наконец, накануне 6 июня 1828 г., как писал Пушкин, он расстался с Грибоедовым "в Петербурге, перед отъездом его в Персию".

О влиянии поэтов друг на друга говорят многие факты. На пример, Грибоедов слышал "Бориса Годунова" в исполнении Пушкина, а тот в набросках предисловия к атому произведению откровенно написал: "Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него глупца". По-видимому, рассказы Грибоедова о Персии и Востоке подействовали на Пушкина и в том смысле, что после этих встреч в его стихотворениях с восточными мотивами окончательно исчезают элементы нарочитой экзотики и чрезмерной романтики и все сильнее становятся признаки реализма. Ведь совершенно

очевидно, что главной темой разговоров двух поэтов, особенно в силу острой любознательности Пушкина, была именно персидская тема, включавшая в себя и историю, и быт, и поэзию, и религию этой страны, или, в более широком смысле, тема Востока, хотя, конечно, этими темами общение поэтов не ограничивалось.

А.С. Грибоедов. Рисунок А.С. Пушкина. 1828 г.

И конечно, встречи с Грибоедовым не могли не сказаться на решимости Пушкина поучаствовать в тех грандиозных событиях, которые разыгрывались в это время на южных рубежах России, о чем свидетельствовали его многочисленные обращения к императору с просьбой отправить его в действующую на Кавказе против турок армию. Получив отказ, поэт от огорчения сильно захворал, впав "в болезненное отчаяние… сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно занемог", как вспоминал навещавший Пушкина сотрудник III Отделения А. А. Ивановский.

Проходит всего лишь несколько месяцев и Пушкин, у которого возникли серьезные неприятности с поэмой

"Гаврилиада", снова бредит Востоком. В письме Вяземскому 1 сентября 1828 г. он пишет: "Ты зовешь меня в Пензу, а того гляди, что я поеду далее, */ Прямо, прямо на восток…*"

Пушкин воспроизводит здесь строку из стихотворения

В. А. Жуковского с показательным названием "Путешественник" (1809), посвященное Востоку и являющееся вольным переводом стихотворения Шиллера с тем же названием. В этот период за поэтом усиливается полицейский надзор: еще в августе по Положению Правительствующего Сената, утвержденного императором, за поэтом устанавливалось строгое "секретное наблюдение". При любой поездке начальству той губернии, куда ехал Пушкин, приказывалось взять его под "секретный надзор".

И конечно, чувствовавший все это поэт не мог не желать тот, чтобы вырваться из-под присмотра и совершить, наконец, тот самый побег, который он "давно замыслил". И как ни странно, ему это вскоре все-таки удалось!..

16 июля 1828 г. Грибоедов сделал в Тифлисе предложение юной, не достигшей еще 16 лет Нине Чавчавадзе, с которой повенчался уже 22 августа, а Пушкин в конце декабря того же года впервые встретил на балу в доме Кологривовых юную красавицу Наталью Гончарову, которой было… 16 лет (вот еще одно совпадение судеб двух поэтов, встретивших почти одновременно свою настоящую любовь). Как писал позднее Пушкин: "Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начали замечать в свете. Я полюбил ее. Голова у меня закружилась…" Свое предложение невесте Пушкин сделал 30 апреля 1829 г. в Москве, когда он уже начал осуществлять план своего долгожданного побега на Кавказ. Ведь 4 марта поэт получил подорожную "на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно", подписанную санкт-петербургским почт-директором К.Я. Булгаковым, минуя III Отделение и нарушая при этом установленный порядок. Поэта ждало весьма длительное странствие: почтовый тракт от Петербурга до Тифлиса охватывал 107 станций и 2670 верст.

А.С. Грибоедов в "персидской шапке". Рисунок А.С. Пушкина. 1831 г.

Куда же все-таки ехал Пушкин? Вопрос этот совсем не праздный, ведь не случайно же П. А. Вяземский, прекрасно знавший и Грибоедова, и Пушкина, сообщал в своих письмах и дневниках того периода, что Пушкин отправлялся куда-то "дальше", "на восток". Позволим себе высказать предположение, которое, конечно, следует еще подтвердить и доказать, что во время своих встреч в Петербурге Пушкин и Грибоедов могли договориться о том, что Грибоедов, имея полномочия по приему в состав своего посольства новых сотрудников, в случае приезда Пушкина в Тифлис попытается принять его на службу или просто возьмет его с собой в Персию. Для Пушкина, как сотрудника Коллегии иностранных дел, которого никуда не отпускало начальство, такой поворот в судьбе мог быть весьма привлекательным, особо учитывая его желание воочию увидеть Персию и постоянные неувязки в тот период с устройством им своей личной жизни (вспомним хотя бы о готовности поэта уехать в Китай в долгосрочную экспедицию).

Пушкину было хорошо известно, что Грибоедов как

российский посланник в Персии должен был длительное время находиться именно в Тифлисе, отправляясь оттуда в Персию и возвращаясь обратно (напомним, что, уехав из Петербурга в конце июля 1828 г., Грибоедов отправился в Персию лишь 6 октября, а из Тегерана в Тавриз он планировал вернуться как раз в конце января — начале февраля 1829 г., когда и произошла трагедия). И Пушкин, отправляясь на Кавказ из Петербурга в начале марта 1829 г., как раз и мог рассчитывать на то, что он застанет Грибоедова в Тифлисе. А само ужасное известие о гибели поэта-дипломата дошло до Пушкина уже в Москве около 20 марта, что не могло не внести коррективы в его планы, Ведь поэт, перестав торопиться, пробыл о Москве до 2 мая, причем он отправился сначала именно в Орел к генералу Ермолову, с которым Грибоедов служил долгие годы.

В Москве поэт обсуждал тегеранскую трагедию со многими своими знакомыми и друзьями, в том числе с сестрами Ушаковыми, о чем может свидетельствовать очень выразительный портрет Грибоедова, который Пушкин нарисовал позднее в альбоме Ел. Н. Ушаковой. Примечательно, что поэт изобразил Грибоедова именно в персидской шапке. (В последний раз Пушкин нарисовал образ Грибоедова в своих рукописях в мае 1833 г.)

Пушкин не скрывая от друзей, что он собирается на Кавказ, и эта новость не могла не вызывать и в Петербурге, и в Москве кривотолки, во-первых, о каком-то мифическом плане Пушкина бежать через турецкое побережье за границу, во-вторых, об опасности такого путешествия, а в-третьих, о бросающейся в глаза схожести судьбы поэта с судьбой Грибоедова. В. А. Ушаков, например, писал: "В прошедшем году (т. е, в апреле 1829 г.) я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию. "О боже мой, — сказал я горестно, — не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова". — "Так что же? — отвечал поэт. — Ведь Грибоедов сделал своё. Он уже написал "Горе от ума"". А в письме московского почт-директора А.Я. Булгакова к брату от 21 марта 1829 г. говорилось о той же самой аналогии: "Он <Пушкин> едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может, и воспеть это все. "Ах, не ездите, — сказала ему Катя, — там убили Грибоедова". — "Будьте покойны, сударыня, — неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного".

ПОБЕГ В АРЗРУМ

Убегая на Кавказ, Пушкин не думал об опасностях своего пути:

Я ехал в дальние края;
Не шумных… жаждал я,
Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и мечей.

Поэт не мог не чувствовать витавшие и над ним порывы "роковой" судьбы. И как это часто бывало в его жизни, он сам смело шел навстречу этим веяниям, проявляя почти безрассудный героизм и стремясь к выполнению задачи, сформулированной им самим еще в марте 1821 г.: "Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа…" Начнем с того, что, фактически убегая из столиц, якобы только для "свидания с братом и некоторыми из моих приятелей", поэт не мог не понимать, что его ждут серьезные неприятности. Конечно, этот побег выглядел довольно странно. О планируемом отъезде поэта знали очень и очень многие, подорожная ему, хотя и с нарушениями, была выписана, Пушкин, приехав в Москву 14 марта, уехал из нее только в ночь на 2 мая. Получается, что недреманное око жандармского надзора почему-то выпустило из поля зрения поэта, и не специально ли Пушкину было дозволено все-таки отправиться на Кавказ, чтобы он мог воспеть впоследствии победы русского оружия? "Узнав случайно, что г. Пушкин выехал из С.-Петербурга по подорожной, выданной ему… на основании свидетельства частного пристава Моллера", Бенкендорф еще 22 марта распорядился о продолжении за Пушкиным "секретного наблюдения" в местах следования. Показательно, что уже 12 мая в Тифлисе генерал И.Ф. Паскевич довел до сведения военного губернатора Грузии С.С. Стрекалова, что направляющийся на Кавказ Пушкин должен состоять под секретным надзором. При этом сам Пушкин прибыл в Тифлис только 27 мая.

"Путешествие в Арзрум" — истинный шедевр мемуаристики и "путевой литературы" — было написано Пушкиным в 1836 г. и в следующем году напечатано в журнале "Современник". Вобравшее в себя впечатления от поездки па Кавказ, оно нс должно восприниматься только в качестве путевого дневника, ведь за внешней повествовательностью в нем просматривается явная художественная задача автора по осмыслению роли и предназначения поэта, оказавшегося в центре великих исторических событий. При этом совсем неслучайно в "Путешествии" сквозной нотой звучит тема Грибоедова,

оказавшегося первым в ряду страдальцев русской поэзии.

Многие загадки пушкинского путешествия в Арзрум еще не разгаданы. Почему поэт совершил свой дерзкий побег из-под неусыпного контроля властей? Действительно ли он, как это можно предположить, первоначально направлялся в Тифлис, чтобы встретить там Грибоедова и, как они заранее договаривались, поступить на службу в его посольство в Персии? Была ли вообще мистическая встреча поэта с той самой арбой, на которой "тело Грибоеда" везли в Тифлис? А если эта встреча была, то где это произошло? Неужели все-таки не в Гергерах (ныне — Гаргар) и не в тех местах, где стоял ранее и где стоит сегодня знаменитый памятник? Встречался ли все-таки Пушкин с вдовой Грибоедова и его тестем А. Чавчавадзе? Можно ли вообще считать это путешествие Пушкина единственным заграничным в жизни поэта, или это было на тот момент лишь "внутрироссийское странствие"?

Показательно, что свое путешествие Пушкин начал с посещения в Орле бывшего главнокомандующего на Кавказе генерала А.П. Ермолова, с которым долгое время работал Грибоедов и о котором последний не мог не рассказывать поэту во время их встреч в 1828 г. Из дневника Пушкина следует, что при встрече собеседники говорили и о *суцьбе* Грибоедова, хотя Пушкин упомянул не о его трагедии, и об отношении к его стихам Ермолова. "О стихотворениях Грибоедова говорит он, — замечал Пушкин, — что от их чтения скулы болят".

Не успел Пушкин выехать из Владикавказа, как 24 мая на пути по Дарьяльскому ущелью он встретил ту самую "искупительную миссию" персидского принца Хосров-Мирзы, направленную шахом Ирана в Петербург для извинений за гибель русского посольства в Тегеране. Вот как Пушкин описал встречу с персидским поэтом Фазиль-ханом, находившимся в составе миссии: "Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! "Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч." Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану

судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям".

"Камергер двора Фатали-шаха". Рисунок А.С. Пушкина. 1829 г.

О том, что эта встреча также навеяла Пушкину воспоминания о Грибоедове, свидетельствует хотя бы то, что в черновой редакции его очерка приводилась цитата из "Горя от ума"… (Пушкин. Поли, собр. соч., т. VIII, с. 1017), а одного из участников персидской миссии, камергера двора персидского шаха, позднее, осенью 1829 г., Пушкин нарисован по памяти в том же альбоме Ел. Н. Ушаковой, где он запечатлел несколькими листами позднее самого Грибоедова в персидской шапке. А в своем наброске стихотворения, посвященного Фазиль-Хану, Пушкин совсем не случайно вспомнил любимых им, так же как и Грибоедовым, персидских поэтов Хафиза (Гафиза) и Саади:

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы русским имена.

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след…
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Позднее, 5 июня, в военном лагере при Евфрате, Пушкин написал и еще одно стихотворение, "Из Гафиза", обращенное к Фаргат-беку, татарскому юноше, входившему в мусульманскую воинскую часть русской армии:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!

В черновике этого стихотворения сохранилась важная запись Пушкина: "Шеер I. Фаргад-Беку", которая может свидетельствовать о том, что поэт задумывал тогда написать целый цикл стихов (по-азербайджански "шеер" или "шеир" означает "стихотворение") из Хафиза и других персидских лириков, но не смог впоследствии этого сделать. К тому же, по мнению исследователя Д.И. Белкина, указанный стих являлся своеобразным ответом на поэтическое творение "В Персию" поэта А.Н. Муравьева, который вскоре совершит знаковое и отмеченное Пушкиным паломничество в Иерусалим.

Стихотворение "Не пленяйся бранной славой…", скроенное из элементов русской и персидской лирики, отличает неодобрительное отношение поэта к жестокостям войны и его уверенность, что смерть не встретит "молодого красавца". Такое же настроение человеколюбия и желания избежать лишних смертей звучит и в пушкинском описании последних минут жизни воевавшего в русских рядах и раненого Умбай-бека из Ширвана: "Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга".

Следует дополнительно отметить, что в описании встречи с персидским принцем Пушкин больше внимания уделил поэту Фазиль-Хану, нежели самому принцу. Думается, что, когда Пушкин в 1835 г. работал над "Путешествием", ему уже была хорошо известна довольно постыдная для властей предержащих

история, связанная с тем, что слишком пышные многомесячные приемы принца в России и царскими властями, и аристократией резко контрастировали с замалчиванием героической судьбы Грибоедова и официальными обвинениями его в том, что он якобы сам виноват в разыгравшейся трагедии. Встретив миссию персидского принца, Пушкин также не знал, что в ее составе в качестве личного врача принца находился том самый Гаджи-Баба (Хаджи-Баба), о котором он упомянул в "Путешествии", рассказывая о прошлом Арзрума. Дело в том, что этот врач, посланный Аббас-Мирзой на обучение в Лондон, провел там 9 лет и стал прообразом главного героя двух романов английского писателя Дж. Мориера "Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана" и "Мирза Хаджи-Баба Исфагани в Лондоне". Пушкин прекрасно знал эти романы, и, наверное, он бы сильно удивился, встретив наяву по пути в Тифлис легендарного литературного персонажа.

Кроме упоминания романов Дж. Мориера в своем "Путешествии" Пушкин цитировал (причем на английском языке) в описании тифлисских бань известную поэму английского романтика Т. Мура "Лалла-Рук", которая была очень популярна в России. А в ряде мест его путевых записок можно заметить перекличку с также широко известными в России "Персидскими письмами" Монтескье. Пушкин при этом, как и Грибоедов ранее, переходил в описании увиденного им во время странствий от абстрактного романтизма к явному реализму, навеянному зримыми приметами восточного мира.

Снова ощутив благотворное влияние Востока, Пушкин создает во время своего длительного путешествия и позднее новые поэтические шедевры: "На холмах Грузии лежит ночная мгла…", "Калмычке", "Олегов щит", "Дон", "Брожу ли я вдоль улиц шумных…", "Кавказ", "Обвал", "Делибаш", "Монастырь на Казбеке", "Опять увенчаны мы славой…", "Был и я среди донцов…", "Меж горных стен несется Терек…", "Стамбул гяуры нынче славят…", "Подражание арабскому", "Когда владыка ассирийский…", "Золото и булат", неоконченную поэму "Тазит". И как бы восторженно ни звучали все эти стихи, в них то и дело слышалась печальная нота тягостных предчувствий:

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.
И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина

Мой примет охладелый прах?

Совершая свой побег на Кавказ, Пушкин как будто бы бежал еще дальше — к "вольному" небу, "вожделенному" свету и "вечным лучам", а иначе — к Богу. Горный монастырь на Казбеке поэт отчетливо увидел в образе спасительного ковчега:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь над облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Путешествие в Арзрум было одним из самых тяжелых испытаний в жизни поэта, прежде всего потому, что его ждали трудности долгого и изнурительного пути то верхом, то пешком, бывало по 40–50 верст в день, а также опасности угодить под "горскую пулю" в любом месте, о чем рассказано на многих страницах "Путешествия". В дороге поэту пришлось действительно показывать чудеса выносливости.

Прибыв в Тифлис 27 мая, на следующий день после своего тридцатилетия (1829 г.), Пушкин не мог не вспоминать ежедневно о Грибоедове, о котором в этом городе действительно напоминало очень многое, ведь он уехал из него с молодой женой в Персию всего лишь восемь с половиной месяцев назад. А встречаться Пушкину пришлось со многими друзьями и знакомыми Грибоедова, которые не могли не рассказывать о нем гостю: с гражданским губернатором П.Д. Завидейским, соавтором Грибоедова в работе над очень важным "Проектом Российской Закавказской компании", с П.Н. Ахвердовой, воспитательницей жены Грибоедова Нины Чавчавадзе, с редактором "Тифлисских ведомостей" П.С. Санковским. Почему Пушкин не упомянул в своем "Путешествии" о встрече с вдовой Грибоедова и ее отцом князем А.Г. Чавчавадзе, не совсем ясно: то ли этих встреч не было, то ли поэт не мог рассказать о них в силу ряда причин, о которых расскажем позже.

В Тифлисе во время первого своего пребывания Пушкин прожил всего лишь около 14 дней: с 26 мая по 10 июня (во второй раз — по возвращении — всего 6 дней — с 1 по 6 августа 1829 г.). Однако он навсегда запомнил этот город, где "познакомился с тамошним обществом" и провел несколько вечеров "в садах при звуке музыки и песен грузинских". "Очаровательный край! — писал он. — Сколько я почерпнул истинной поэзии, сколько испытал разных впечатлений". Пушкину понравилась и восточная экзотика города, и тифлисские бани, и местная публика. И не случайно Евгений Онегин путешествует в незавершенной главе "Странствия" по берегам Арагви и Куры, а по "первоначальному замыслу" Пушкина его любимый герой должен был "погибнуть на Кавказе" или "попасть в число декабристов".

Памятная доска на Орбелиановской бане в Тбилиси

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Получив 10 июня разрешение Паскевича присоединиться к армии, Пушкин, меняя лошадей на казачьих постах, "галопом помчался" к лагерю русских войск, преодолев в первый день 72 версты, во второй — 77, в третий — 94, в четвертый — 46, всего, с учетом пройденного еще походным порядком вместе с войсками, около 320 верст за 4 дня. Такую нагрузку мог себе позволить только самый опытный кавалерист. И именно в эти

изнурительные для поэта дни произошли два события, которые автор "Путешествия" описал с особым настроем. Первое произошло 11 июня неподалеку от крепости Гергеры. Вот слова автора: "Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении… Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами… Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли… Я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. "Откуда вы?" — спросил я их. "Из Тегерана". — "Что вы везете?" — "Грибоеда". Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис".

Далее в "Путешествии" следует широко известный, примерно полуторастраничный текст о Грибоедове, который включает в себя и воспоминания Пушкина о встречах с другом, в том числе о последней из них с трагическими предчувствиями поэта-посланника, и точный психологический портрет Грибоедова с особенностями его характера и вехами судьбы, и слова о завидном для Пушкина геройском завершении жизненного пути его товарища и тезки: "Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна".

Не о такой ли смерти думал и мечтал для себя сам Пушкин, который в трагические дни дуэльной истории с Дантесом бесстрашно шел на поединок, словно в смертельный бой, защищая и свою честь, и честь своей жены. Также геройски Пушкин вел себя и во время своего арзрумского приключения, беря пример в том числе и с Грибоедова. И.П. Липранди как-то отметил такую показательную черту характера поэта: "Александр Сергеевич всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, на карту" (напомним, что и игроком Пушкин тоже был азартным!).

Встреча на перевале. Одна из версий знаменитой встречи изображенная неизвестным художникам

Сетуя, что "замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов", Пушкин фактически ответил на вопрос, почему в его "Путешествии" появилась отдельная вставка о Грибоедове: "Написать его биографию было бы делом его друзей…" Пушкин, по сути, отдал дань памяти поэту-мученику, имя которого сразу же после гибели стало запретным с учетом загадочных и политически острых обстоятельств его гибели.

А была ли сама эта встреча в горах, мистическое значение которой бросалось в глаза уже в 1830-е гг.: ведь в ее итоге на Кавказе произошла символическая передача условной эстафеты "одного из первых поэтов России" — от Грибоедова к непревзойденному никем Пушкину, но одновременно и трагической линии судьбы от более старшего к более молодому поэту? Для сомнений действительно есть немало оснований. Во-первых, еще никем точно не рассчитано, могли ли вообще встретиться именно в этот день и именно в этом месте Пушкин и траурная процессия. Во-вторых, Пушкин, зная прекрасно пройденный им маршрут, почему-то, как будто бы специально, перепутал в своем повествовании положение мест следования: крепость или село Гергеры расположена на самом деле до Безобдальского перевала, а не после него, как он указал в тексте, рядом с этим селом нет никаких "трех шумных потоков" и стоит оно не на "высоком берегу реки". В-третьих, и это самое главное,

Пушкин увидел не внушительную и торжественную процессию, а весьма скромную и немногочисленную: два вола везли арбу, сопровождаемую несколькими грузинами.

Попробуем разгадать эту загадку, которая давно уже будоражит умы исследователей. Начнем с того, что тело убитого Грибоедова действительно пережило удивительную эпопею. После разгрома миссии оно в силу страшных повреждений было с величайшим трудом опознано среди трупов убитых только по сведенному мизинцу — итогу ранения, полученного поэтом во время его дуэли в 1819 г. с А.И. Якубовичем. В церковных книгах сохранилась запись, свидетельствующая о том. что в 1829 г. в армянской церкви Тегерана в течение двух месяцев находились три гроба с покойниками: русским послом Грибоедовым, князем С. Меликовым, также погибшим во время резни, и богатой пожилой армянкой Воски-ханум. (Остальные погибшие, до перезахоронения их на территории армянской церкви в 1836 г., были просто свалены в яму за городом и находились там около 7 лет.)

В архиве той же церкви имеется запись о церемонии погрузки на телегу гроба посланника для отправки к русской границе. Этот гроб самой простой работы, покрытый "черным плисом", который везли "в трахтраване, обшитом белым сукном", сопровождался до границы с Россией сотней вооруженных сардаров во главе с персидским офицером и сначала был доставлен в Тавриз, где при участии русского консула А.К. Амбургера к гробу приделали ручки и накрыли его малиновым балдахином, на котором золочеными нитками был вышит российский герб.

1 мая 1829 г. гроб был переправлен на пароме через Араке в районе Джульфы (вот новое совпадение: именно в этот день Пушкин выехал из Москвы на Кавказ) и торжественно встречен на российском берегу войском и духовенством. На всем пути следования траурного кортежа в сторону Нахичевани его сопровождала скорбящая толпа людей. В Нахичевани, в силу изуродованности тела и его жуткого состояния по причине длительности хранения, гроб был законопачен и залит нефтью. 3 мая гроб с телом Грибоедова выехал из Нахичевани, его сняли с колесницы и повезли дальше уже на простой арбе, потому что долгая горная дорога не допускала иного транспортного средства, а также не способствовала массовому торжественному шествию. Сопровождать гроб через Эчмиадзин, Гумри и Джалал-Оглы в Тифлис было поручено прапорщику Тифлисского пехотного полка Макарову с командой солдат этого полка.

Почему же до Безобдальского перевала и крепости Гергеры процессия двигалась так долго — до 11 июня, ведь примерное

расстояние до них от Нахичевани по дорогам того времени — не более 500 верст? Объяснение состоит в том, что тогда в разных местах вспыхивала эпидемия чумы, повсюду вводились карантины, на дорогах выставлялись заставы и ограничивался проезд транспорта и людей. Траурный кортеж вынужден был не раз останавливаться из-за этих карантинов и лишь в конце июня достиг предместья Тифлиса — Ортачала (Артчала) в трех верстах от города, где снова пришлось пережидать карантин. Лишь 17 июля гроб с телом был доставлен в Сионский кафедральный собор Тифлиса, а 18 июля погребен в монастыре Святого Давида на горе Мтацминда (еще одно совпадение: именно на следующий день Пушкин отправился из Арзрума обратно в Тифлис). Так закончилась почти полугодовая эпопея с останками поэта.

Встреча А.С. Пушкина с телом А.С. Грибоедова. М. Сарьян. 1936–1937 гг.

Пушкин, выехав из Тифлиса 10 июня и проехав за два дня почти 150 верст, именно 11 июня въезжал верхом в Армению со стороны Грузии, через Гергеры, по дороге, которая нынче заброшена и заменена другой, того же приблизительно направления, связывающей районные центры Армении — Степанаван (раньше Джалал-Оглы) и Калинине) (раньше Воронцовка) — со столицей Грузии Тбилиси. Перевал, где состоялась, но некоторым данным, историческая встреча, находится между Ванадзором и Степанаваном, раньше он назывался Безобдальским, по был переименован в Пушкинский в честь печальной встречи, так же как и село Гергеры, которое

получило имя Пушкино. Высота Пушкинского перевала 2030 метров и с него действительно открываются потрясающие виды на Армению. В 1938 г. на перевале в произвольно выбранном месте был установлен памятник-родник с бронзовым барельефом, изображающим Пушкина на коне, рядом с ним арба, запряженная волами, а на арбе гроб. Памятник был выполнен скульптором С. Саркисяном и архитектором Г. Мурзой, его собирались установить сначала на вершине горы, но из-за геологических условий не смогли этого сделать. Поэтому он был установлен на 860 метров ниже, у старого шоссе Стенанаван — Ленинакан (ныне Гюмри). В 1971 г. через гору построили двухкилометровый тоннель, и памятник стало неудобно посещать, так как он находился вдалеке от новой дороги. Поэтому было принято решение перенести его ближе к району села Гергеры. Памятник переместили почти на 8 километров и 30 ноября 2005 г. открыли на новом месте, опять же совершенно произвольном. Получилось, что памятник стоял и стоит совершенно не там, где, согласно описанию поэта, произошла та самая встреча. Думаю, что когда-нибудь должна будет восторжествовать справедливость и памятник будет перенесен туда, где находится его законное место.

Но была ли все-таки встреча на перевале? Посмеем утверждать, что была. Указанные выше сомнения рассеиваются, если учесть следующие существенные обстоятельства.

1. Время следования Пушкина в одну сторону, а гроба с телом Грибоедова в другую сторону по одной и той же дороге, соединявшей Грузию и Армению, доказывает, что они *могли* пересечься в указанной точке *именно 11 июня.* Надеюсь, что где-нибудь в архивах еще прячутся документы о точном расписании движения процессии, которые подтвердят это утверждение.

2. Неточности в описании Пушкиным порядка следования и деталей окружающей природы можно объяснить не только тем, что он описывал эти события по памяти, хотя и с использованием своего кавказского дневника, позднее, в 1830-м или 1835 г., но и тем, что, по-видимому, для поэта такие детали не имели существенного значения, ведь он передавал не только и не столько четко документальную картину увиденного, сколько яркий художественный образ своего путешествия. По мнению исследователя К.В. Айвазяна, Пушкин то ли по забывчивости, то ли специально назвал именем Гергеры село Джалал-Оглы (в 1924 г. переименованное в честь Степана Шаумяна в город Степанаван), которое подходит по всем приметам: и три речки сливаются здесь перед въездом в село, и стоит это село, представлявшее собой крепость, именно на "высоком берегу".

Мне посчастливилось проехать тем же самым путем, которым следовал Пушкин в Арзрум по Армении, и я могу с полной уверенностью утверждать, что историческая встреча состоялась никак не на самом Пушкинском перевале и никак не в Гергерах, а именно в Джалал-Оглы, которое полностью подходит под то описание, которое оставил поэт: "На высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, поднимались по крутой дороге". Именно в Джалал-Оглы была крепость, построенная в 1826 г при участии Дениса Давыдова, и именно там сливаются три речки — Дзорагет, Спитак и Харам-джур. Доказательством этого открытия являются красноречивые фотографии, которые были сделаны мной в путешествии: и самого перевала, и Гергер, и Джалал-Оглы…

Проехав путем Пушкина до Спитака, а потом повернув не в сторону нынешнего Эрзерума, а в сторону Еревана, где Пушкин никогда не был, я не мог не воодушевиться увиденным, написав 1 мая 2013 г. прямо "на колесах" вот это стихотворение "Дорога на Эрзрум":

Дорогу Пушкина — с Тифлиса до Спитака —
Проехали мы за семь часов
Без спешки, суеты и страха
Даже в горах, под сенью облаков.

И убедились, что совсем не просто
Великим ныне следовать путям:
Развалины, препятствия, погосты,
Дороги скверные и всяческий бедлам…

Живут ведь скудно, просто, небогато
Народы горные, как прежде, и сейчас,
Но в этом они вряд ли виноваты,
А виноват лишь батюшка-Кавказ.

Он и суров, и часто беспощаден,
И не меняется со временем совсем,
И от него спокойствия награды
Ты не напросишься никак, ничем.

То войны, то вражда, то склоки
Религий, то землетрясений дрожь,
И эти тяжкие истории уроки
Никак не вылечишь и не поймешь.

В эпоху Пушкина тут пушки грохотали.
Народы и империи делили вновь Кавказ,
Но сколько эпоса и страсти мы узнали
В тот для истории весомый самый час.

Поэмы и романы, песни и картины,
Живые судьбы и геройства образцы —
Нам подарил и той истории седины.
Потом продолжили дарить и деды, и отцы…

А мы тем временем Гергеры миновали
И Пушкинский высокий перевал,
И место, где поэта повстречали
Те, кто с арбою гроб сопровождал.

Какие же далекие и старые картины!
А сердце то и дело встрепенется вновь.
Не зря проехали мы горы и низины,
Почувствовав былые страсти и любовь.

Мы не доехали пока что до Эрзрума:
Не всё так просто и свершается за раз.
Придется вновь дорожного ждать шума
И снова дикий покорять Кавказ.

3. Важное обстоятельство художественности, а не строгой документальности, вероятнее всего, сыграло свою роль и в том, как скупо описал Пушкин саму траурную процессию. Напомним, что все обстоятельства гибели Грибоедова были фактически преданы забвению сразу же после трагедии и даже упоминать о них тогда было запрещено цензурой. Пушкин хотел прежде всего обратить внимание российской публики на саму память о великом русском поэте, погибшем на дипломатическом посту, и разукрашивать картину проводов "уже почти забытого светом" поэта он просто не посчитал нужным.

При этом Пушкин отнюдь не погрешил против истины. Мы знаем, что гроб с телом в горных условиях везли действительно на арбе (примечательно, что первоначально поэт писал, что ее везли "четыре вола", потом — что "два вола"), а колесница или следовала далее, или просто была оставлена где-то на очередном карантине. Не забудем, что шел уже 38-й день путешествия гроба из Нахичевани, и, конечно, на безлюдной горной дороге никому не нужна была торжественная процессия с "малиновым

балдахином", "расписанным золотом российским гербом", и марширующей ротой солдат. Все происходило намного прозаичнее: сопровождавшие гроб солдаты, кстати, именно Тифлисского, а значит, грузинского, полка, во время нудного пути по жаре и горным перевалам, могли не соблюдать строгости марша, рассредоточиваться, отдыхать в дороге и т. д. Вот почему и могли сопровождать арбу, как писал Пушкин, "несколько грузин" (Пушкин ведь не утверждал, что они не были солдатами).

Немаловажно также учесть, что первоначальным пунктом следования прапорщика Макарова с солдатами и гробом Грибоедова был именно Джалал-Оглы, где располагалась крепость, которая была построена в 1826 г. под руководством — и это весьма удивительно! — именно Дениса Давыдова, известного поэта и партизана. Вероятнее всего, в Джалал-Оглы почетному эскорту пришлось пробыть из-за эпидемии чумы некоторое время и, по-видимому, каким-либо образом перегруппироваться или даже переформироваться.

4. До сих пор появляющееся в печати сомнение, что в отличие от траурной процессии Пушкин якобы не мог так быстро миновать все "чумные карантины", когда он выехал из Тифлиса, опровергается очень просто: поэт ведь ехал из еще не охваченного эпидемией Тифлиса в сторону боевых действий с официальным разрешением на это, свернув впоследствии с дороги на Эривань в сторону турецкого Карса и Арзрума. О самой чуме по пути следования поэт узнал как раз после встречи с останками Грибоедова, когда он встретил "армянского попа", ехавшего в Ахалцык из Эривани: "Что именно нового в Эривани?" — спросил я его. "В Эривани чума, — отвечал он". Кстати, на обратном пути из Арзрума, куда уже пришла угроза чумы, Пушкин, так же как и траурная процессия, несколько дней вынужден был потерять в чумных карантинах: до Тифлиса он добирался больше 11 дней.

Вот то самое место, где, вероятнее всего, произошла историческая встреча. Только это произошло не в Гергерах, как ошибочно указывал Пушкин, а в Джалал-Оглы (с 1924 г. Степановой)

5. Не противоречит факту встречи и то обстоятельство, что текст о Грибоедове смотрится в общем контексте "Путешествия" как отдельная и важная вставка. По мнению исследователя С. А. Фомичева, этот отрывок был написан Пушкиным в качестве самостоятельного произведения еще в 1830 г. для печатания в "Литературной газете" в качестве второй статьи о его путешествии (первая — "Военная Грузинская дорога" — была опубликована там же в начале 1830 г.). Эту версию подтверждает хотя бы то, что в беловом автографе "Путешествия" "грибоедовский эпизод" помещен на отдельных листах, заключен знаком концовки, а перед его начальными словами рукой Пушкина сделана пометка карандашом "Статья II". По-видимому, никакие неточности в тексте о Грибоедове не смущали Пушкина, желавшего напомнить читателям о том, кого Россия так трагически потеряла.

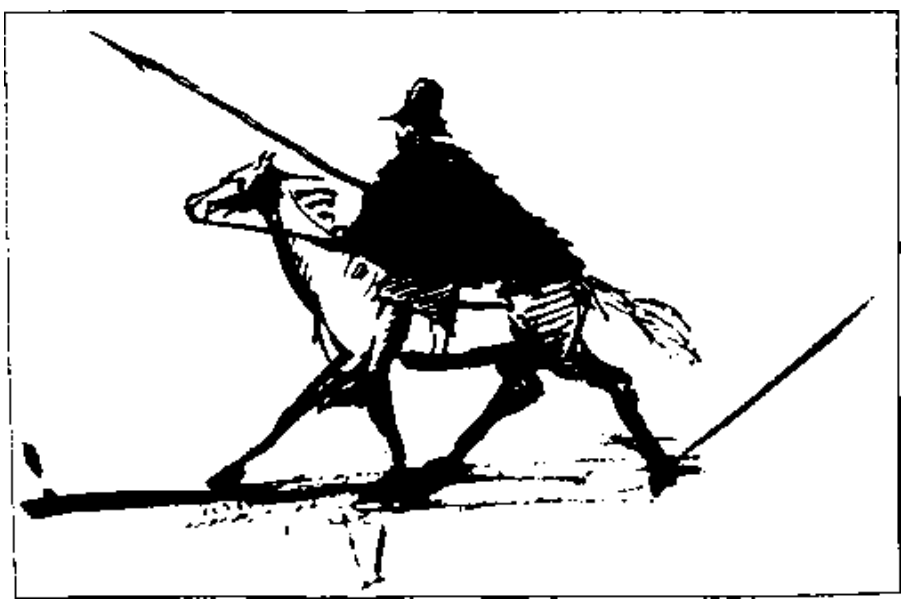
Памятник-родник с бронзовым барельефом, изображающим историческую встречу, установлен в настоящее время па трассе неподалеку от села Гергеры

Итак, печальная встреча состоялась, и она не могла не наложить свой отпечаток на все путешествие, которое уже на следующий день, 12 июня, принесло поэту новый прилив эмоций. Ведь Пушкин добрался наконец до границы своего бескрайнего Отечества. Послушаем его яркое признание: "Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. "Вот и Арпачай", — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России".

Какой восторг и какое разочарование звучат в этих словах поэта: наконец-то он вырвался за пределы своего Отечества, на

вольные просторы мира, за ту потаенную границу, преодолеть которую мечтал долгие годы, куда не раз хотел совершить свой побег странника-поэта, но и тут снова оказалась вроде бы русская земля. Правда, тогда поэт еще не знал, что ему "посчастливится" углубиться на территорию Турции до самого Арзрума, а это не менее 300 верст по иноземным путям-дорогам. В отличие от земель Грузни и Армении эти земли, хотя и войдут впоследствии в состав Российской империи, позднее, в 1918 г. в революционную эпоху, вновь вернуться в состав Турции. И можно с полным основанием считать, что Пушкин целых полтора месяца, с 12 июня по 28 июля, единственный раз в жизни, но все-таки находился за границей.

Во время штурма Арзрума поэт находился рядом с Паскевичем на чистом месте, когда по ним палили турецкие батареи. Так же как Грибоедов сделал это во время русско-персидской войны, Пушкин проверил свою храбрость иод обстрелом орудий. Как вспоминал М.Ф. Юзефович, "Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и, особенно, слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко". А однажды, сакля, в которой несколько минут до этого находился поэт, взлетела на воздух от прямого попадания в пороховой запас. Поэт, оказывавшийся каждый раз в центре грозных батальных событий, в итоге имел полное право сказать:



А. С. Пушкин на коне. Автопортрет. 1829 г.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку:
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

Пушкину, не участвовавшему но молодости в баталиях 1812 г., посчастливилось принять живое участие в новых победах русского оружия, определивших будущее целого края:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арарyме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

Следует особо отметить: именно во время своего боевого похода Пушкин рассказывал друзьям-офицерам, что по его первоначальному замыслу Евгений Онегин должен был или погибнуть на Кавказе (опять реминисценция с судьбой Грибоедова!), или попасть в число декабристов. Вернувшись 1 августа в Тифлис и пробыв там 6 дней, поэт первым делом посетил свежую могилу Грибоедова, который был похоронен всего лишь полмесяца назад. По воспоминаниям Н.Б. Потокского, перед могилой "Александр Сергеевич преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы". Сказано скупо, но мы можем представить себе, какие чувства обуревали поэта в этот миг прощания и преклонения перед другом. По некоторым данным, Пушкин посетил могилу Грибоедова дважды, что подчеркивает его особое отношение к памяти о друге. Пушкину суждено было посещать еще не обустроенную могилу, на которой известный памятник появится намного позже, и это не могло не усиливать у поэта горестные ощущения горечи, забвения и тревоги…

Очередной загадкой является то, что и на этот раз Пушкин не упомянул о своей встрече в Тифлисе ни со вдовой Грибоедова Ниной, ни с ее отцом, поэтом и государственным деятелем А.Г. Чавчавадзе. По-видимому, эти встречи тогда все-таки состоялись, но поэт не мог упомянуть о них в 1835 г., так как Чавчавадзе с группой его единомышленников был обвинен в 1832 г. в антиправительственном заговоре, осужден и отбывал наказание.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С КАВКАЗА

Вернувшись в Петербург, Пушкин прочитал тенденциозные "Воспоминания о незабвенном А.С. Грибоедове" Ф.В. Булгарина, что не могло не укрепить его желания сказать свое, честное слово о Грибоедове, что он и сделал потом в своем "Путешествии". Кроме этого Пушкин еще несколько раз цитировал поэта и вспоминал о нем в своих статьях и письмах, встречался с людьми, которые его хорошо знали. Весьма любопытно, что в январе — феврале 1830 г. Пушкин общался в Петербурге с английским офицером и дипломатом Джеймсом Эдвардом Александером, долгое время жившим в Персии, встречавшимся там с Грибоедовым и написавшим книгу "Путешествие из Индии в Англию", изданную в Лондоне в 1827 г., в которой, в частности, утверждалось, что Мирза-Якуб, тот самый "зловещий евнух", сыгравший роковую роль в судьбе Грибоедова, был тесно связан с английскими резидентами в Персии. Не будет отступлением от истины утверждать, что во время этих встреч обсуждались потаенные стороны трагедии в Тегеране.

К Грибоедову, без всякого сомнения, можно отнести и вот эти слова Пушкина, которые он адресовал памяти М.Б. Барклая-де-Толли:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и умиленье!

Поездка на Восток на время успокоила страсть Пушкина к путешествиям, но уже в конце 1829 г. он написал, по сути, программное стихотворение и для самого себя, и для многих путешественников, назвав несколько мест, которые ему хотелось бы посетить:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убогая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не ноет уже ночной гребец.
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем… но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?

В этом стихотворении поэт упомянул несколько стран, куда влекли его мечты странника — Китай, Францию, а также Италию и, вероятно, Испанию. А какова была реальная подоплека этого стихотворения. Оказывается, очень и очень любопытная и вновь связанная с Востоком. Дело в том, что после возвращения с Кавказа поэт неожиданно встретился со своим старым знакомым по работе в Коллегии иностранных дел П.Л. Шилингом, человеком широкого научного кругозора, занимавшегося не только физикой, но и синологией (китаеведением). Зная китайский язык, Шиллинг изучал рукописи Древнего Китая и занимался организацией в эту страну научной экспедиции, которая должна была отправиться туда вместе с российским посольством. Он пригласил Пушкина, известного своей страстью к путешествиям, присоединиться к этому весьма трудному и опасному предприятию, поскольку Китай в ту пору был "закрытой страной" для европейцев. На интерес Пушкина к Китаю повлиял и знаменитый своими авантюристическими наклонностями Н.Я. Бичурин (в монашестве Иакинф), который в качестве начальника православной духовной миссии прожил в Китае 14 лет и написал целый ряд книг, в том числе "Описание Тибета". Пушкин не только был знаком с этими книгами, но и часто общался с Бичуриным, открывавшим поэту тайны далекого Китая и также звавшим его в намеченную экспедицию.

Из-за сложностей со сватовством к Н.Н. Гончаровой поэт находился в тот период на грани отчаяния и поэтому живо откликнулся на предложение друзей. 7 января 1830 г. он отправился на прием к Бенкендорфу, но, не застав его, написал ему письмо, в котором повторил свою старую просьбу о посещении Европы и сообщил о своем новом желании посетить Китай: "Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством".

По сути, в данном случае поэт поступал так же, как Байрон перед его женитьбой. Опасаясь отказа в сватовстве, Пушкин признавался в своем незаконченном отрывке "Участь моя решена, я женюсь…", переведенном якобы с французского, о своем твердом и навязчивом желании уехать подальше от родных просторов: "Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, — и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся, морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго

смотрю на убегающий берег — My native land, adieu (Моя родная земля, прощай. — *англ.)"*. Причем поэту почти неважно было, куда ехать. В том же 1830 г. в "Домике в Коломне" поэт признавался, что ему все кажется, "что в тряском беге // По мерзлой пашне мчусь я на телеге":

Что за беда? не все ж гулять пешком
По невскому граниту иль на бале
Лощить паркет или скакать верхом
В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
Со станции на станцию шажком…

Однако его надеждам на новое путешествие не суждено было сбыться. 17 января он получил ответ Бенкендорфа с уведомлением, что император "не соизволил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того, слишком отвлечет вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай так же не может быть удовлетворено, потому что все входящие в нее лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора". Как же Николай I не хотел никуда отпускать поэта, в первую очередь в силу его сомнительной "неблагонадежности"! В марте 1830 г. он не отпустил Пушкина даже в Полтаву с Николаем Раевским. И как мог император утверждать, что путешествие в Европу "отвлечет" Пушкина от его "занятий", ведь литературное поприще, особенно для гениального поэта, в том-то и состояло, чтобы "напитываться новыми впечатлениями" и на их основе создавать новые произведения.

М. А. Цявловский в своих, к сожалению, уже забытых статьях о Пушкине приводил вообще феноменальный для темы нашего исследования факт: когда зимой 1830 г. Пушкину было отказано в посещении Европы и Китая, он ухватился за мысль проситься в Персию, поданную ему тем самым чиновником III Отделения А. А. Ивановским, который навещал Пушкина еще в 1828 г. Свидетельств факта такого прошения в документах не сохранилось, но ведь оно могло быть высказано и в устной форме, например во время одной из встреч Пушкина с Бенкендорфом. В любом случае, готовность Пушкина отправиться туда, где погиб его друг и выдающийся дипломат Грибоедов, говорит о многом: и о смелости, и о готовности жертвовать собой, и о дружеской верности великого поэта!..

Пушкину приходилось еще долго оправдываться за свою поездку в Арзрум, "за которую имел я несчастие заслужить

неудовольствие начальства", как писал поэт Бенкендорфу 21 марта 1830 г. При этом он привел слова, сказанные как-то самим шефом жандармов Пушкину: "…Вы вечно на больших дорогах". Тем самым Бенкендорф как бы намекнул поэту: зачем ему ездить в далекие страны, если он и так всегда в пути и движении, хватит, мол, и этого.

Накануне свадьбы поэта, 12 февраля 1831 г., из поездки в Персию вернулся старший брат Натальи Николаевны Дмитрий Гончаров, который, будучи чиновником Министерства иностранных дел, как раз и занимался в Тавризе разбором вещей и бумаг Грибоедова. И совершенно очевидно, что он не мог не рассказывать Пушкину во время их встреч о подоплеке и реальных обстоятельствах гибели поэта-посланника. Неизвестно, привез ли Гончаров с собой в Москву что-либо памятное из грибоедовских вещей…

Между тем венчание поэта и Натальи Гончаровой прошло 18 февраля 1831 г. и было омрачено предзнаменованием, которое уж слишком явно напомнило то, которое произошло два с половиной года назад во время венчания Грибоедова с Ниной Чавчавадзе 22 августа 1828 г. в Тифлисе, когда болевший лихорадкой жених обронил обручальное кольцо и сказал, что "это дурное предзнаменование". Присутствовавшая на венчании Пушкина Е.А. Долгорукова вспоминала: "Во время венчания нечаянно упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. "Tous les mauvais augures" ("Все плохие предзнаменования". — *франц.),* — сказал Пушкин, выходя из церкви". Провидение еще раз протянуло незримую ниточку сходства между судьбами двух великих поэтов, хотя одному из них до исполнения мрачного предзнаменования оставалось чуть более 5 месяцев, а другому — немногим менее 6 лет.

Начинался новый этап в жизни Пушкина, наполненный и моментами счастья, и очередными испытаниями, и различными путешествиями, которые привели поэта через преграды и сомнения ("Напрасно я бегу к сионским высотам, // Грех алчный гонится за мною по пятам…"), через духовные порывы ("Недаром темною стезей // Я проходил пустыню мира…") к очевидному выводу, ранее высказанному им не единожды:

> Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
> Отечество нам Царское Село.

И имел здесь в виду поэт, конечно, в целом родную землю. Скитания Пушкина в итоге укрепили его неразрывную, кровную

связь с Россией и ее природой. Однако все происходившее вокруг, тягости столичной жизни и ежедневная погоня за благополучием своей семьи не могли не обострять мрачные настроения поэта, которые он гениально отразил в строках, которые звучат как явная перекличка с "Горем от ума", постоянно, как тень, сопровождавшим Пушкина в его жизненных перипетиях:

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума,
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был бы рад…

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверька
Дразнить тебя придут.

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

В декабре 1833 г., лишь только в продаже появилось первое издание "Горя от ума", Пушкин приобрел его, и оно заняло свое законное место в ряду "любимых друзей", как называл свои книги Пушкин. Грибоедов стал прототипом одного из персонажей неосуществленного замысла поэта — романа "Русский Пелам" (1834–1835 гг.), в котором должна была быть отражена сквозной линией так называемая "четверная" дуэль В.В. Шереметева с А.П. Завадовским и А.С. Грибоедова с А.И. Якубовичем. Называя своего героя русским Пеламом, поэт имел в виду героя романа "Пелам, или Приключения джентльмена" английского писателя Эд. Бульвер-Литтона, романа, который тоже был построен на основе путешествий. Жаль, что Пушкин не успел воплотить этот замысел в жизнь, ведь он прекрасно знал всю эту историю, и не только со слов самого Грибоедова, но и со слов "колоритного" Якубовича, с которым он также общался. Еще в ноябре 1825 г. поэт писал А.А. Бестужеву об этом знакомом: "…Не Якубович ли герой моего воображения? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова (здесь имеется в виду сама дуэль, закончившаяся ранением поэта в мизинец. —

С.Д.), хоронил Шереметева etc. — в нем много в самом деле романтизма. Жаль, что я не встретился с ним в Кабарде — поэма моя была бы еще лучше".

"Русский Пелам" так и не был написан. Причину этого сам Пушкин объяснил В.И. Далю своим "пылким духом поэта": "…Вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу".

В январе 1835 г. Пушкин еще раз вспоминает Грибоедова в своей неопубликованной статье "Путешествие из Москвы в Петербург", где горько сетует о том, насколько изменился облик Москвы: "Горе от ума" есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова… ни Татьяны Юрьевны… Бедная Москва!.." Пушкин мог бы добавить: и нет, и не будет никогда в Москве и самого автора бессмертной комедии.

Важно, что тема путешествий, в том числе и на Восток, продолжала занимать поэта и в самые последние годы его жизни. Об этом может свидетельствовать хотя бы отрывок "Мы проводили вечер на даче…", написанный в том же 1835 г., посвященный Клеопатре и созвучный с незаконченной повестью поэта "Египетские ночи" (в этой повести, кстати, в качестве главного героя действует поэт по фамилии Чарский — почти что Чацкий!). Послушаем, какая поэзия дальних странствий звучит в описаниях Пушкиным египетских реалий древнего времени: "Темная, знойная ночь объемлет африканское небо; Александрия заснула; ее стогны утихли. Дома померкли. Дальний Форос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовье спящей красавицы… Порфирная колоннада, открытая с юга и севера, ожидает дуновения Эвра; но воздух недвижим — огненные языки светильников горят недвижно… море, как зеркало, лежит недвижно у розовых ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые сфинксы в нем отразили свои золоченые когти и гранитные хвосты…" Да, величайший в истории России поэт становился на склоне своих лет непревзойденным мастером прозы.

Именно Н.В. Гоголь лучше, чем кто-либо другой, понял, какую роль в творчестве Пушкина сыграл Восток. По его словам, судьба совсем не случайно "забросила" поэта туда, "где гладкая неизмерность России прерывается подоблачными горами и обвевается югом", Кавказ не только поразил Пушкина, но и "вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях". В итоге, как писал Гоголь о поэте, "в своих творениях он жарче и пламеннее там. где душа его коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою, и

оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу…" И как это часто бывает у гениев, Пушкин, пропитавшись духом Востока, еще сильнее и ярче стал воспевать родную землю, русская струна зазвучала в его творениях более пронзительно и звонко.

И вполне закономерно, что в конце своего странического пути Пушкин перешел от поэзии к прозе, а от прозы к истории — науке о том, как развивались дороги человеческой жизни в самых разных уголках планеты. Почти пять с половиной лет он занимался сбором материалов и написанием "Истории Петра I" — главного своего исторического исследования, сквозь призму которого он хотел не только взглянуть на поворотные моменты отечественной истории, но и понять место России в изменяющемся мире. Изучение материалов по петровской эпохе поэт продолжал до последних дней жизни. В конце декабря 1836 г. он сообщал, что "Петр Великий" отнимает у него "много времени".

А.С. Пушкин. Художник П. Соколов. 1836 г.

Подготовительный текст "Истории Петра I" чудом сохранился:

эта рукопись была создана поэтом в 1835 г., затеряна в 1850-х гг., найдена потомками Пушкина только в 1917 г. в подмосковной Лопасне, а опубликована впервые лишь в 1938 г. Но, несмотря на свою незавершенность, "История" прекрасно иллюстрирует широту исторических взглядов поэта и его почти всемирный взгляд на Петровскую эпоху. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что из общего объема рукописи в 350 книжных страниц 12 страниц Пушкин посвятил одному только Персидскому походу Петра I (1722–1723), назвав соответствующую главу "Дела персидские".

Начиная поход и стремясь восстановить торговый путь из Центральной Азии и Индии в Европу, Петр планировал выступить из Астрахани, идти берегом Каспия, захватить Дербент и Баку, дойдя до реки Куры, основать там крепость, а затем двинуться на Тифлис, чтобы оказать поддержку Грузии в борьбе с Османской империей. И этот масштабный поход, в котором на стороне России участвовало более 100 000 человек, в том числе татары, калмыки, армяне и грузины, увенчался успехом. 23 августа 1722 г. русские войска вошли в Дербент, в ноябре — в город Решт — столицу персидской провинции Гнляи, а 26 июля 1723 г. — в Баку. 12 сентября того же года в Петербурге был заключен мирный договор с Персией, согласно которому к России отошли Дербент, Баку, Решт, провинции Ширван, Гилян, Мазендаран и Астрабад.

Вмешательство в события Османской империи, войска которой летом 1723 г. вторглись в Грузию, Армению и западную часть Азербайджана, помешало Петру выполнить и освободительные задачи в Закавказье. И хотя для того, чтобы избежать новых русско-турецких войн, Россия вынуждена была вернуть Персии все ее прикаспийские области, согласно Рештскому договору (1732) и Гянджинскому трактату (1735), победы Петра на Востоке были очевидны, и мимо них не мог пройти Пушкин, который, как мы знаем, интересовался темой Персии долгие годы.

Чем же интересным оказалось исследование Пушкиным в зените своей творческой зрелости Персидского похода, который, по сути, был ярким столкновением новой петровской России и Востока? Прежде всего тем, что Пушкин зримо показал нравы, обычаи и особенности устройства власти в соседствовавших с Россией восточных племенах и в самой Персии. "Гусейн-шах в то время тиранствовал, преданный своим евнухам, изнеможенный вином и харемом, — начал он главу. — Бунты кипели около него. В поминутных мятежах истребился род Софиев (Сефевидов, согласно современному написанию. — *СД*.)", а "на отдаленных

границах Персии, близ Индии, кочевал дикий и воинственный народ: авганцы, происшедшие из Ширвана, близ Каспийского моря". Пушкин описал здесь ситуацию с вторжением в Персию афганцев, которые взяли Исфахан в 1722 г. и возвели на престол своего вождя Махмуд-хана.

Пушкин привел в своем труде много примеров жестокости, дикости и стремлений к новым захватам и грабежам, которые демонстрировали восточные правители. Так, по приказу Гусейн-шаха был заключен в темницу и ослеплен его любимый сын Мирза-Зефи, по повелению Махмуд-хана были изрублены присланные к нему для переговоров есаул и три казака, а "Даудбек и Сурхай разграбили Ширванскую область и Кубу и осадили Шамаху… шамаханского хана убили, также всех индийских, персидских и русских купцов (последних 300 человек)".

Думается, что, разбираясь во всех этих примерах, Пушкин не мог не сравнивать обстановку в Персии во время петровского похода с той, которую пришлось испытать на себе Грибоедову, павшему в результате коварного заговора. При этом поэт проявил заметный интерес к действиям таких же российских дипломатов, как и Грибоедов (в частности, смелого и деятельного русского консула в Исфахане Семена Аврамова), которые, рискуя жизнями, отстаивали на Востоке интересы России. Подчеркнем, что Пушкин примерно в одно и то же время писал "Путешествие в Арзрум" и "Историю Петра I", и параллели в судьбе Грибоедова с событиями столетней давности не могли не интриговать поэта.

Не приукрашивая действия Петра, Пушкин, тем не менее, показал на контрасте с действиями восточных правителей, что царь вел себя совеем иначе: например, он накалывал своему союзнику Вахтангу из Грузии, чтобы тот, "когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертною казнию не грабить, не разорять, не обижать… Хлеб и скот брать не иначе, как через комиссаров…". Поэт привел немало примеров истинного героизма русских солдат и офицеров, в том числе самого Петра, которые преследовали на Востоке и освободительные цели спасения угнетенных народов. Показательны слова, сказанные царем военачальнику Шипову, когда тот спросил об одном военном задании: "Довольно ли двух батальонов?" Петр отвечал: "Стенька Разин с 500 казаков их не боялся (персиян), а у тебя два батальона регулярного войска".

Весь накопленный Пушкиным "персидский материал" со множеством удивительных историй и судеб, выявлял, как он сам утверждал, серьезные "основания для восточного романа", который поэт мечтал написать. По судьба отпустила ему тогда слишком мало времени. В последний год жизни настроения поэта

менялись, и он уже не так истово рвался в дорогу, особенно учитывая его семейные дела. Но он до конца оставался верен Музе странствий, помня о своих былых путешествиях. Под конец жизни не утерял поэт и интереса к истории. Обращаясь к Ювеналу, он писал тогда: "Ты к мощной древности опять меня манишь…" Поэт в этот период лишь окончательно менял вектор своих устремлений. Вот как гениально он высказал эти настроения в своих стихах:

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безымянные страданья…
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.
Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор…

В этих словах чувствуется неприкрытая тяга поэта к родной земле (заметим, не к столицам, а к русской деревне и усадьбе). Между тем мечты о новых путешествиях, в том числе дальних, вовсе не оставили поэта. Больше того, за полгода до смерти, в 1836 г. в стихотворении "Из Пиндемонти" поэт вообще поставил путешествия и познание культурных творений, наряду с независимостью и свободой поэта, выше каких-либо других ценностей бытия:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права…

Последнее, почти удивительное совпадение судеб двух великих поэтов, связано с датами их смерти: Грибоедов погиб днем (точное время неизвестно) 30 января 1829 г., а Пушкин умер в 14.45 29 января 1837 г. (разница в сутки на календаре годовых

дат). И такое совпадение бросилось в глаза многим современникам поэтов. А.А. Бестужев-Марлинский, за которого заступался Грибоедов перед Паскевичем, писал брагу Павлу из Тифлиса 23 февраля 1837 г., сразу после трагедии: "Меня глубоко огорчила трагическая смерть Пушкина… Я не смыкал глаз всю ночь, а на заре я уж ехал но скверной дороге в монастырь св. Давида, который ты знаешь. Приехав туда, я зову священника и прошу его отслужить панихиду на могиле Грибоедова, могиле поэта, попираемой ногами толпы, без камня, без надписи. Я плакал тогда горькими слезами, как плачу теперь, над другом, над товарищем по оружию, над самим собой. И когда священник произнес слова: "за убиенных боляр Александра и Александра", я задыхался от рыданий — эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предсказанием… Да, я чувствую это, моя смерть тоже будет насильственной, необычной и близкой".

Так и случилось: Бестужев погиб в бою с горцами при высадке на мыс Адлер через три с половиной месяца после написания этих строк, 7 июня 1837 г. Тело его так и не было найдено. Эпоха новых войн и потрясений продолжала забирать свою дань жизнями русских поэтов, предсказания которых сбывались со зловещей частотой.

Но вот что удивительно и потрясающе: за три дня до отплытия в море в Сухуме на обеде у главноуправляющего в Грузии генерала барона Г.В. Розена Бестужев познакомился с молодым поэтом, мусульманином из нухинских жителей (Азербайджан) Мирзой-Фатали Ахундовым, служившим при канцелярии переводчиком с восточных языков (как когда-то Грибоедов!) и написавшим на персидском языке поэму "На смерть Пушкина". Бестужев вызвался перевести ее с помощью автора на русский язык и успел сделать это накануне гибели. В итоге в мартовской книжке журнала "Московский наблюдатель" за 1837 г. была опубликована поэма, в которой впервые была оценена роль наследия Пушкина для восточного мира. В редакционной статье поэма была названа "прекрасным цветком, брошенным рукою персидского поэта на могилу Пушкина", цветком, сохранившим то "впечатление, которое Певец Кавказа и Бахчисарая произвел на молодого Поэта Востока".

Пожалуй, Пушкин воспел своим поэтическим гением Восток так, как это никто не делал до него из числа европейцев, и этот творческий порыв был действительно высоко оценен лучшими представителями восточной культуры. Ахундов не зря включил в свою поэму вот эти восторженные строки о поэте:

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,

Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава?

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва?..

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, Аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

(Пер. П.Г. Антокольского)

В конце своего жизненного пути Пушкин так и не успел снова отдать дань своему товарищу-поэту Грибоедову, когда не смог осуществить замысел романа "Русский Пелам". Но он внимательно прочитал роман Фадея Булгарина "Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни" (СПб., 1835), в котором в образе Световидова был выведен именно Грибоедов, "истинный гений", человек, который "был рожден быть или Наполеоном или Магометом". Внутренняя полемика с этим романом, без сомнения, видна в интерпретации образа Грибоедова в пушкинском "Путешествии в Арзрум". А еще одним примером внимания Пушкина к памяти о Грибоедове стал его интерес к роману "Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия", принадлежавшему перу приятельницы Грибоедова В.С. Миклашевич, которую тот любил как "родную мать". Перед отъездом в Персию в 1828 г. Грибоедов успел даже прочитать первые главы этого романа и просил Варвару Семеновну закончить его, что она и сделала в 1836 г.

Пушкин же с увлечением прочитал весь роман, в котором в образе Валерия Рузина предстали основные вехи жизни Грибоедова: и тайна его рождения, и офицерская служба, и причуды его светских и авантюрных приключений, и дуэль "из-за женщины", и любовь к музыке, и арест, и пребывание в тюрьме, и чудесное освобождение. Как вспоминал друг Грибоедова А.Л. Жандр, "Пушкин узнал от меня о существовании романа и приехал к нам просить эту книгу. Вот его суждение, переданное мне, независимо от того, что он говорил сочинительнице. По прочтении первой части он сказал мне, что почти не выпускал книгу из рук, пока не прочел. "Как это увлекательно, — говорил он… Удивляюсь как всё… у нее прекрасно разъяснилось, и интерес всей книги до конца увлекателен. Старайтесь издать

книгу скорее, а я напишу к нескольким главам эпиграфы’"'. Жаль, что при жизни Пушкина увидели светлишь первые главы романа ("Сын Отечества, 1831, т. 19), а полностью он был напечатан, да и то с цензурными изъятиями, только через 30 лет…

И как знаменательно, что упокоится навеки и Пушкину, Грибоедову, как совсем немногим из русских поэтов, суждено было в монастырях, под сенью православных храмов, и что особенно удивительно — именно на Святых горах — одному на Мтацминде (Святой горе по-грузински), а другому в Святогорском монастыре на Псковщине. (Напомню, что еще одна Святая гора — Афон была и остается для православного мира светочем веры и стойкости монашества.) Пушкин и приобрел то место для своей будущей могилы в апреле 1836 г., сразу после похорон матери и совсем через небольшое время после завершения им "Путешествия в Арзрум".

Святогорский монастырь. Литография. 1837 г.

Вообще "дух Пушкина" нигде не ощущается так, как в Михайловском. Удивительно, но в этом месте крепкая связь, которая протянулась между судьбами Пушкина и Грибоедова, проявляется особо. Начать с того, что первый приезд поэта в Михайловское состоялся в июле 1817 г. сразу же после зачисления его в Коллегию иностранных дел почти одновременно с Грибоедовым. А счастливейший день в ссыльной жизни Пушкина пришелся на 11 января 1825 г., когда к поэту в гости

заехал его друг И.И. Пущин, привез ему список "Горе от ума" и Пушкин прочел его вслух. Последнее посещение Михайловского в апреле 1836 г. было связано с похоронами матери, когда поэт заказал себе место в Святогорском монастыре рядом с церковью над "крутым обрывом", пояснив, что "ближе к милому пределу мне все б хотелось почивать". И, конечно, он не мог не вспоминать при этом могилу Грибоедова над "крутым обрывом" Мтацминды.

А уже через 10 месяцев тело самого Пушкина, закупоренное "в засмоленном гробе", везли тайно в Михайловское. И не напоминают ли встречу Пушкина с арбой, на которой везли "Грибоеда", вот эти слова очевидца А.В. Никитенко, увидевшего неподалеку от Петербурга "простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы… скакать дальше с гробом. — Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян. — А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит…".

Уже за пределами жизненных путей между двумя гениями русской поэзии протянулась еще одна крепкая связующая нить, которую не дано разорвать ни времени, ни злым ветрам истории…

ГРИБОЕДОВ И ЛЕРМОНТОВ

ПО ГРИБОЕДОВСКИМ СТОПАМ

Юный Лермонтов относил начало своей поэтической деятельности к 1828 г., когда Грибоедов еще только завершал свой жизненный путь, и показательно, что первыми поэмами, написанными Лермонтовым в этом году, стали поэмы "Черкесы" и "Кавказский пленник", которые были навеяны его ранними посещениями Кавказа. Поэт тогда просто рвался в кавказские края, видя себя в постоянных схватках и сражениях, вероятно, олицетворяя себя с находившимся там "в боях и службе" Грибоедовым и тем самым предвосхищая свою судьбу:

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Именно в тумане странствий видел поэт смутные очертания далекого счастья, признаваясь, что когда он путешествует, общаясь с природой,

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он. —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..

Поэт даже услышал однажды пророческий голос с небес:

Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;

Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй.

Нет никакого сомнения, что немалую роль в стремлении Лермонтова на Восток сыграло его увлечение творчеством и жизненными странствиями Александра Грибоедова — кумира поэта с тех пор, когда он впервые прочитал "Горе от ума" в одном из ходивших по рукам списках. И совсем не случайно в 1835 г., почти одновременно с написанием Пушкиным его "Путешествия в Арзрум", только что одевший гусарский мундир Лермонтов, обстоятельно изучивший свет Петербурга, приступил к написанию драмы "Маскарад", пожалуй, наиболее близкой к комедии "Горе от ума" во всей русской литературе. И дело здесь не только в блистательном описании поэтом светского общества, в изображении главного героя, противостоящего свету, в одних и тех же прототипах действующих лиц драмы. Главное заключалось в совпадении особенностей стиха, стиля и даже духа этих произведений, а также в повторении "Маскарадом" той же "непечатной" (при жизни автора) судьбы, что и у комедии Грибоедова. Вот что писал о "Маскараде" Лермонтова поэт и камергер А.Н. Муравьев: "Пришло ему на мысль написать комедию вроде "Горе от ума", резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура Третьего отделения не могла ее пропустить".

М.Ю. Лермонтов. Автопортрет. Акварель. 1837–1838 гг.

По сути, уже в "Маскараде" Лермонтов выступил серьезным литературным наследником Грибоедова. В образе созданного им Арбенина в литературу вновь вернулся Чацкий, вернулся "злым умником", конфликтующим со всем светом. На страницах драмы заиграла также яркими красками афористичность поэтического слога, хотя и не такая безграничная, как у старшего товарища Лермонтова по писательскому кругу. Процитируем лишь несколько фраз из драмы Лермонтова и еще раз убедимся, что они могли с легкостью попасть и в "Горе от ума": "Жизнь банк, рок мечет, я играю // И правила игры я к людям применяю…"; "Не нужно ль денег, князь… я тотчас помогу; /7 Проценты вздорные… а ждать сто лет могу", "Он из полка был выгнан за дуэль // Или за то, что не был на дуэли"; "Диана в обществе… Венера в маскараде". Конечно, как лирический поэт Лермонтов был намного сильнее Грибоедова, который, в свою очередь, был непревзойденным драматургом, но их сближает как близость творческих порывов, так и схожесть "страннической судьбы" того и другого, "первооткрывателя" и его "наследника".

А судьба как будто специально вела Лермонтова но стопам Грибоедова. За его дерзкое стихотворение на смерть Пушкина поэта отправляют в ссылку на Кавказ, поступив с ним, как в

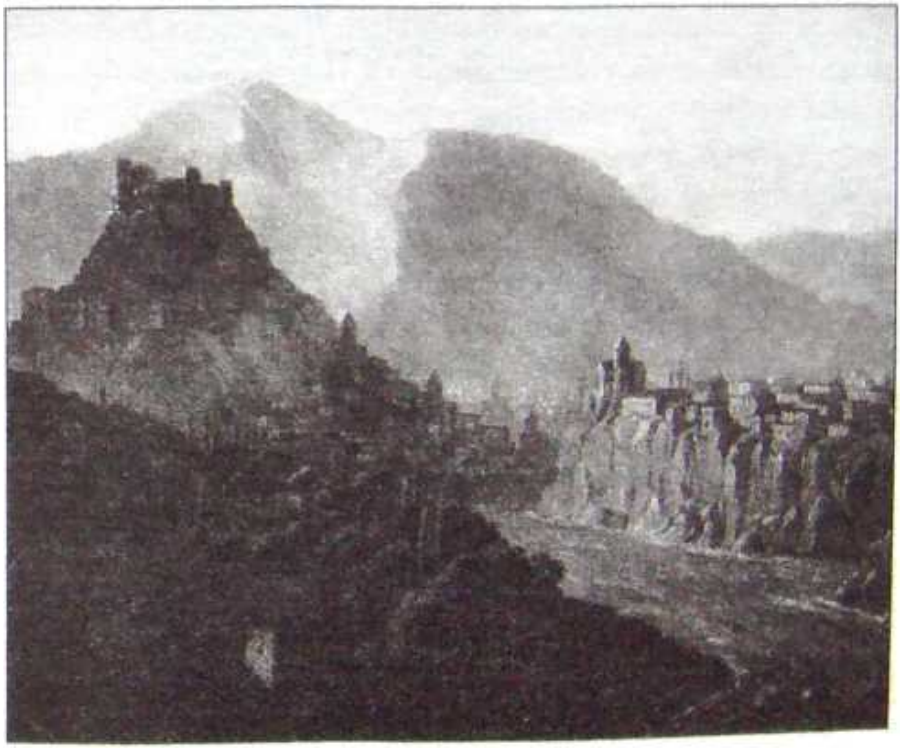
русской сказке: "щуку бросили в воду". Прощаясь в конце февраля 1837 г. со своим другом С.А. Раевским перед отъездом на Кавказ, Лермонтов писал: "Прощай, мой друг. Я буду тебе писать про страну чудес — Восток. Меня утешают слова Наполеона: Le grands noms ce font a L'Orient (Великие имена делаются на Востоке)". Поэт уже видит себя в нижегородской драгунской форме — папаха, бурка, военный сюртук с газырями на груди, сабля на ремне через плечо, в горах и в Тифлисе, где он посетит могилу Грибоедова, встретится с его вдовой Ниной Чавчавадзе, а потом обязательно пройдет тем же путем, который Пушкин описал в своем "Путешествии в Арзрум".

НА КАВКАЗЕ

И почти все из задуманного Лермонтовым ему на Кавказе удалось, да еще с очень важным сюрпризом: во Владикавказе он встретил лишь недавно прибывшего из Сибири, разжалованного в солдаты декабриста А.И. Одоевского (1802–1839), который был одним из самых близких друзей Грибоедова. Некоторое время они даже жили вместе на квартире Одоевского в Петербурге. "Он звал меня братом, — рассказывал Одоевский Лермонтову. — Не хотел расставаться со мной и уговаривал ехать с ним в Персию. На каторге до меня доходили слухи, что он за меня хлопочет… В Читинском остроге узнал я о смерти Грибоедова в Тегеране". Одоевский очень радовался, что сможет вскоре поклониться могиле поэта и дипломата, исполнив свою мечту, высказанную ещё в Чите:

Где он? Кого о нём спросить?
Где дух? Где прах?.. В краю далёком!
О, дайте горьких слёз потоком
Его могилу оросить…

И первым делом, приехав в Тифлис, Лермонтов и Одоевский отправились в монастырь Святого Давида на склоне горы Мтацминда, где располагался гроте могилой Грибоедова. Друзья преклонили свои колени, и Лермонтов снова задумался о том, какую завидную участь пережил Грибоедов, погибший геройски, с саблей в руке, сражаясь с яростной толпой и выполняя свой долг. А теперь он лежит здесь в горах, над восточным городом, где живет преданная и любящая его вдова — дочь Востока. Ей ещё только двадцать пять лет. хотя Грибоедов погиб уже восемь лет назад. И скоро ее можно будет увидеть.



Тифлис. М.Ю. Лермонтов. 1837 г.

Друзья в тот же день посетили дом Чавчавадзе, где были приняты по-родственному и где были потрясены красотой и одновременно неизгладимой печалью Нины. Потом они бывали в гостях у Чавчавадзе ежедневно, Лермонтов чуть не увлекся сестрой Нины Екатериной, постоянно делал зарисовки в разных местах Тифлиса, еще и еще раз размышляя над судьбой Грибоедова.

Любопытно узнать, что троюродной теткой Лермонтова но матери — Арсеньевой — была та самая Прасковья Николаевна Ахвердова, которая являлась фактически воспитательницей Нины Чавчавадзе. Учитывая это, совершенно понятно, почему Лермонтов был так тепло принят в доме Чавчавадзе. В этой связи довольно обоснованным можно считать предположение, что Лермонтов мог познакомиться с Ниной еще в детские годы, в 1820 и 1825 гг., когда он приезжал на Кавказ и, вероятнее всего, не мог не посещать свою родственницу. На этой почве в литературе (и даже современных романах) встречается смелое утверждение, что Лермонтов с самых юных лет любил Нину Чавчавадзе, посвящал ей стихи (например, стихотворение "К Нино") и сохранил это чувство до последних дней своей жизни.

Не будем обсуждать эту спорную тему, отметим лишь, что причудливые нити судьбы могут порой неожиданно связывать даже самых великих личностей, какими, бесспорно, были Лермонтов и Грибоедов…

Именно в тот период в Тифлисе у поэта родился не осуществленный замысел написать роман о жизни Грибоедова, он расспрашивал о нем всех, кто его знал, и начал мечтать о том, как, выйдя в отставку, обязательно посетит Персию, увидит Тегеран, выучит персидский и арабский языки, а может быть, и сможет даже побывать в Мекке. В стихотворении "Спор", перечисляя прелести Востока словами "спорящего" с Шат-горой Казбека, Лермонтов написал:

И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.

Типы Кавказа. Литография по рисунку Гагарина

Вообще одним из самых загадочных периодов пребывания Лермонтова на Кавказе являются именно летне-осенние месяцы 1837 г., когда поэт, начав службу в Нижегородском драгунском

полку в Караагаче близ Цинандали, "находился в беспрерывном странствовании, то на перекладных, то верхом". Как писал поэт, он "изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами…". Ираклий Андроников посвятил несколько лет разгадкам этих странствий поэта, отразив их в книге "Лермонтов. Исследования и находки": какие впечатления и легенды повлияли на написание поэтом "Демона" и "Мцыри", какие древние места посетил он в пути, что и где успел зарисовать, встречался ли с Ниной Чавчавадзе и ее отцом в Тифлисе, посещал ли их имение в Цинандали, с кем из декабристов общался, где конкретно побывал в Азербайджане — в Нухе или Шуше, участвовал ли тогда в боевых действиях?

И как прав оказался Лермонтов, когда год спустя после своего посещения Кавказа он писал Раевскому: "…Если поедешь на Кавказ — вернешься поэтом…"

Самое знаменательное, что истинным шедевром "страннической литературы" является главное произведение Лермонтова — "Герой нашего времени". Фактически, это записки странника Печорина, "странника по казенной надобности". Таким же странником был и сам Лермонтов, таким же "противувольным" путешественником был Грибоедов. И талантов у них хватало не только на поэзию и скитания: если Грибоедов слыл прекрасным пианистом-импровизатором и композитором, оставившим после себя несколько вальсов, то Лермонтов был прекрасным художником и рисовальщиком, умевшим несколькими штрихами отобразить сцены повседневной жизни.

В августе 1839 г. Лермонтов узнал о тяжелой утрате: от лихорадки во время экспедиции против горцев умер А.И. Одоевский. Кавказ забирал и забирал, как жестокую дань, всё новые и новые жизни поэтов, как он сделал это не так давно, в 1837 г., с А.А. Бестужевым-Марлинским, декабристом, переведенным в 1829 г. с каторга на Кавказ рядовым и погибшим уже в офицерском звании при занятии мыса Адлер. Лермонтов тут же откликнулся на гибель друга стихотворением "Памяти А.И. Одоевского":

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой…

Поэт писал об Одоевском, но как будто бы имел в виду также

и Грибоедова:

…Он погиб далеко от друзей…
Мир сердцу твоему, мой милый Сашаl
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша,
В немом кладбище памяти моей.

А ведь самому Лермонтову оставалось жить менее двух лет, и ему тоже Кавказ уже уготовил коварные сети…

НА ПУТИ К ТРАГЕДИИ

Страннический путь по воле обстоятельств вел Лермонтова, как и Грибоедова, к заключительному трагическому аккорду. 3 мая 1840 г. после дуэли с сыном французского посла Эрнестом де Барантом поручик Лермонтов выехал в новую ссылку на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Сначала за участие в этой дуэли, хотя поэт стрелял в воздух, его, по предложению А.Х. Бенкендорфа, хотели, лишив чинов и дворянства, "записать в рядовые": сочувствие верхов, конечно же, было на стороне заносчивого иностранца (Лермонтов, находясь после дуэли на гаупвахте, сказал дежурному офицеру: "Я ненавижу этих искателей приключений… — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети"). Но по решению императора поэт был послан в одну из самых "горячих точек" Кавказа с сохранением чина, хотя гвардейские офицеры при переводе в армейские полки получали обычно повышение на два чина. Накануне отъезда свои настроения "изгнанника" и "странника поневоле" поэт выразил в следующих строках:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

В эти дни А.С. Хомяков сожалел о таком повороте в судьбе поэта: "Боюсь не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом и как поэт, и как прозатор". Но срок поэта еще не пришел, наоборот, его ждал жизненный триумф и подвиг: как штабной офицер при командующем генерал-адъютанте П.Х. Грабе, он выступил "в Чечню брать пророка Шамиля", который к

лету 1840 г. сосредоточил вокруг себя внушительные силы, взяв несколько русских крепостей. В составе отряда генерала А.В. Галафеева поэт с героическим порывом участвовал в целом ряде стычек с горцами, а 11 июля 1840 г. принял самое деятельное участие в большом сражении у речки Валерик, в ходе которого погибло более 70 русских солдат и офицеров.

Поэт командовал тогда "летучей сотней" отважных охотников, отрядом "особого назначения", находясь на острие атаки. Как докладывалось затем при представлении поэта к награде, поручик Лермонтов "несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы". И еще раз докладывалось позже: "… Всюду поручик Лермонтов везде первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы". Потом бои продолжались, и лермонтовский отряд, наводивший страх на чеченцев, был назван ими "черной сотней". Поэт при этом, как вспоминали очевидцы, "умел привязать к себе друзей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода". Лермонтов перестал бриться и уже после возвращения в станицу Грозная из-за обострившегося ревматизма был отправлен на лечение в Пятигорск, откуда вскоре направился в новые опасные походы.

"Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые не показались бы приторными, — сообщал он в письме А. Лопухину и добавлял: — Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижала…" Кавказское командование представляло Лермонтова и к ордену Станислава 2-й степени, и к золотой сабле с надписью "За храбрость". "Во всю экспедицию в Малой Чечне поручик Лермонтов командовал охотниками, набранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе", — сообщалось тогда в Петербург, но оттуда приходили лишь распоряжения отказать в наградах. Получалось, что и Лермонтову суждено было пережить жестокое и обидное непризнание его геройских заслуг, как это произошло до этого с Грибоедовым после смерти.

Эпизод сражения при Валерике. Акварель М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина. 1840 г.

Лишь в начале 1841 г. поэт в качестве поощрения за свое геройство, прежде всего хлопотами В.А. Жуковского, получил по приказу Николая I отпуск, но совсем ненадолго. Уже 9 мая того же года он прибыл в Ставрополь. И как знаменательно, что перед самым отъездом из Петербурга, 12 апреля 1841 г., у поэта состоялся долгий сердечный разговор с Натальей Николаевной Пушкиной. "Прощание их было самое задушевное", — вспоминал П.А. Плетнёв.

Кавказ с помощью дуэлянта все-таки забрал к себе еще одну поэтическую душу, как дань за то очарование, которое он дарил Лермонтову. И "земной странник" продолжил свой путь уже "в надзвездные края", к "бегущим кометам", в тот запредельный мир, который он описал, пожалуй, первым в русской поэзии и к которому стремился незадолго до трагической дуэли:

Но я без страха жду довременный конец,
Давно пора мне мир увидеть новый…

Сбылось горькое предвидение и самого поэта, и многих его

друзей. Он ушел в "небесные дали", туда, где давно искал себе родину. Поэт и критик С.А. Андреевский откровенно сказал об этой страсти Лермонтова: "Нет другого поэта, который бы так явно считал небо своей родиной и землю — своим изгнанием… Никто так прямо не говорил с небесным сводом, как Лермонтов, никто с таким величием не созерцал эту глубокую бездну". А Велимир Хлебников вообще назвал поэта "сыном земли с глазами неба".

Всего лишь за 15 лет — короткий миг по меркам истории — Россия безвременно, жестоко и предательски потеряла самых ярких своих гениев — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, да в придачу еще и такие поэтические таланты, которым где угодно в мире была бы уготована слава, как К.Ф. Рылеев (1826), А.А. Дельвиг (1831), А.А. Бестужев-Марлинский (1837), А.И. Полежаев (1838) и А.И. Одоевский (1839). "Становится страшно за Россию при мысли, что не слепой случай, а какой-то приговор судьбы поражает ее лучших сыновей: в ее поэтах", — записал в свой дневник через несколько дней после гибели Лермонтова Ю.Ф. Самарин. Месяцем позже он же заметил: "Эта смерть, вслед за гибелью Пушкина, Грибоедова и многих других, наводит на самые грустные размышления". Эти размышления об "одиночных" выстрелах в русскую культуру продолжали П.А. Вяземский ("В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Луи Филиппа…") и друг Пушкина поэт В.К. Кюхельбекер, которому суждено было провести в тюрьме и на поселении в Сибири более 20 лет:

Горька судьба поэтов всех племен,
Тяжеле всех судьба казнит Россию…

А.И. Герцен, вынужденный прожить 23 года в эмиграции, думал о том же самом: "Ужасный, скорбный удел ожидает в России всякого, кто поднимет голову выше уровня, начертанного императорским скипетром, — будь то поэт, гражданин, мыслитель. Всех их уводит в могилу неодолимый рок…" Во второй раз этот же самый "неодолимый рок" вырвал из жизни всего лишь за 20 лет новых "страдальцев русской поэзии", ушедших из жизни или насильственно, или под "топором недугов и катаклизмов" — А. Блока (1921), Н.С. Гумилева (1921), В. Хлебникова (1922), А. Ширяевца (1924), С.А. Есенина (1925), Ф. Сологуба (1927), В.В. Маяковского (1930), О.Э. Мандельштама (1938), П.В. Орешина (1938), М.И. Цветаеву (1941)…

Лермонтов так и не исполнил свое намерение написать роман о Грибоедове, его будущие планы, в пересказе разных лиц, были весьма разнообразными, имея связь с "кровавым

усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране". Лермонтов — такой же "странник русского слова", как и министр-поэт, — бесстрашно шел путями своей судьбы до самого предела. По словам Белинского, в последние годы жизни "уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать трилогию, три романа, из трех эпох русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющих между собой связь и некоторое единство". И не приходиться сомневаться, что, если бы этот замысел был осуществлен, одним из героев трилогии, связывавшем разные эпохи, стал бы именно Грибоедов. Для этого утверждения есть очень весомые основания, которые подтверждаются явными намеками, зашифрованными поэтом в главном своем детище.

Смерть полковника Верховского. Иллюстрация М.Ю. Лермонтова к повести А.А. Бестужева-Марлинского "Аммалат-Бек"

Почти в завершающих строках "Героя нашего времени" Печорин таким образом выразил основное отличие *странника*, отделяющего его от обычных людей (со скрытой отсылкой к образу Чацкого): "Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив; что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает". Вот так же смело шли вперед и Грибоедов, и Пушкин, и Лермонтов. А чем же кончил свой путь "странник Печорин"? "Журнал Печорина", а иначе, его дневники,

начинаются следующим весьма знаменательным предуведомлением публикатора этих дневников: "Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер". Далее публикатор, а по сути, сам Лермонтов, написал: "Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам".

Ах, хоть бы одним глазком заглянуть в "толстую тетрадь" Печорина. Что же он делал в Персии, где и в каких городах странствовал по "персидскому миру", что увидел там и пережил, нашел ли он на Востоке свою любовь и вдохновение, не свела ли судьба его, наследника "персидского странника", с самим Грибоедовым, когда и почему, наконец, Печорин умер? Эти вопросы так и останутся тайной лермонтовского гения…

ПОД ВЛИЯНИЕМ ГРИБОЕДОВА: ОТ ДЕРЖАВИНА ДО ЕСЕНИНА

Так получилось, что подвиг Грибоедова и его "жизненный вектор" в сторону Востока и Персии, оказал огромное влияние на многих русских поэтов, которые не только бредили Ираном, желая посетить эту страну, но и не раз отдавали дань памяти великому поэту и дипломату. "Персидский магнит" притягивал к себе не только русских поэтов "самой высшей пробы", его притяжение включало в свою орбиту, по крайней мере, с начала XIX века по 20-е гг. XX века, почти весь поэтический мир России, и не важно, суждено ли было тому или иному поэту побывать в Персии, или "персидская струна" вдруг начинала звучать в его творчестве как будто сама по себе.

Г.Р. Державин. Художник В. Боровиковский

За 100 лет, которые вобрали в себя и Золотой, и Серебряный века русской поэзии, трудно найти даже одного поэта, который хотя бы косвенно, хотя бы мельком не коснулся "иранской темы",

будь то подражание персидским лирикам, переводы их творений или просто восточные напевы в собственных стихах. Достаточно перечислить здесь имена Г.Р. Державина, Ф.И. Тютчева, А.А. Шишкова, А.Ф. Вельтмана, А.Н. Майкова, А.К. Толстого, И.А. Бунина, Н.С. Гумилева, Вячеслава Иванова, Юрия Терапиано, Константина Бальмонта, Сергея Городецкого и Велимира Хлебникова (подробнее о теме "Русские поэты и Персия" смотри в книге автора: Дмитриев С. Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века". М.: Вече, 2014).

В К. Кюхельбекер. Гравюра И. Матюшина. 1880-е г.

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) даже собирался, подобно А.С. Грибоедову, отправиться послом в Персию и там "на свободе петь с восточными соловьями". Тем более что он, как и Грибоедов, служил некоторое время в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел. **Вильгельм Карлович Кюхельбекер** (1797–1846), понимая важность освоения опыта чужих культур, писал в своей статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие": "При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джами ждут русских читателей". Кюхельбекер был очень близок с

Грибоедовым и часто беседовал с ним в Тифлисе о персидской поэзии. Поэт посвятил своему другу неоконченную поэму "Уже взыграл Зефир прохладный…", датируемую 1822–1823 гг. В ней он, в частности, упоминал героинь поэм Джами "Юзуф и Зулейка" и Низами Гянджеви "Хосроф и Ширин" — Зулейка, Мириам и Ширин.

Любопытно, что **Андрей Николаевич Муравьев** (1806–1874) — русский литератор, путешественник и религиозный деятель был хорошим знакомым А.С. Грибоедова. Они повстречались в Крыму в 1825 г. и несколько раз подолгу общались. Позже Муравьев утверждал: "Многим обязан я Грибоедову…". И, вероятнее всего, именно тот повлиял на будущие паломнические путешествия Муравьева именно по направлению на восток, где поэт вдохновлялся вот такими строками:

Аллах дает нам ночь и день,
Чтоб прославлять его делами;
Светило дня — Его лишь тень —
Виновных обличит лучами.
Аллах керим! Аллах керим!

К Востоку обращал свой взор и русский лирик **Яков Петрович Полонский** (1819–1898), служивший несколько лет в Тифлисе, написавший драматическую поэму "Магомет", цикл стихов на исламские мотивы, а также поэму "Н.А. Грибоедова" о любви Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова. Особо следует упомянуть о **Платоне Григорьевиче Ободовском** (1803–1861) — писателе, педагоге, драматурге и путешественнике, почти совсем забытом в наше время. Однако он еще в 1825 г… задолго до многих других поэтов, затронул "восточную тему" в своем "Персидском романсе":

Приди под шелковый намет,
Усни на мехе неизмятом!
Здесь скорпионов вредных нет,
Здесь розы дышат ароматом
И в чаше искрится шербет,
Взойди на светлый холм со мною,
Окинь глазами пышный сад!
В нем роскошь с милой простотою
Твой прояснят суровый взгляд.

А в "Отрывках" из персидской повести "Орсан и Лейла" поэт вспомнил и об Исфахане, и о дворце персидского шаха, и о "райских вратах":

Преданье было в Испагане,
Что души праведных царей,
И всех умерших в царском сане,
В час обновления луны,
Исходят из гробницы мирной
В врата восточные страны,
Одеты ризою эфирной;
С луной по небесам плывут
В предел безоблачного края;
И Персы те врата зовут
Вратами радостного рая.

Поэт **Лукьян Андреевич Якубович** (1805–1839) — один из ярких представителей ориенталистской струи в русской поэзии, написавший много стихов о Кавказе, так же как и Ободовский или Полонский, обращался к Корану и "улетал" в своих мечтах в Персию. Ему принадлежит настоящий гимн стране великой истории и поэзии под названием "Иран", где упокоился Грибоедов:

Ликуй Иран! Твоя краса
Как отблеск радуги огнистый!
Земля цветет — и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!

Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,
И око мира, падишах,
Сей Лев Ислама, меч Пророка!

Твой воздух амброй растворен,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблен,
Поэт любви томится зноем.

В том же ряду поклонников Востока следует назвать и **Василия Андреевича Жуковского** (1783–1852) — "первого романтика" в русской поэзии, чья звезда блистала еще в допушкинский период. Его стихотворная повесть "Пери и ангел",

которая была написана поэтом в 1821 г., представляла собой перевод второй части "Рай и Пери" из поэмы Т. Мура "Лалла Рук". Как объяснил Жуковский, "Пери — воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходнее людей", которые "не живут на небе, но в цветах радуги… и подвержены общей участи смертных". В своей повести он воспроизвел многие пестрые приметы восточной жизни, вспоминая и Персию. "Я знаю тайны Хильминара…" — так писал он о развалинах Персеполя — древней столицы этой страны.

В.А. Жуковский. Художник О.А. Кипренский

А в 1846–1847 гг. поэт написал, как он сам это обозначил, "Персидскую повесть, заимствованную из царственной книги Ирана (Шах-наме)" под названием "Рустем и Зораб" с подзаголовком в оглавлении "Вольное подражание Рюккерту". Эта поэма представляла собой переложение перевода немецким поэтом Фридрихом Рюккертом (1838) одного из эпизодов поэмы "Шах-наме" (или "Шахнаме") великого персидского поэта Фирдоуси. "Шах-наме" или "Книга царей" — это грандиозная эпопея иранской истории, основанная на народных преданиях и письменных источниках. В ней рассказывается о сменявших друг друга династиях, о царях и богатырях, о различных иранских народах. В качестве главной в поэме проходит тема борьбы иранцев против туранцев, воинственных племен, живших на северо-востоке от Ирана, что олицетворяло свойственное учению зороастризма понимание извечной борьбы двух начал — добра и

зла, света и тьмы, Ормузда и Ахримана.

Персия еще не раз упоминалась в творениях поэта. Процитируем лишь отрывок из его стихотворения "Бородинская годовщина" (1839), доказывающий, что он внимательно следил за битвами на Востоке и схваткой с Персией, в которой сложил свою голову Грибоедов (кстати, поэты прекрасно знали друг друга и даже собирались в 1828 г. вместе отправиться в путешествие в Париж):

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.
И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фрунт,
И с Варшавой рухнул бунт.

"Северным Аяксом" поэт называл Паскевича, и не случайно он упомянул об Арзеруме — месте странствий Пушкина. Немаловажно, что любовь Жуковского к истории Востока сочеталась у него с тягой в этот мир в качестве путешественника.

Однако самый яркий пример "духовного и жизненного порыва" в Персию по следам Грибоедова проявил уже совсем в другую эпоху Сергей Александрович Есенин (1895–1925). (Кстати, он родился ровно через 100 лет после Грибоедова и как бы получил от него трагическую эстафету яркой поэтической судьбы.) Несколько раз побывав на Кавказе в 1924–1925 гг., поэт ехал туда не просто для отдыха и новых впечатлений, а. как он сам признавался, для того, чтобы вступить в своеобразную поэтическую перекличку с великими русскими поэтами, находившими на Кавказе новые творческие силы. В стихотворении "На Кавказе" (сентябрь 1924 г.) он так прямо и написал:

Издревле русский наш Парнас

Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
"Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной".
И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо брата…

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришёл, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Поэту так и не суждено было попасть в Персию, хотя он несколько раз порывался уехать туда и даже пытался купить билет на самолет до Тегерана. Так получилось, что в пригородном к Баку поселке на северном побережье Апшеронского полуострова Мардакянах Есенину выпало ощутить себя словно бы в Персии. Не увидев в своей жизни ни Тегерана, ни Исфахана, ни Шираза, ни иранских горных дорог, Есении сумел с помощью своего поэтического гения проникнуть в саму сердцевину персидского мира и отразить его пестрые приметы в непревзойденном цикле стихов "Персидские мотивы", пожалуй, лучшем из того, что он создал в последние годы своей жизни. А и нужно-то было поэту всего лишь поддержка и добродушие пригласивших его людей, внешние атрибуты восточной экзотики, общение с местными жителями и деятелями культуры, чтение персидской лирики и присутствие рядом заботливой супруги — Софьи Толстой… И стихи полились как живая вода из благодатного восточного кувшина. Ах, какие новые шедевры родились бы под пером Есенина, если бы он все-таки ступил на персидскую землю!

Портрет С А. Есенина. Художник В. Радаман

Внутри Дома-музея С.А. Есенина в Мардакянах, где поэт создавал свой цикл "Персидски емотивы"

И, конечно, Есенин написал свои "Персидские мотивы", в том числе, и в память о Грибоедове, который первым среди русских

поэтов не только посетил Персию, но и нашел там "героическую гибель".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удивительна судьба русских поэтов и писателей. Очень часто их творчество и самые известные произведения просто затмевают собой жизненные коллизии авторов, как будто написанные, пусть даже гениальные творения ценнее человеческих судеб. А ведь главное богатство русской литературы, без сомнения, это не столько романы, стихи и поэмы, а именно судьбы писателей-творцов. Это убеждение я выстрадал давно и выразил в своем стихотворении "Писатели и их герои":

Жизнь всегда причудливей, богаче,
Чем любого вымысла текстура,
И не появилась бы вообще иначе
Наша русская литература.

Карамазов, Чацкий и Печорин,
Фамусов, Онегин и Каренин —
Биографий лишь чужих узоры
И реальности обычной тени.

Ведь творцов самих пути земные
Интереснее бывают, чем герои!
Это годы доказали нам шальные
Тех, кто жил писательской игрою.

Грибоедов, Лермонтов и Пушкин,
Достоевский и Толстой, и Чехов —
Сами судеб неразгаданных игрушки
И истории отечественной вехи.

Жизнь писателей подчас ценнее,
Чем их яркие произведенья.
Вот та самая не новая идея,
Что мне подтвердило вдохновенье.

Именно так случилось и с Александром Грибоедовым, чья комедия "Горе от ума" долгие годы затмевала фигуру автора. Интерес к его насыщенной бурными событиями и победами дипломатической и государственной деятельности, к его воинским подвигам был все равно ничтожно мал по сравнению с тем, что удалось сделать поэту-дипломату за 10 с небольшим лет

его активного служения Отечеству. Надеюсь, что 220-летний юбилей писателя, который будет фактически открывать 2015 год — Год литературы в России, послужит делу дальнейшего исследования его биографии и увековечиванию его памяти. Россия опять, как и во времена Грибоедова, стоит сегодня на трагическом переломе, переживая эпоху исторических потрясений и испытаний. И черпать ей силы для выживания и победы, как всегда, придется из истории, которую на протяжении многих веков озаряли достойные и героические сыны нашего Отечества, к числу которых может быть по праву причислен — в самых первых рядах — и Александр Сергеевич Грибоедов.